

июль '81

Октябрь и мы.

Патриоты
нашего
времени

Обком и студия.
Союзники или...

Школа будущего.
Какой
ей быть?

Молодые
хозяева.
Видеокафе

Стихи
Владимира
Высоцкого

Тревожный
репортаж.
Изгнание
из детства

Евгений Богат.
Размышления
о жизни

Что
диктует
мода

Кто
заказывает
музыку

Братья
Стругацкие.
Повесть-сказка

Праздник на Бежином лугу.

Фото Анатолия Жмулюкина

смена 13

ISSN 0131-6656

Что социализм — это прежде всего учет и контроль, знаем мы еще со школы. Но, сталкиваясь с бесхозяйственностью в жизни, почему-то начинаем забывать школьные уроки. А ведь скажанное на заре эпохи применимо и для сегодняшнего дня: нам еще многое, очень многое нужно учитывать, да и надобность в контроле отнюдь не уменьшилась.

Что за люди работают в органах народного контроля? Могут ли они — реально, на деле — поставить заслон бесхозяйственности?

В Комитете народного контроля РСФСР предупредили: «Юного героя не обещаем, у нас молодой — это под сорок, то есть человек уже с опытом. А как же иначе? Ведь он должен быть профессионалом прежде всего. Да еще уметь ориентироваться в самых неожиданных ситуациях, а это приходит не вдруг...» С тем и отправился я в Магнитогорск.

Инспектору Магнитогорского горкома народного контроля Евгению Галкину

32 года. В его ведении — промышленность, транспорт, связь. Дело ненужное. Профессионал ли он? Окончил техникум, работал на стройке монтажником, в армии был связистом. О том, как служил, говорит звание отличника боевой и политической подготовки.

В армии сложились черты характера Евгения, столь необходимые в сегодняшней работе — обстоятельность и внутренняя дисциплина. На Магнитогорском металлургическом прошел путь от нагревальщика до мастера участка. Как сам рассказывает, не раз сталкивался здесь с наплевательским отношением к делу.

Но ни тогда, доказывая свою правоту в бригаде или споря с начальством, ни позже, окончив вечернее отделение горно-металлургического института, и предложить не мог, что через несколько лет придется отстаивать свою позицию уже на другом уровне.

Предложение стать инспектором городского комитета народного контроля принял сразу, хотя и понимал, что должность новая особых благ не сулит, а только хлопоты.

КАК НАУЧИТЬ СЧЕТУ?

Как быстро иной начальник разучивается считать государственные затраты и как заставить его вновь вести счет народным денежкам? Многотысячные штрафы за простой оборудования, перерасход энергии, не говоря уже о загрязнении среды, давно стали нормой для многих производств. Но стоит народным контролерам сделать денежный начет на руководителя, как положение сразу меняется.

Показателен в этом смысле пример двух аглоцехов горно-обогатительного производства, регулярно плативших немалые штрафы. И Галкину не раз и не два приходилось привлекать авторитеты, доказывать энергетикам и механикам возможность экономии электроэнергии и необходимость срочного ремонта погрузо-разгрузочных механизмов. В ответ всякий раз слышал, что ничего нельзя, просто невозможно изменить. Когда же начальники цехов получили по выговору, выложили по месячному окладу, оказалось, улучшения возможны. За неполный год в одном цехе сэкономлено более полумиллиона

киловатт-часов, а в другом сократили простой на полторы тысячи вагоночасов.

Так что же больше, весомее: 300 тысяч из заводского бюджета или 300 рублей из собственной зарплаты? Судя по результатам, второе. А не отказаться ли вовсе от системы штрафов в пользу начетной системы? Вот вроде уж знаем, что мешает нам жить по-новому, а все не поймем, что же тогда мешает отказаться от старого. Инерция?

Ну, а что же начальники — возмущаются, оспаривают постановления КНК?

— Всякое бывало, — говорит Герман Викторович Вихров, старейший работник Магнитогорского городского комитета. — Не все, конечно, с пониманием относятся к нашей деятельности, но за двадцать лет лишь однажды наказанный человек со мной не поздоровался — так обижен был строгостью нашего решения. И то, пока не узнал, что по сумме причиненного им ущерба дело могли бы передать в прокуратуру.

И все же, пожалуй, больше денежных начетов (до трех месячных окладов!) и даже освобождения от должности (есть у комитетов такие права) боятся нерадивые широкой огласки. В правах

ОСНОВАНИЕ

групп народного контроля записано: «Обязывать виновных выступить перед трудовыми коллективами с сообщением о принятых мерах по устранению недостатков»...

— Если бы все записанное исполнялось! — сокрушается Галкин. — А то ведь большие начальники умеют уходить от неприятного разговора: вместо производственного собрания назначают сбор партхозактива (тоже ведь коллектив). А там по принципу «нападение — лучшая защита» начинают распекать замов. И лишь в конце скромно признают и свои «недоработки». Теперь-то, при выборной системе руководства, им, хочешь не хочешь, придется держать отчет перед всеми: тут уж сводкой показателей не прикроешься.

ТАКАЯ РАБОТА...

Председатель Магнитогорского горкома народного контроля Владимир Дорофеевич Алеко пытается попонять объяснить трудности службы:

— Много ли найдется таких пекарей, чтобы выпекали, скажем, булочки и за день не съедали бы ни одной? И так ведь всюду, куда ни глянь. А вот поди поймай такого за руку...

Да, в постановлениях КНК не встречаются списки награжденных — начеты, начеты... Работа народных контролеров изначально конфликтна. Инспектор одного московского районного комитета рассказывал, как иные работники торговли норовят сперва «купить» на дефицит, а если не «клюешь», пытаются чуть ли не запугивать. Какие уж тут булочки — классовая борьба... И хоть область служебных интересов инспектора Галкина, понятно, несколько в стороне от розничной торговли, но и ему доводилось слышать это зазывное: «Кофе в зернах не хотите? Если что надо будет, заходите, звоните...»

Честность и неподкупность — слагаемые профессионализма, но прежде всего от народного контролера требуется до мельчайших тонкостей знание дела. А как же иначе, анализируя, например, причины неудач в конкретном производстве, сделать верный вывод: то ли нужно изменять технологию, то ли начальника пора менять...

Рабочий день Галкина начинается с просмотра корреспонденции. Вот телеграфный крик о помощи с листовым прокатом, без которого простила изготавливать сельхозжаток. Или вот еще с завода автокранов: «Просим содействия срочной отгрузке уголка 40 на 40 на 3...»

Инспектор раскрывает толстую тетрадь, находит нужный телефон — за два с половиной года работы в комитете их у него скопилось на все случаи жизни. Звонок в отдел сбыта металлургического комбината.

— Это действительно срочно, — сказал он мне озабоченно, пока на другом конце провода наводили справки. — Да, слушаю...

Выяснилось, что лист уже отправили, уголок отгружают. Я, признаюсь, засомневался в правдивости информации — уж очень быстро все сделано.

— А меня обмануть трудно, — улыбнулся Евгений. — ведь в каждом цехе есть пост народного контроля, всегда можно перепроверить. Чем и сильна наша организация — сотнями внештатных контролеров на каждом производ-

стве. При наших-то скучных штатах — ведь комитет три человека — разве поспеешь всюду? Да и не выяснишь, что хотел бы, могут и «липу» подсунуть. А так у нас везде свои помощники. Горком лишь координирует работу всех этих групп, подсказывает, на что обращать особое внимание, организует рейды по сигналам с мест, определяет степень виновности должностных лиц — сами группы ведь вправе объявить лишь общественное порицание...

Ну, с этим ясно. А почему спрашивается, телеграммы с просьбами адресованы КНК, вопросы-то к комбинату? Не может же комитет быть придатком отделов снабжения и выполнять, по сути, функции толкачей, которых начальство заставляет лететь к поставщикам, неделями стоять у него над душой в надежде ускорить поставки. Когда нужен металл, его хотят получить любой ценой, а объективные причины — ими съят не будешь и плана не сделаешь.

Здесь уточним: в городской комитет народного контроля заказчики обращаются, как правило, в пиковой ситуации, когда «парламентские» методы уже не дают результатов. Его призывают в качестве арбитра в споре какого-нибудь дальнего заводика с металлургическим гигантом: люди верят в беспристрастность комитета народного контроля и знают силу его влияния. Уж он-то если и сверху, то никак не со стороны. Он народный.

А потому картина экономической жизни ему нужна честная. Без прикрас. Сколько уже говорилось о приписках, вскрываемых повсеместно народным контролем. (И слово-то вроде безобидное, а ведь явление, им определяемое, стало чуть не национальным бедствием.) Но открываются приписки зачастую случайно. Вот, скажем, обнаружил комитет свой ритма в поставках обуви и текстиля, начал разбираться. Попутно вдруг всплыло, что отправлено товара больше, чем было его выпущено фабрикой. Что за притча? Засели за бумаги — и тут Галкину и его коллегам пришлося поработать прямо-таки инспекторами ОБХСС. Да, так и есть, приписки. А подсказала очковтирательям счастливую идею, как выполнить план поставок минимальными затратами, сама система промышленных перевозок. Железная дорога отказывается принимать недогруженные контейнеры (есть предписание МПС, его никто не отменял). Вот и утрамбовывают, как только могут, в большегрузные контейнеры легковесную продукцию. А если и тогда недогруз, что ж, долишем нолик-другой. Главное, теперь все в порядке и можно наконец-то отправлять товар получателю.

Если попадутся вам помятые штабели, знайте, это результат принципиальности железнодорожников или, может, еще чьей-нибудь «последовательности» в исполнении буквы закона...

«ПОКА» ДЛИНОЮ В ГОД И БОЛЕЕ

В кабинет Галкина вошел улыбающийся пожилой человек. Сказал, что с улицы Доменщиков, из того самого дома девять дробь пять, от имени всего ЖСК пришел поблагодарить...

— Что, помог наш звонок?

— Сверх всяких ожиданий. Чуть ли не год нас отфутболивали, все говорили, что не к нам, ничем не можем... А тут вдруг вызвали, обещали, что в течение месяца...

— И меня заверили, как только будет кабель, тут же подключат.

— Бумагу нам дали с официальным ответом — частью чести. Мы сперва-то никак понять не могли, в чем причина таких сдвигов, а уж когда прочитали: «Копия в городской КНК» — жалоба наша, значит, дошла... В общем, спасибо вам огромное.

Что и говорить, приятно, когда благодарят. Так ли уж часто помнят об этом? Впрочем, нет, вот и телеграммы с разных заводов — тоже благодарят за содействие.

Однако подождем умилиться. Посмотрим, что получается. В декабре 81-го был сдан кооперативный дом № 9/5 по улице Доменщиков. Хотя телефонный кабель почему-то не был проложен, в акте приемки значилось: «Телефонизация выполнена». Что ж, бывает. Ну, не оказалось в тот момент под руками злосчастного кабеля, а срок сдачи — он ведь ждать не будет. Словом, решили, что не поздно и потом проложить. Срок-то подключения в городскую сеть — первый квартал 86-го. Ну и забыли, конечно. Больше четырех лет люди жили надеждой, а тут выяснилось, что зря. Но суть даже не в том. Когда все обнаружилось, тут бы и исправить ошибку, хотя бы задним числом. Так нет: виновные стали кивать друг на друга — жилкомхоз на строителей, те — на связистов, кому же доделывать? Полгода председатель ЖСК не мог найти концов, а потом решил написать в комитет народного контроля. Дальше известно. Придется теперь прокладывать этот злополучный кабель. И будут снимать рабочих с другого объекта, хотя и там сроки...

Надо же, один звонок и — порядок: нашлись концы, нашлись исполнители. Нет проблем? Но, значит, не было и серьезных причин к неисполнению, и все — сплошной произвол некоего ответственного лица? Да за такое надо «взыскать по первое число», взыскать по всей строгости! Оказывается, и здесь есть своя тонкость, достойная сатирического пера: не может КНК наложить денежного начета на руководителя, пока потерпевшие не предъявят тому иска на материальный ущерб (моральный ущерб не в счет), а они его не предъявят, покуда не получат однозначного отказа. А им ведь и не отказывают вроде, просто говорят: кабеля нет, вопрос решить пока не можем... Пока... Поистине спасибо КНК, что наконец-то сдвинул дело с мертвоточки...

СТРОЙКА ДАЕТ УРОКИ

Рейд народного контроля с участием комсомольских проектировщиков, облсовпрофа и городской санэпидстанции назначен на вторую половину дня, время пересменки... Будущий кислородно-конвертерный цех с уникальным «стаком 2000» по масштабам Магнитки — стройка века. Темпы тут фантастические. Недаром ККЦ сейчас у всех на устах. Еще недавно голая площадка в считанные дни обрастает металлическими конструкциями. Техники какой только нет! Скважины промываются под мощные буронабивные сваи, хлопают молоты копров. Верой и правдой уже многие десятилетия служит экономике страны комбинат, но пришла пора ему обновляться, чтобы и сегодня идти в ногу с временем.

...Задача рейда скромная: проверить бытовые условия в стройгородке.

Практика строек наконец научила: нельзя повседневный труд превращать в «героическое преодоление» трудностей.

Каково положение в реальности, показал выездной секретариат Челябинского обкома партии, где анализировались болевые точки стройки, вырабатывалась стратегия на будущее. «Сроки переносить мы не вправе, значит, планы будем корректировать только в сторону увеличения» — сказал, выступая на бюро, первый секретарь обкома партии Н. Д. Швырев.

А у Евгения Галкина как ответственного за работу групп народного контроля на строительстве ККЦ заботы «местного значения». Народные контролеры стройки ведут оперативный учет посменной работы всех служб. Как ни обидно, но реконструкцию сдерживают тормоза старые, как мир. Читаю в «бое-вом листке»: «Водители БелАЗов закончили работу в 22 вместо 24 часов». Это значит, что бригада монтажников, вышедшая в ночную смену, осталась без бетона. Водители подвели монтажников, потому что завод железобетонных изделий отказал в выдаче требуемого бетона для заливки буронабивных оснований. Получается, что на передовой — перебои с боеприпасами? Вот тут и предстоит Галкину разобраться в причинах: что здесь — недостатки планирования, а что — элементарное разгильдяйство. Обеспечить четкое взаимодействие всех смежников на строительстве — опять задача народных контролеров. Придется кое-кому из начальников служб отвечать за срыв графика... Заходим в вагончик, где разместились отделочники.

— А что, девушки, подсобка у вас не отапливается, ведра с краской прямо тут держите? — интересуется Галкин. — Пожарники вас штрафуют.

— Так не успеваем же. Детей в садик отвести, в автобусах с утра битком, сами знаете. Только бегом переодеться и в восемь как штык на объекте...

Стройка ставит вопросы ребром, и решение их во многом зависит от настойчивости народного контроля. Рассказывал мне Евгений о рейде по всем городским маршрутам. Могут ли ведомственные автобусы хоть частично разгрузить общественный транспорт? Что парк машин у предприятий внушительный, факт известный, и что гоняют их зачастую порожняком — тоже знали. Но теперь комитет всерьез взялся пробить брешь в ведомственных перегородках (перегородки такие, что без штурма их не возьмешь). Составили график, обязали хозяйства выделять свой транспорт. Насколько выполняются эти предписания, покажет повторный рейд. Практика же показывает, что в часы пик все еще напряженка.

Но раз взялись, теперь не отстанут. И в народном контроле нынче установка на конечный результат: нашел недостаток, так добейся его устранения в кратчайший срок. А прежде было как? Выявил, вскрыл, наложил взыскание — через год проверил исполнение, снял с контроля... И деятельность КНК отчасти оценивалась по количеству начетов, взысканных сумм (хорошо, хоть плана по валу не было). Сегодня больший упор на профилактику, поэтому так важна неформальная помощь цеховым группам народного контроля.

Меня поразила молниеносность одной реакции, с которой столкнулся на строительстве ККЦ. Здесь особенно заметны усилия внештатных контролеров. Рейдом было установлено, что одна из бригад в полном составе опоздала на работу на десять минут. Спустя два дня на собрании бригады обсудили сигнал и приняли решение: опоздавшим снизить коэффициент трудового участия наполовину. Сами себе, выходят, снижали. Это уже что-то новое. Обычно ведь в таких случаях пытаются оправдаться, «ищут крайнего».

...Сегодня мы все лучше, все яснее понимаем: социализм — это демократия и личная ответственность каждого.

Виктор АНТОНОВ

ПОРЯДКА

Ты бежишь за мной,
или это поет трава

Вода, которой я не заметил днем,
журчит в ночи.
Я хорошо различил ее речь
в шепоте листьев.

Ночь играет нашими чувствами.

Я шаг за шагом
прошел все поляны,
но не нашел ручья.

Иду по густой тишине
за далеким призрачным светом.

Ты бежишь за мной, или это поет трава
на тонкой свирели ветра.
Я видел, как в черной ночи
на черном коне
скакет Джеймс Дин нашей молодости.

И только волосы серебрятся в ночи.

Сейчас бы русскую зиму

Всем ты живешь незримо,
во всем от тебя понемногу.
Сейчас бы русскую зиму,
чтоб тройкой развеять тревогу.

Тебя узнавать нестерпимо
в улыбках на лицах прохожих.
Сейчас бы русскую зиму,
чтоб так на тебя похожа.

Меня провожаешь взглядом,
кажется, что ты рядом.
Сейчас бы русскую зиму,
чтоб скрыла тебя снегопадом.

Валерий ВОЛОДЧЕНКО

— Здравствуй!
— Здравствуй...
— Давно не виделись,
сколько лет прошло,
сколько зим!..
Только сердце мое
меня выдало
беспокойным стуком
своим.
Почему оно так?
И зачем оно так?
Перекрыло уличный шум.
Каблучкам твоим в такт,
и часам твоим в такт,
и словам твоим в такт:
«Спешу!»
Ну, зачем оно так?
Ну, к чему оно так?
Ты прошла стороной,
я — прошел...
Каблучкам твоим в такт,
и часам твоим в такт,
и словам:
— Как живешь?
— Хорошо!

Что-то кончено,
что-то начато.
Не проси ты:
«На пару слов...»
Я себя отрываю
начисто
от всего,
что былым поросло.
И готовишься к
худшему.
к лучшему ль,
но себя успокоишь как?
Отрываешь от солнца
по лучику,
а все солнце —
ромашкой в руках...
И все счастье
в руках,
и все горе.
Все забыто —
что до сих пор.
То ли сладок он,
то ли горек
этот призрачный
приговор?

Владислав ШОШИН

Я ухожу в далекий край
Сквозь ветер и пургу,
Но я вернусь, ты так и знай,
Ты жди на Берегу.
Уйдет далеко парус мой,
Но в солнце и в снегу
Меня и летом, и зимой
Ты жди на Берегу.
Апрель раскинет новый цвет
На праздничном лугу,
Но ты не верь, что счастья нет,
Ты жди на Берегу.
Одну тебя навек любя,
2 Я у тебя в долгу.

Твой далекий голос

Твой далекий голос
пахнет твоей кожей.

Моя ушная ракушка
хвачает жемчужины слов.
Потом закрывает створки
и ищет дорогу к морю.

Чтобы укрыться подальше
и сохранить слова.

Что станет с моим телом,
связанным с ней неразрывно?

Что станет с моей рукой,
которой к тебе прикоснуться
так нужно один только раз.

Еще раз.

Закончена
публикация
романа

Владимира Дудинцева

«Белые одедды».

Почти тридцать лет
отдал автор работе
над этой книгой.

Время действия
романа

«Белые одедды» —
пятидесятые годы,
главные герои —
прогрессивные
советские
ученые-генетики,
ведущие борьбу
с бюрократами
и приспособленцами

от науки,
которых

впоследствии

стали называть

лысенковцами —

по имени их
руководителя
псевдоученого
Т. Д. Лысенко.

Читатели

с интересом

приняли роман,

о нем спорят

критики,

готовятся

инсценировки

в театрах.

Глубокий реализм,

острая

социальная

борьба,

которая

разворачивается

на его страницах,

во многом созвучны

сегодняшнему

времени —

времени перемен.

И наша беседа

с писателем —

о движущей силе

перемен,

о неизбежных

тормозящих

моментах,

о тех уроках,

которые

мы должны извлечь

из прошлого.

Владимир Дмитриевич, как бы вы сами определили главную тему романа «Белые одедды»?

— С некоторых времен у нас темой стали называть почему-то не тему, а материал и фон. Говорят: рабочая тема, крестьянская тема, военная тема и т. д. А я бы сказал, что нет ни шахтерской темы, ни рабочей, ни крестьянской, ни военной. Тема — это понятие нравственное, этическое. Есть в нашей жизни две силы: добро и зло. Тема может быть образована из этих двух понятий: борьба добра со злом, вооруженность добра против зла...

Вот это можно назвать темой. Если мы рассмотрим настоящие произведения литературы, то увидим: в них обязательно есть тема этического порядка, и эта истинная тема используется то, что у нас привычно называют темой — материал и фон — в качестве плаща для своего проявления. И в моем романе тема — вовсе не генетика, не биология, а тема вооруженности добра. Главная мысль моего романа: хватит добру капитулировать перед злом, уступать ему, пора изучить все повадки зла и взять себе его оружие. Одновременно я разрабатываю такой этический вопрос: а имеет ли право добро перениматъ все оружие, которым пользуется зло? И отвечаю положительно.

— Звучит это, прямо скажем, по меньшей мере непривычно. Не произойдет ли так, что, переняв оружие зла, добро станет похожим на зло, а в итоге само превратится в зло?

— Уверен, нет! И вот вам пример. Война. Одно государство нападает на другое. То, которое защищается, ведет справедливую войну, оно отстаивает свою независимость. Если зло с автоматом, то и добро должно взять автомат, иначе ему не победить.

Эту мысль я облек в роман в математическую формулу: член уравнения, перенесенный на другую сторону, меняет знак; поэтому все оружие, которым пользуется зло, приобретает совсем иное значение, когда оно переходит в арсенал добра и когда добро начинает им пользоваться, чтобы окоротить зло и загнать его в какую-то безобидную уже для народов нору и навести в мире наконец-то порядок. Вот что у меня в романе является подлинной темой.

— Плацдармом для разработки этой темы вы выбрали науку. С чем это связано? Как возник именно научный посыл?

— Уже на сто лет назад ушло то время, когда писатели, работая над своими романами, использовали ограниченный материал, предоставляемый дворянской усадьбой: дуэли, встречи в альелях, за чайным столом, интриги на балу, визиты по утрам и т. д. Ныне же в руках у писателей материал гораздо более обширный, потому что у нас теперь на страницы романов вышел человеческий труд.

Итак, тему избрал; нужно находить, где она получит свою жизнь. Тут мне помогло общение с биологами во время моей журналистской работы. Лет двадцать назад в «Комсомольской правде» я напечатал большую статью о генетике Нине Александровне Лебедевой, о том, как она боролась с лысенковцами. Между прочим, вот откуда пришел в книгу и нравственный толчок! Ведь Лебедева боролась с лысенковцами, надев шапку-невидимку: взяла у зла его оружие и повернула против него же. Член уравнения перенесла в другую сторону и изменила знак, называлась лысенковской. И даже диссертацию как лысенковка защищала. Но у себя дома она находилась в глубоком научном под-

ДОБРО ДОЛЖНО БЫТЬ СМЕЛЬЧИМ

полье и, завесив окна, вела свои опыты из области классической генетики, где и сделала свои выдающиеся открытия.

Я основательно изучил начатки того материала. Он и стал у меня основным фоном романа. Множество сердец, все учёные, устремились тогда на ту статью в «Комсомолке», и мне только оставалось укреплять знакомства и реализовать беседы, в которых мои собеседники рвались выложитьсь, рассказать, что наблюдало. Все это потом вошло в книгу.

— А помогла ли, чем-то тогдашняя статья в «Комсомолке» самой Лебедевой?

— Очень помогла! Статью я строил так, чтобы на ее основании можно было принимать конкретные меры. Во-первых, я доказал, что нашими учёными — не лысенковцами — выведены замечательные сорта картофеля, но путь его к потребителю умышленно задерживают. Это все возымело действие. Нина Александровна значительно продвинулась вперед; после той статьи была проведена большая ревизия в институте, о котором шла речь, и лысенковцы, задерживавшие работу Лебедевой, получили по заслугам.

Биологи, которые еще находились под прессом лысенковцев, приняли меня в свой круг. Им были нужны помощь и сочувствие. Причем учёные разного ранга, вплоть до академиков. Это были люди высоконравственные, настоящие хранители традиций интеллигентности. Они не смирились со своим положением, как могли, боролись и борьбу свою довольно хорошо документировали, писали мемуары, снимали фотокопии с официальных писем. Все эти архивы перешли ко мне, я получил от новых друзей и личные, очень поглощенные пояснения.

— Надо полагать, насколько обрадовала ваша статья в «Комсомолке» одних, настолько же она настроила против вас других — псевдоученых из лагеря лысенковцев. И уж, конечно, они не бросились к вам с распахнутыми сердцами. Как удалось вам так тщательно изучить этот контингент, чтобы описать с мельчайшими подробностями? Лысенковцы ведь наверняка не направлялись к вам на исповедальные беседы. И еще. В одной из рецензий на ваш роман критик В. Шапошников укоряет вас в том, что лысенковцев вы изобразили, на его взгляд, недостоверно — на грани карикатуры. Как же было на самом деле — вы следовали правилу Достоевского, который говорил: «Для того, чтобы правда стала убедительнее, надо прибавить к ней хоть каплю вымысла», — и воспользовались приемом гротеска при написании портретов лысенковцев, или же характеры их были в действительности настолько карикатурны, что у кого-то из нынешних читателей вызывают недоверие?

— Я их очень мягко описал! Не забывайте, что это были псевдоученые, они только изображали из себя учёных. А какие перепалки они устраивали на учёных советах — это надо было слышать!.. Я понимаю, людям нынешнего поколения это трудно представить, но у меня даже в мыслях не было добавлять им каких-то «достижений» — собственных хватало с лихвой. И, кстати, не надо думать, что лысенковцы перевелись на корню. Их и сейчас еще сколько угодно...

Лысенковцы будильно охраняли свои позиции, поэтому к ним нужно было прокрадываться по методу троянского коня. У Трофима Денисовича Лысенко в институте — такое черное здание на Ленинском проспекте — еженедельно проводились научные кон-

ференции, которые вели сам Лысенко и его правая рука — Президент. Мне туда удалось пробраться, и на нескольких таких собраниях я присутствовал и, изучив всю эту кухню, вынес твердое убеждение: они, лысенковцы, сами знали, что не правы.

— Что же, по вашему мнению, побуждало их, знающих о собственной неправоте, фанатично нести свою линию? На что же они надеялись?

— А побуждало, вероятно, вот что. Подобные явления, примеры мы можем наблюдать, кстати, не только в науке, но и в искусстве, в литературе. Одаренный человек, поэт, прозаик ли, учёный, которого, как говорится, сам бог перстом в лоб тронул, всегда обеспечен, весел, радостен и не может быть иным, потому что он все время видит истину. Явления, которые ему открываются, его радуют, душа его прыгает в восторге оттого, что сделаны такие открытия. И он совершенно не думает о какой-нибудь защите, о сокрытии своих дел. Только когда на него начинают сильно давить угрюмые люди, тогда приходится ему призадуматься.

Но если тебе не повезло, мать-природа перстом не тронула в лоб, то никакие видения тебя не будут посещать, и твой путь в науке совсем другой. Ты не сделал открытия, тебе не засияло видение чудесное, твой день пасмурен — осенний, грустный день. Но сквозь этот день ты видишь, как живут ненавистные тебе одаренные люди. Как он, одаренный, пальчиком шевелнет — и птица счастья садится ему прямо на руку! И главное, дурак, не понимает вкуса побед, не копит, а раздает все свое богатство бесчисленной своей родне, знакомым и сам не насыщается. А вот мне, говорит человек с пасмурным взором, мне бы так хотелось, я бы так охотно взял все плоды эти и ассилировал как надо. Но вот ничего нет!..

Я часто задумываюсь о том, что человеческий мыслительный аппарат имеет вот такие особенности: в черепной коробке заключены мыслительные агрегаты, и обязательно парами — по две адекватные пары. Так, например, есть мышление потребительское и есть творческое, производящее. Одно мышление озабочено: что бы такое новое произвести? И его обурашают вдохновения, связанные с созиданием, сам процесс созидания является источником особого — творческого — волнения. А мышление потребительское как бы антоним творческому. Противоположность. Производство, созидание его совершенно не интересует, оно не специализировано на этом, оно специализировано на освоении наслаждений различного типа. Например, наслаждения от потребления всяческих материальных вещей. А кроме того, есть наслаждение от потребления угодливости, услуг людей, их рабского преклонения. Я в романе привожу пример с пчелами: они кормят свою матку особым молочком (сами же его не едят), и она вырастает огромная, с палец. Так же точно есть люди, которые потребляют молочко унижения других людей.

Как только у меня эта мысль родилась, я сразу стал замечать проявления потребительского мышления. Сколько у нас грубости и угодничества! Сколько вещей несет дополнительную нагрузку — поддерживать престиж хозяина! Это проявляется и в одежде: вот идет некто важный, в пижиковской шапке, у него точно мышление потребительское.

Я заметил, что мышление потребительское и созидающее, существующее рядом, никогда не бывают одина-

ково развиты, одно из них обязательно развито больше, другое — недоразвито. Творец никогда не поступится своим временем, чтобы побежать побывать, он все делает бегом, ест на ходу. И во время еды ум его занят воспоминаниями о неоконченном труде, он наслаждается той формулой, которую начал выводить, но еще не закончил. Он ест, пьет, глотает и все время продолжает свою формулу выводить! А человек потребительского мышления, тот, наоборот: все его время занято теми страшными химерами, которые создает его алчущий мозг, он думает о том, где и что можно купить, через кого и т. д. И тут тоже очень сложная идет работа...

И вот мы подходим к тому, почему лысенковцы, зная, что не правы, продолжали упрямо вести свою линию. Ведь им предъявляли неоспоримые доказательства, а они словно не видели. Почему?

Пример. Семья: папа с мамой — кандидаты наук, а у сыночка — потребительское мышление. Так уж сложились его мозги: как получить побольше? Папа с мамой учёные, получают много, а кто буду я, думает он. Быстро промотают их накопления, кроме того, у меня два брата, и с ними придется делиться, а нужно то, да другое, да третье, брюки, чтобы на них было много карманов, куртка, машина, масса дорогой чепухи — кольца, перстень...

Кстати, меня просто потрясают перстни на руках молодых людей! Я первый в своей жизни перстень на мужской руке увидел в войну — у убитого немца. До этого в Советском Союзе на руках спортсменов, с которыми я занимался академической греблей, никогда перстней не видел. И у студентов не видел. У них руки были в ссадинах от спорта, это были мускулистые, простые ребята, несмотря на то, что они были интеллигенты. Спустя какое-то время после войны я стал замечать перстни на руках иностранцев, а потом вдруг с ужасом увидел их и на руках наших ребят.

Сегодня перстень на мужской руке — безошибочный знак принадлежности к разряду потребительских мыслящих. Знак отсталости.

Их много, таких знаков. Помню, например, в сороковые — пятидесятые годы было у молодых ребят модно ходить, заложив руки за спину. Как будто его ведут под конвоем. Как будто он вышел из воров и приобрел такую привычку в лагерях. И слова соответствующие знает. Это тоже своеобразное «молочко» — приносящий удовлетворение способ унизить тех, кто не умеет так ходить, кто и в столовой за едой что-то пишет.

— Итак, сынок, о котором мы начали говорить, становится, скажем, генетиком...

— Он понимает, что учёным платят больше, а за степень — еще больше. Какие простые агрегаты мысли! Те, кто устанавливал большую плату за степень, естественно, действовали по социалистическому принципу: за более качественный труд — более высокая оплата. Вот ведь как рождалась оплата для кандидатов и докторов. Но в умах потребительских она искалась и приняла неожиданную уродливую форму. Степень стали рассматривать как путь не к открытию, а к легкому насыщению потребительских вожделений. И вот эти люди «идут» в кандидаты, в доктора, а таланта-то, творческого ума нет, видения чудесные не посещают! Значит, приходится что делать? Притворяться учёным. Притворство — великое дело! Вспомните притворство, скажем, жука, которого пальцем тронуть, он перевернется — и мертвый! Точно такой же процесс, когда человек притворяется мыслителем!

Как это происходит? Он делает умный вид, хмурился, запоминает какие-то цитаты, которые можно вовремя ввернуть и выдать за образованность, он ищет позу, нахохливается, он важный, вальяжный...

И вот они, притворщики, собрались в 48-м году вместе, и им удалось ошельмовать классическую генетику, они даже Сталина сумели провести и стали пользоваться его твердой рукой для пополнения своих рядов сильными людьми, которые могли быть им полезными. Иным из тех людей, которые были недалеко от Сталина, они стали присваивать учёные степени — биологических наук. А тем это было очень нужно. Их работа может не понравиться, завтра, смотришь, их выгонят с хорошего места, а они перейдут улицу — и в институте! И уже доктора наук!..

И вот когда такие люди — псевдоученые или псевдохудожники — собираются вместе, им надо о чём-то разговаривать, создавая видимость.

— Они всегда держатся вместе, поддерживают друг друга, хвалят друг друга...

— Да, и еще как! И они (в нашем примере — генетики лысенковского направления) всегда говорили о всяких чудесах в природе, о порождении василька рожью, о переделке пшеницы, и тот, кто лучше, талантливее советует, чем больше он похож на учёного, тем охотнее ему присуждалась степень и обеспечивалось надлежащее продвижение.

А в руководящих инстанциях порой ничего не понимали в этом деле, и такие инстанции легко было обмануть. Сделаешь учёный вид, покажешь приборы, в колбах жидкости разноцветные переливаются, и человек качает головой: вот это настоящая наука!

Вот так собрания устраивали, обсуждали свои вопросы. А уж классическую генетику ругали! Каждый считал своим долгом высказаться по адресу «вейсма-

нистов-морганистов"... А я там сидел и внимательно их изучал. И чувствовал, что они не правы!

Там, где подлинные ученые собираются, такое невозможно: там сидят умные люди, способные уловить высказываемую одаренным человеком новую мысль и восхититься ею. Высоконравственные люди. Процитирую замечательные слова Ренана: нравственная ценность человека пропорциональна его способности удивляться достоинствам других.

— Владимир Дмитриевич, давайте перенесемся в наше время. Как вы считаете, те, кто ратовал за переброску северных рек, они из такой же компании? Ведь они тоже наверняка понимали, что делают не то дело, неправильное, вредное. И, может быть, как и лысенковцы, так и они уже не хотели, да и не могли остановиться, потому что набрали колossalную инерцию, сделали мощный замах, дали обещания, рекламу и отступать уже было некуда, поздно...

— Я глубоко убежден, что именно так и есть. Идет речь о повороте рек, о генетической ли инженерии в пробирке, связано ли это с малыми затратами и риском гибели всего-навсего одной пробирки, или это связано с возможной гибелью целого региона в стране — везде должен действовать и не может быть отменен закон необходимости обоснования предлагаемого дела и затрат. Обоснования и глубокого понимания всех последствий. Я уверен, что сама идея поворота северных рек родилась точно так же, как идеи Лысенко по переделке пшеницы. То есть толчком был какой-то лозунг типа «В течение двух лет накормить всю страну, засыпать отборным зерном! Залить в течение трех лет всю страну молоком!».

И поворот рек — из серии таких же идей. Вроде больших скачков, которые в свое время провозглашались в Китае. С одной стороны, глупые, не тронутые божьим перстом лбы, с другой — одержимые кликушеским вдохновением, вульгарные утописты. И утопия их тоже происходит от задора неграмотности: шапками закидают! Это ужасная вещь! Мне кажется, это одна из наших исторических издержек. Мы только сейчас подходим к началу искоренения этих издержек. А ведь долгие годы мы существовали под знаком новых держих, необоснованных утопий. И коммунизм-то будет через 15 лет, и люди нынешнего поколения будут жить при коммунизме, и королева полей — кукуруза...

«Простой народ...» Никуда не денешься от этого термина. Люди, одаренные в способностях к учебе, невольно становятся мудрецами, в какой бы семье ни родились! Посредственность останется посредственностью, глупец — глупцом, и процент глупых наша наука еще не сумела снизить среди рождающихся.

И ведь этот «простой люд» — те, кто недостаточно разумен, очень амбициозны. Если наступит вам в трамвае на ногу, — ни за что не извинится! Вот тут мы опять наблюдаем парные «агрегаты» в мозгу: с одной стороны, способности равны нулю, а с другой — амбиции, гордость чрезвычайно развиты. Такой человек смотрит на интеллигентных людей, и его бесит то, что им уделяется какое-то особое внимание. Но ведь ты и сам можешь таким стать, тебе никто не мешает.

Если человек ловок и хочет эксплуатировать это свойство «простого люда», хочет удержаться наверху, то должен бросать соответствующие лозунги типа «Догнать и перегнать Америку в три года, дашь рекорд!». И многие верили этим обещаниям. Помню, даже имена давали детям, если двойня: Догнат и Перегнан.

И вот из числа этих лозунгов, эксплуатирующих доверие и самолюбие простого народа, — переброска северных рек. Еще были дискуссии, а уже рытье началось. Вот это меня больше всего и обеспокоило. Значит, к этому проекту приложены руки людей со спекулятивным, потребительским мышлением. Авантуристы рассчитывают: будем рыть, будем выполнять программу, план, успеем получить все, что нам надо, сработает хозяйственный автоматизм. А статистика к тому же показывает, что за ошибки в таких делах наказывают не только. Точно так же мыслит и вор: крадет и закапывает наворованное. Отсижу срок, а потом выкопаю и буду до конца дней богатым. Тут наверняка были такого типа расчеты. Это, конечно, преступление.

Проект остановили. Но почему — поскольку уже понесены большие затраты — не возбужден народный иск против тех, кто начал все это? Почему не поручено компетентнейшей экспертизе изучить вопрос от начала до конца? Это нужно не только для того, чтобы наказать виновных, но и для того, чтобы на всю страну твердым голосом было сказано: подобные авантюры будут всегда наказуемы! И на основании материалов дела, на мой взгляд, следовало бы даже издать закон о наказуемости всевозможных авантюров, влекущих за собой серьезные потери для государства.

— Владимир Дмитриевич, а каким образом, на ваш взгляд, складываются взаимоотношения у лысенковцев, знающих, что они не правы, со своим внутренним «я», с совестью? Человек обманывает окружающих, он имитатор, но как ему удается обманывать и себя? Или он просто не думает об этом? Старается не думать?

— В комплекс творческого мышления входит и попытка мысли, мечта о будущем: человек соединяет свою деятельность с судьбой общества, поэтому когда он

что-то делает, то чувствует, что это и его будущее. У человека потребительского мышления, в данном случае у лысенковца, все проще: он не мечтает так, его мечты в плане потребительском: получу степень, потом вторую, а там... Вот этому академику восемьдесят лет, он скоро покинет свое кресло, а кого, кроме меня, будут рекомендовать на его место? Я должен готовить себя к этому моменту уже сейчас! Я вот так-то себя проявляю, поверну речи вспять или сделаю пшеницу в два года! Как раз будет заседание по поводу кресла, а я за десять дней до этого выступлю в печати с большими обещаниями. Меня и назначат!

По-моему, примерно так идет «общение» с самим собой. Такую структуру мечтаний мы наблюдаем очень часто. Это какие-то совсем другие существа, а ведь голова имеет ту же форму и то же самое симметричное строение мозга, значит, какие-то участки гипертрофированы, а какие-то недоразвиты.

— В то время, когда вы начинали работу над романом, лысенковцы имели большую официальную поддержку, на что же вы рассчитывали? Ведь, насколько известно, за первый ваш роман, «Не хлебом единим», в 1956—1957 годах вам досталось... Что такое, по-вашему, гражданское мужество?

— Во время работы и над тем, и над новым романом я не чувствовал того, что должен был бы чувствовать мужественный человек. Я не ощущал опасности. Если бы опасность была четко выражена, естественно, я бы боялся, трепетал, должен был бы чем-то жертвовать. Но это было бы уже с моей стороны не мужество, а, наверное, смелость, дерзость. Под мужеством же, видимо, надо понимать нечто охватывающее сумму обстоятельств и личных качеств, то есть достойное мужчины осмысленное отношение к окружающему и предстоящему и желательно без жертв.

Все-таки пример «чистого» мужества у меня есть. После того как «Новый мир» (еще старый) расторг со мною договор на роман «Белые одежды», я несколько повесил нос, потому что узнал: роман показывали в некой обязательной инстанции, и там он был встречен без восторга. Мягко говоря. И вот в минуту специфического уныния, хорошо знакомого тем писателям, чьи произведения отвергают, раздается телефонный звонок. Оказывается, ко мне приехал из Ленинграда главный редактор журнала «Нева» Борис Николаевич Никольский. Он с членами редакции читал роман, и было решено его напечатать. Даже зная о расторжении договора «Новым миром», «Нева» запустила роман в производство, и тут-то начались месяцы «стояния» главного редактора на своем. Если вы откроете последнюю страницу первого номера «Невы» за этот год, найдете такой текст: «Сдано в набор 29 сентября. Подписано к печати 31 декабря». Весь этот трехмесячный промежуток главный редактор и редакция отставали свою точку зрения, а типографский процесс шел своим чередом! Самостоятельность редактора была делом еще новым, а настойчивость заинтересованных казалась делом старым, обкатанным, верным. Тут я воочию увидел ячейку нашей жизни, куда заглянул луч перемян. И понял, что без мужества единиц, берущих на себя первый риск, нам не обойтись.

Попался я в пятьдесят седьмом году в руки противников романа «Не хлебом единим». Все было. И в Союзе писателей прорабатывали, и даже моим детям в школе читали нотации. Но страха я не чувствовал. И мужества не почувствовал — «не успел». Было любопытство к происходящему, удивление. Может, потому, что к тому времени уже перестали сносить головы, не объявляли врагом народа. А ведь Сталин на долгие годы засорил мозги и чувства народа страхом перед крутыми мерами, которые он практиковал. Это полезно было бы знать тем мальчикам из шофера, которые наклеивают его портрет на стекло своих машин, и тем дурачкам, которые по дороге из Москвы на Кавказ носят по вагонам фотографии «вождя». Он все-таки страшный ущерб нанес стране...

— Владимир Дмитриевич, вы сказали, что и в наше время не перевелись лысенковцы. Не обязательно в науке, в какой угодно сфере жизни — в литературе, искусстве, в хозяйственных организациях, в комсомольских, в партийных. Ущерб, который они наносят, трудно подсчитать. Ведь исчисляется он не только в рублях, но и в уничтоженных лесах, деревнях, пущенных под воду, в загубленных идеях, в потере у кого-то веры в справедливость... Ваше мнение: неужели как явление лысенковщина неуничтожима?

— Думаю, не уничтожить, а значительно уменьшить можно. Путем развития того, о чем мы сейчас заговорили: демократии и гласности. А ведь у нас они были, были! Не надо забывать: не где-нибудь, а у нас были декабристы, петрашевцы, Гоголь, Салтыков-Щедрин, Некрасов, народники. У нас Засулич стреляла в Трепова, и ее потом суд оправдал, студенты уносили ее на руках из зала суда! Оглянитесь на наше прошлое, у нас великое революционное прошлое!

Молодые люди из университетов отказывались от тех благ, которые им предлагала табель о рангах, и шли в народ. Чтобы пробудить в нем сознание, научить, уничтожить остатки крепостного мышления. Чтобы ту женщину-рабыню, что на картине Перова

корчит грудью барских щенков, поднять до идеального уровня, который эти интеллигентные молодые люди еще только создавали в своем воображении. Это привело к революции. Рабочие и крестьяне научились мыслить, но не во всей полноте. Интеллигенции следовало бы после революции продолжать образовывать народ. Ленин это понимал, конечно. Stalin же уничтожал интеллигенцию, носителя идей... Не успела интеллигенция поработать над сознанием народа до конца. За все это мы расплачиваемся. Вот она, расплата, — и лысенковщина, и поворот рек...

Дорога открыта всем: пожалуйста, растите в своих семьях интеллигентов, сколько хотите! Но нужно производить настоящих интеллигентов! Для этого надо расстаться с амбициозностью и потребительским мышлением. Нужен серьезный внутренний переворот, который дается университетским высоким образованием под руководством настоящих профессоров, а не таких, которые сами носят черты недостаточной интеллигентности.

— Владимир Дмитриевич, «Смена» — журнал молодежный. Поэтому последний вопрос, касающийся подрастающего поколения. Много упреков звучит сейчас в адрес молодежи. И упреков справедливых. Кто-то из молодых гремит цепями, панкует, кто-то даже отмечает день рождения Гитлера, кто-то ничего не хочет делать — только отдыхать. Откуда все это? Что мы упустили, когда?

— Отцы во всем виноваты, отцы.

В романе «Белые одежды» говорится о пионере, который увидел, сидя за партой, плакат. Там было нарисовано: мальчик нацарапал свое имя — «Толя» — на парте, а его товарищ встал и на него доносит. И лозунг: «Пионер всегда говорит правду, он дорожит честью своего отряда!» Этот плакат — в жизни, не в романе — мне принесла из школы дочь семиклассница. Она, зная мои взгляды на такие вещи, крадучись сорвала его со стены и принесла. О чем это говорит? Во-первых, не нужно думать, что дети этого возраста еще глупенькие. Они все отлично понимают, могут сформировать в своих головенках взрослые мысли! И формируют! Но если бы в семье не было такой обстановки, как у меня, а была бы такая, какая бывает у иных бюрократов, то дочь не понесла бы этот плакат мне, а самостоятельно «работала» бы над ним со своими друзьями: «Как тебе, Вася, нравится это произведение? Ведь призывают ябедничать, доносить! 125 тысяч тираж, художник рисовал, редактор есть. Павлик Морозов сзади нарисован!» Дети самостоятельно изучают такие вещи, дают им убийственную, безошибочную оценку. А тут еще классный руководитель, проходя мимо, слышит их разговор и, конечно, хорошенко прорабатывает их за дерзкие слова. Они начинают проникаться чувством протesta, который у молодых, естественно, ярче, чем у старых. У них появляется интерес к конспирации. Они становятся замкнутыми. Через этих деток мы получаем возвращение сибирских рек и теперь получаем через наших, не весящих нам деток.

Это просто удивительно, что так неуклонно, несмотря на нашу формальную пропаганду, действует принцип: мне — отщече, и аз воздам. Как он четко и неуклонно действует! Ни у кого из учених, работающих честно, ни у генетиков, которые страдали от лысенковцев, ни у художников, которых были за картины, не совсем понятные, ни у писателей, битых за якобы очерняющие действительность произведения, не вырастают плохие дети! Поэта Яшина в свое время били за «Рычаги», но я видел его прекрасных детей.

— У кого же тогда вырастают плохие дети?

— У того, где в семье царит ложь. Причем она может быть и в том, что родители поддерживают официальную ложь, которая им, мало думающим родителям, даже и ложью не кажется. А у детей мышление чище, нравственнее, они еще не испорчены, они эту ложь сразу «усекли», оценили и уже смотрят на своих родителей с прищуром. Происходит духовный разрыв, и сын остается, как щепка в бушующем океане, без руля и ветрил. Вот тогда-то и появляются уродливые по рождениям их детского, незрелого протesta.

...Сейчас много слов произносится о перестройке, но как никогда нужно больше не слов, а дел. Перемены ободряют, радуют.

Чтобы новое победило, чтобы старое не высывало голову, мы должны все старые формы поломать до конца. Зачем, скажем, нужны мальчики с барабанным боем на съездах, с декламацией наскоро испеченных, посредственных стихов?.. Все это из того, прошлого времени...

Я вот говорю сейчас о ломке форм «левые» фразы. Легко говорить, но ведь как их поломаешь, старые формы? Ломать-то должны компетентные люди, мужественные интеллигенты, они должны начинать с исходного рубежа, где бы им была дана свобода. Да, еще предстоят годы борьбы. Перемены — процесс медленный, и здесь нужна тактика, выверенная стратегия, ум незаурядных руководителей.

Беседу вел Юрий РАГОЗИН.

Фото Сергея Ветрова

ШКОЛА

XXI ВЕКА

Фото Сергея Ветрова

ВЕКА

— Валентин Иванович, школа — точнее, школьное здание — многие годы почти не меняется. Усовершенствования, конечно, были — например, стал обязательным спортзал. Но в принципе конструкция остается прежней: классы, коридоры, актовый зал... Можно ли придумать что-то совершенно новое? Да и нужно ли? Ваш проект школы будущего красив, эффектен. Но прежде чем говорить о нем, хотелось бы понять: что вас не устраивает в архитектуре современного школьного здания, что побудило кардинальным образом менять его облик?

— Всем известно, как выглядит снаружи и внутри современное школьное здание. Если представить схематично, оно крайне примитивно: «ящики» — классы, бесконечные коридоры и коридорчики. Уныло, убого. У ученика, шесть часов просидевшего в прямоугольной коробке, появляется естественное желание поскорее уйти из нее. Школа как центр воспитания не может в полном объеме выполнять этой важнейшей функции уже потому, что своей архитектурой отталкивает подростка. Помните, еще Ушинский говорил, что окружение имеет колossalное значение для воспитания. А если окружение до обидного однообразно? Основная идея нашего проекта, а мы разрабатывали его вме-

Валентин СТЕПАНОВ,
доктор архитектуры,
профессор, заведующий
отделом школ
и внешкольных учреждений
ЦНИИЭП учебных зданий

сте с молодым архитектором Альбертом Батановым,— создать такую модель школы, где были бы все условия для гармоничного развития личности.

— Что представляет собой архитектурная модель школы будущего?

— Она имеет принципиально новую педагогическую структуру здания, основанную на максимальном синтезе учебного и воспитательного процессов. Архитектурное решение основано на сферах деятельности учащихся. Проще говоря, школа состоит из секторов: «Техника», «Природа», «Обществоведение», «Искусство», «Спорт» и сектор для младших детей. Каждый сектор — это комплекс помещений, оснащенных так, чтобы дать школьникам исчерпывающую информацию об окружающем мире, подготовить теоретически, связать теорию с практическими работами и предоставить возможность заниматься творчеством. В каждом секторе будут музей, библиотека, лекторий, учебные кабинеты, лаборатории и мастерские, кружковые комнаты. Например, сектор «Искусство» содержит студии и кружки по изобразительному искусству, архитектуре, скульптуре, музыке, хореографии, музею, школьный театр и так далее. Сектор «Спорт» — это бассейн, система спортзалов с трансформирующимися интерьерами, дающим возможность создать легкоатлетический манеж. Сверху он перекрыт прозрачной оболочкой. Кольцевое построение с центральным многофункциональным рекреационным пространством позволяет органически связать здание с внешней природной средой при относительно компактных размерах. Кстати, уголки живой природы предусмотрены и внутри школы.

Интерьер школы «подвижен» — его можно будет при необходимости изменять. Но архитектурное решение — только часть общего замысла. Мы предлагаем также ввести в школе будущего новые формы обучения и воспитания. Нынешняя классная система создана триста лет назад чешским педагогом Яном Каменским и с тех пор не претерпела существенных изменений. Нам кажется, что при всевозрастающем потоке информации требуются несколько иные методы. Формы обучения видятся такими: для младшего возраста — игровые, а для среднего и старшего — по системе «ученик — группа — класс — поток».

— Последнее требует расшифровки...

— Ну, индивидуальная работа ученика — тут все ясно. А группа — это 6—8 человек, каждый ученик — лидер по одному из предметов, в котором он наиболее преуспел. Иначе говоря, класс состоит из активно действующих неформальных групп, где постоянно идет взаимное обогащение новыми знаниями, опытом. Это, видимо, наиболее плодотворная форма — когда каждый ученик попеременно является как бы ведущим или ведомым и никто не остается в роли пассивного слушателя. Классы же будут собираться в потоки, на лекции — знакомиться с перспективными идеями, направлениями в науке, искусстве, производстве. Здесь смогут выступать и университетские преподаватели, профессора, научные, производственные. Но, чтобы реализовать задуманное, как раз и требуется принципиально новая модель школьного здания. Наша цель: органически переплести все направления обучения — техническое, гуманитарное, естественнонаучное. Плюс спорт и искусство. И глубокая профориентация по всем линиям. К моменту окончания школы каждый ученик должен пройти через все сферы деятельности человека и четко определить свое будущее. На наш взгляд, самый перспективный путь развития школы — это полный день...

— Все ли захотят оставаться до вечера в школьных стенах?

— В современной «коробке» — нет, конечно. Мы как раз и ставили задачу сделать школу привлекательным местом для детей и подростков. На уро-

ках ученик не всегда может получить ответы на все свои вопросы, проявить инициативу, раскрыть все свои способности. Полный день и должен служить гармоничному развитию личности.Правда, не думаю, что с такой нагрузкой справится один учитель. Необходимо вовлечь в воспитательный процесс родителей — они обязаны в свободное время прийти в школу, принести детям свои знания и умения. Кстати, я могу сослаться на уникальный пример: в Омске в одной школе родители организовали около ста кружков!

— На сколько учащихся рассчитана ваша школа? Какие материалы заложены в проекте? Стоимость?

— В ней 33 класса, 960 учащихся. Основной материал — монолитный железобетон. Что касается стоимости... 6—8 миллионов рублей. Для сравнения скажу, что нынешняя школа стоит полтора миллиона. Дорого? А можно ли экономить на подрастающем поколении? К сожалению, у нас архитектура «задавлена» строителями. Во главу угла постоянно ставится, так сказать, «прямая» экономия, а уж потом — человек, не учитываются социальные последствия. Между прочим, за рубежом архитектор диктует строителям, что и как строить. У нас наоборот. Разве наши строители не в силах осуществить проект так, как он задуман?

— На выставке в Доме архитекторов я видел также макет школьного комплекса, разработанного вами с группой архитекторов. Тоже недешево: шесть с половиной миллионов. Но, кажется, этот проект близок к осуществлению?

— Да, деньги на него выделены, комплекс будет строиться в Свердловске. Он включает в себя две школы по 33 класса, общешкольный центр, филиал районного Дома пионеров и школьников, детскую школу искусств, детскую спортивную школу и учебно-производственные мастерские. Это, если хотите, наш вариант решения одного из пунктов школьной реформы: «Создать в каждом районе комплексы внешкольных учреждений с широким спектром направлений деятельности».

— Не так давно «Смена» выступила с предложением создать в городе Кирове детский дом промышленного предприятия — принципиально новый тип детдома. В восьмом номере журнала за этот год было опубликовано задание на проектирование — каким условиям должно отвечать здание. Один из первых проектов разработан в вашем научно-проектном отделе. Что можно о нем сказать?

— Если коротко, то архитектурное решение близко школе будущего — то есть содержит многие ее элементы. Я имею в виду не внешний облик — он совершенно иной, а принципы пространственной организации здания. Архитектурные формы подчинены одной цели: чтобы ребенку в таком детдоме жилось тепло и радостно.

Беседу вел
Владимир НИКОЛАЕВ.

ОТ РЕДАКЦИИ.
Проект школы будущего существует пока только в макете. Нет еще заказчика и подрядчика, чтобы претворить его в жизнь. Но разве обязательно, чтобы новые архитектурные решения долгие годы оставались на бумаге? Мы обращаемся к заинтересованным организациям, прежде всего к Минпросу и Госстрою ССР: давайте сделаем так, чтобы школа будущего появилась уже в нашем веке. «Смена» готова взять шефство над осуществлением проекта — от макета до ввода в строй. Не будем откладывать хорошую идею на будущее!

Смена

C

уществует некая общепринятая, «типовая» модель сотрудничества молодежного театра и комсомольских органов. Выглядит она примерно так: театр работает под заботливой опекой райкома (или горкома, или обкома) ВЛКСМ, комсомол направляет деятельность театра, помогает ему по хозяйству, театр отвечает активным участием в комсомольской жизни города. В принципе так, наверное, бывает. Но сегодня мы расскажем о случае, который по теории бесконфликтности немыслим. Это история полного разрыва между театром и обкомом комсомола. Ситуация, о которой пойдет речь, крайне запутана и противоречива. Прежде чем начать разговор, хочу предупредить: ни в коем случае нельзя ограничивать цель этой статьи как «наказание виновных». Главная задача — помочь враждующим — да-да, именно так! — сторонам найти пути решения всех проблем, найти дорогу друг к другу. Стороны сегодня сами сделать этого не могут. Невозможность работать вместе признается реальностью номер один. Вот примеры.

Точка зрения Регины Гринберг, главного режиссера Ивановского народного молодежного музыкально-поэтического театра-студии: «Советоваться с обкомом комсомола? Бесполезно... Обком ВЛКСМ от нас просто отвернулся».

Точка зрения работников Ивановского обкома ВЛКСМ А. Каталова, В. Кириюхина, А. Чистова: никакие нормальные рабочие контакты с Р. М. Гринберг невозможны.

Вот так, просто и однозначно. Дуэль! А теперь перейдем к делу. Для начала — немного истории. Ивановский молодежный музыкально-поэтический театр существует вот уже тридцать лет. Театр — лауреат премии Ленинского комсомола, неоднократный участник и победитель многих театральных фестивалей и смотров 1958, 1963, 1967, 1977, 1979, 1985 годов. Имеет обширную географию гастролей — Москва, Ленинград, Пермь, Владимир, Ярославль, Свердловск, Ташкент. Безусловно, это один из интереснейших народных театров страны. Все тридцать лет театр возглавляет заслуженный работник культуры РСФСР Р. М. Гринберг.

Почему же «театр не может работать» (слова Регины Михайловны)? Откуда взялся такой серьезный конфликт? Ведь театр 30 лет назад создавался именно при обкоме комсомола, и с тех пор обком шефствует над театром.

На мой взгляд, весь круг проблем можно разделить на два основных блока: хозяйствственные, организационные и художественные или, если брать шире, идеологические проблемы. Правда, Регина Михайловна Гринберг такое разделение в принципе не допускает. По ее мнению, «если есть налаженное хозяйство, есть и идеологическая работа». И тем не менее примем на время это условное разделение проблем.

Театр расположен в Доме культуры фабрики имени Балашова. В его распоряжении две сцены — малая и основная, несколько кабинетов, есть комната-музей. Места, в общем, не так уж и мало, театр занимает большую часть помещения Дома культуры. И, разумеется, возникает масса хозяйственных вопросов. Например: не оборудована вентиляция на малой сцене, в плохом состоянии фасад здания, а также подходы к театру — они темные, какие-то очень неуютные и мрачные, грязные. Масса хлопот с лампами для светильной аппаратуры, и так далее, и так далее. И дело в том — я намеренно так подробно перечисляю все вопросы! — что все претензии театр предъявляет обкому комсомола.

Работники обкома, в частности секретарь обкома Алексей Каталов, заве-

Алексей КУЗНЕЦОВ,
специальный
корреспондент
«Смены»

дующий отделом пропаганды Вячеслав Кириюхин, от этого не отказываются. Конечно, нельзя в один миг решить все вопросы. Может быть, работники обкома решают их через сквозь медленно. Но дело не в этом. Речь идет о том, что входит в их прямые обязанности. Если идеологическое руководство, то в чем оно заключается? Или хозяйствственные функции? А вернее всего — гибкое совмещение того и другого. Именно силами обкома ВЛКСМ штаб ССО в 1985 году провел ремонт в помещениях театра и в музее. Но едва ли имеет смысл ждать и требовать от обкома решения только хозяйственных задач. Конечно, слова В. Кириюхина: «Наше дело — идеологическое руководство, а хозяйством пусть занимаются фабрика и профсоюз» — приветствовать нельзя. Но «контрагумент» Р. Гринберг звучит, мягко говоря, тоже неубедительно: «Ленинский субботник был идеологическим мероприятием, тем не менее там таскали бревна!»

Но это еще не все. Один из ключевых вопросов — автобус. Дело в том, что все спектакли кончаются очень поздно — случается, актеры расходятся и за полночь. Дом культуры расположен в отдаленном месте, где, кроме одного редко ходящего автобуса, нет никакого транспорта. Конечно, актерам и зрителям добираться до дома неудобно: а подчас и опасно — уже были случаи нападения. Это факты, зафиксированные в милиции. И вот Регина Михайловна требует у обкома автобус (который был обещан театру к 25-летию), чтобы развозить по домам актеров. И обком, представьте, автобус выделяет. Не совсем, как признаются работники обкома, новый, но на ходу. Правда, с мая он на капремонте. Правда, автобус долго стоял у обкома, не будучи ни у кого на балансе. И водителя сейчас нет. Все так. И тем не менее автобус есть, и это не «чистая фикция».

Теперь проблема кадров. У Ивановского молодежного театра сейчас в штатном расписании 14 ставок. Все, кто более или менее знаком с положением дел в народных театрах, мне могут не поверить, настолько неправдоподобно большой кажется цифра. Этого количества штатных единиц удалось добиться всеми правдами и неправдами, проводя одни через обком комсомола, другие — через облсовет профсоюзов, третьи — через Дом самодеятельного творчества. Тут вроде бы театру жаловаться не приходится. На деле же Регина Михайловна и эти ставки называет фиктивными, потому что... никто из названных трех организаций не занимается их укомплектованием! Оказывается, мало дать ставки — надо еще их и заполнить. И, представьте, все три организации регулярно направляют в театр людей. Не люди там почему-то работать не остаются.

В Ивановской области 17 народных театров, да что там област — я специально узнавал у специалистов, и мне подтвердили, что таких условий нет практически ни у кого. Директор одного из профессиональных (!) театров только ахнул, услышав про эпопею с автобусом. Тут ситуация предельно ясна: по-

ИЛИ
ПРОЗАИЧЕСКИЕ
БУДНИ
ТЕАТРА
ПОЭЗИИ

ИСТОРИЯ НЕИЮБВИ

тенциально Ивановский молодежный театр находится в исключительном положении. На него обращено особое внимание, как бы ни выражала против этого Р. М. Гринберг. И, видимо, театр постепенно привык к особому вниманию.

Я далек от того, чтобы обвинять театр в неумении распорядиться богатейшими возможностями. Безусловно, обком комсомола, привычно объясняя разные проволочки удобной фразой: «Такие дела сразу не делаются», — не прав. И не прав серьезно, его неправота для театра чувствительна. Но не будем забывать и цель данной статьи: постараться помочь театру и обкому комсомола найти дорогу друг к другу.

Сегодня, мне кажется, мы слишком часто, до оскоминки, к месту и не к месту употребляем слово «перестройка». Между тем как упоминание его все еще лишь мешает делу, скрывает от нас то, что сегодня на первый план выходит самое главное — морально-этическое понимание перестройки. Пока не произойдет внутренней перестройки, перемены самого человека, никакие дела по-новому не пойдут.

Но тут же мы подходим еще к одной проблеме. И разобраться здесь будет сложнее. Суть этих проблем Регина Михайловна называет одним словом: администрирование.

Регина Михайловна жалуется на постоянное давление со стороны обкома комсомола, обсовета профсоюза, Дома самодеятельного творчества.

Для начала разберемся в более простых явлениях. Регина Михайловна считает, что названные организации совершенно неправильно требуют от театра плана работы на сезон уже в сентябре — октябре. Сезон обычно начинается в ноябре, возникает масса творческих и прочих проблем, и театр не всегда может четко планировать свою работу. Однако... и в ноябре планы работы театра все еще не было.

Далее. Регина Михайловна говорит, что ее заставляют сдавать новые спектакли, тогда как театру сейчас выгоднее, удобнее играть старые спектакли. Что ж, вполне возможный случай. Сейчас в репертуаре театра «Мозаика» А. Вознесенского, «Настал черед» М. Цветаевой, «Мы вращаем землю» по В. Высоцкому, «Дерево добрых» Ю. Левитанского, «Спешите делать добрые дела» Г. Поженина. Кроме этого, театр проводит творческие встречи.

Иной раз необходимы передышки, творческая пауза, возможность закрепить уже найденное, накопить силы, мастерство. Мне кажется, различным инстанциям не стоит требовать обязательных новых постановок. Но последняя премьера в театре состоялась в апреле 1985 года. Не затянулась ли пауза? Ведь к примеру, лет десять назад в год появлялось 3—4 новые постановки. Но и в этом вопросе надо быть очень осторожным. Как, например, рассматривать такой вариант работы театра: поэтические спектакли постоянно обновляются за счет ввода новых сцен. Появилась, допустим, новая подборка стихов А. Вознесенского — театр находит возможность ввести их в живую ткань спектакля. Это один из

важнейших творческих принципов Р. Гринберг. И тут, думается, инструкции и своды параграфов могут не выдержать проверки на прочность. Или еще один спорный вопрос: спектакль «Мы вращаем землю», по существу, состоит из трех отдельных спектаклей, но идет он один вечер — как триптих. Регина Михайловна считает это время спектаклями, обсовет профсоюза — одним, раз идет он один вечер и продается на него один билет. Как тут быть?

Рассмотрим еще несколько «болевых точек». Несколько лет назад, рассказывает Регина Михайловна, происходили очень неприятные истории во время сдачи спектакля по В. Высоцкому. Запрещали репетировать, вымарывали из композиции некоторые стихи. Словом, история действительно неприглядная, и то, что еще несколько лет назад у нас пытались замалчивать его творчество, печальная реальность. Но с тех пор многое изменилось! Изменился, например, состав обкома комсомола, ушли те люди, которые доказывали вредность Высоцкого. А ведь Регина Михайловна утверждает, что со всеми прежними составами обкома ей работалось легко, а вот нынешний состав во главе с Каталовым и Кирюхиным ей не дает работать. Как же быть тут с историей постановки Высоцкого?

Недавно театр нападил связь с комиссией по творческому наследию В. Высоцкого. Возникла совместная идея — присвоить театру имя поэта. К открытию сезона в адрес театра от комиссии пришло письмо, в котором высказывалась поддержка идеи. Письмо должно было быть опубликовано в молодежной ивановской газете «Ленинец». Оно и было опубликовано — только без абзаца, в котором говорилось о присвоении театру имени В. Высоцкого. Оказывается, театр не посоветовался с обкомом комсомола! А раз так — вступил в силу великий принцип «как бы чего не вышло». И Алексей Каталов дает личное указание вырезать из текста тот самый подозрительный абзац. Спору нет, обкому обидно. И, наверное, театру стоило посоветоваться. Но велика ли вина? И что стоило А. Каталову пойти навстречу театру, забыть об обиде во имя прекрасного общего дела? И не впадать в начальнические амбиции. Вот это уже наглядный пример администрирования, хотя я убежден: договориться все-таки было можно и нужно!

Сюда же можно отнести и обещанные театру, но не состоявшиеся по неизвестным причинам гастроли. Гастроли не прошли и до сих пор, а они театру необходимы, чтобы проверить на деле верность своих творческих принципов. Итак, история с именем Высоцкого и гастроли. Кроме этих двух, бесспорно, серьезных вещей, мне не удалось услышать больше ни одного примера «администрирования». Все остальные претензии театра к обкому комсомола упираются в те самые хозяйствственные нужды, потому я и рассказал о них вначале. Более того, Регина Михайловна категорически против любого (!) участия обкома в творческой жизни театра. Постепенно дело доходит до таких требова-

ний: обком должен обласкать творческого работника, создать атмосферу внутреннего комфорта. Пока же, по словам Регины Михайловны, в обкоме царит «вельможный стиль», которого она боится и потому не подпускает обком близко к решению творческих вопросов. А между тем член худсовета театра А. Ефремов призывает работников обкома чащеходить в театр, интересоваться творческой стороной дела! Ну, а мнение Регины Михайловны об идеологическом руководстве обкома мы знаем: пусть обком занимается автобусом, ремонтом, вентиляцией. Так в чем тогда администрирование? Честно говоря, кроме двух действительно логически необъяснимых случаев, больше ничего мне рассказано не было.

Каковы же перспективы?

Что касается театра, тут вопрос уже поставлен. Неоднократно высказывалось мнение о том, что коллективу нужен иной статус. Это должно быть чем-то вроде клуба, творческого молодежного центра, который мне кажется, городу необходим. Формы работы театра во многом переросли существующую его организацию — тут и лежит корень разногласий. Правда, некоторые формы работы нуждаются в очень серьезной доработке. Так, я не увидел в театре обещанной зрительской активности — творческая встреча с поэтессой Т. Жирмунской и обсуждение спектакля «Настал черед» проходили довольно вяло и неинтересно, по крайней мере мне приходилось видеть гораздо более острые и серьезные обсуждения. Существующая в театре зрительская анкета составлена крайне примитивно и серьезным основанием для социологического исследования быть не может.

И вот что еще сегодня нужно театру — поверить в то, что предлагает обком комсомола. Сотрудники обкома просили напечатать в журнале список предложений обкома театру. Это перспективы на совместную работу.

Итак, обком ВЛКСМ предлагает:

1. Организовать шефскую работу театра над трудовыми коллективами города и области.
2. Предусмотреть четкое совместное планирование этой работы.
3. Включить в состав худсовета театра секретаря обкома ВЛКСМ.
4. Установить связи театра с близкими по творческим принципам театрами страны.
5. Организовать поездки и встречи по линии комсомола.
6. Обеспечить участие театра в концертах творческой молодежи города.
7. Проводить вечера поэзии, диспуты, творческие встречи в студенческих аудиториях города Иванова и области.
8. Восстановить работу народного университета культуры на фабрике имени Балашова.

Может быть, этим предложениям не хватает конкретности. Но в них есть главное — стремление забыть обиды и начать наконец совместную работу. Если сюда добавить поддержку предложений Р. Гринберга о создании молодежного центра, организовать московские гастроли, срочно исправить положение с присвоением имени В. Высоцкого, организовать регулярное освещение в прессе творческих проблем театра и, разумеется, немедленно ускорить все

хозяйственные работы, станет очевидной возможность нормального сотрудничества.

P. S. Этот материал был уже в редакции, когда в газете «Ленинец» появилась статья о спектакле «Мы вращаем землю». А вскоре газета посвятила целую полосу читательским откликом на эту статью. И вот что интересно: основной спор (какой там спор — война!) разгорелся не по поводу спектакля, а непосредственно вокруг театра.

«До сих пор театр был вне критики. Они (авторы статьи — А. К.) ни в театре, ни тем более в кругу его друзей услышаны не будут». Некоторые зрители пытаются понять: в чем истоки этих «зон молчания»? Послушаем их.

«Все последние статьи ни словом не напоминают об определенном кризисе театра. Отсутствие критического начала в разговоре о театре, редкая сменяемость репертуара, недостаточная пополненность труппы, по-моему, вредят развитию этого творческого коллектива» (В. Бахарев, художник).

«Творческий потенциал театра по-прежнему высок, тому свидетельство — ажиотаж с билетами и постоянное паломничество зрителей из других городов...» (С. Шмелев, инженер).

А вот уже слова о самом спектакле: «Проще и как-то приглаженное (будто причесали на прямой пробор) получилось в спектакле Высоцкий. Не живой поэт, а памятник» (В. Гончарова, учитель).

Такое разделение мнений свидетельствует в первую очередь о том, что Ивановский молодежный театр, безусловно, явление незаурядное. И поэтому он остро нуждается в принципиальной театральной критике. Но, возвращаясь к теме статьи, хочется сказать вот что: видимо, эта экономическая-хозяйственная-идеологическая дузль между театром и обкомом ВЛКСМ — лишь отголосок еще более серьезных событий, которые только-только появляются на свет в огромной подборке зрительских откликов в «Ленинце».

И поэтому мы еще и еще раз обращаем внимание на необходимость открытого, серьезного, профессионального исследования творческой деятельности театра. Наверное, тогда смогут решиться очень многие проблемы, в том числе и та, что стала темой статьи.

P.P.S. И еще одно добавление. Совсем недавно мы узнали, что вопрос о присвоении театру имени В. Высоцкого решен. Отныне театр носит имя поэта. Более того: наконец-то состоялись и гастроли театра в Москве. Отметим, правда, что проходили они практически без всякой рекламы, театр сыграл всего три раза один и тот же спектакль — «Настал черед» по М. Цветаевой. И если учесть, что в этом спектакле занята всего одна исполнительница и один гитарист, можно только недоумевать по поводу таких прямо скажем, не очень состоявшихся гастролей. Но, как бы там ни было, а два очень важных, принципиальных вопроса решены. Значит, и пути решения проблемы устроились?

Очень хочется в это верить.

Водной книге я вычитал: какой-то американец нашел денежный эквивалент человеческому телу: мужчина весом в 65 кг стоит 1 доллар, потому что в нем столько воды, сколько хватит выстирать две рубашки, железа, чтобы выковать один гвоздь, волос, чтобы сделать один парик, яда, чтобы убить одну блоху.

Я рассказываю об этом Тане, но она только фыркает в ответ:

— Боже, какой чепухой занимаются люди!

— Почему чепухой? — возражает Таня, стараясь идти помедленнее, но она, как всегда, частит, бодро поступив каблучками по асфальту. Народу в центре становится все больше, нас постоянно разъединяют и мешают нормально разговаривать. Я раздражаясь от необходимости следить за этими встречными-поперечными потоками. А Тане хоть бы что. Она идет спокойно, никому не мешая, никого не толкая. Или люди сами обходят ее, боясь задеть неосторожным движением красивую девушку, словно сошедшую с витрины магазина? Высокая, стройная, в черном платье с кружевным воротничком и манжетами, в черных же туфельках на крохотных каблукках, со свободно падающими на узкие плечи блестящими каштановыми волосами, победно поднятой головой и синими большими глазами, которыми рассеянно и задумчиво смотрит перед собой... Когда я, отсеченный кем-нибудь, отстаю, вижу, как оглядываются мужчины и провожают ее восхищенными взглядами. Но вместо гордости испытываю чувство потерянности и унижения, потому что этими же чужими взглядами вижу рядом с ней и себя — длинного, худого, с выпирающими скулами, с нахмуренным, злым лицом, в жалких стираных-перестираемых джинсах и самодельном вязаном джемпере, из рукавов которого торчат неестественно загоревшие кисти рук... За кого, интересно, они меня принимают, когда я догоняю Таню и иду рядом с ней, продолжая говорить какую-то чушь вроде той, которую сказал, едва мы с ней встретились на углу? Наверное, за какого-то приставалу, привязывающегося на улице к порядочным девушкиам. Или, в лучшем случае, за младшего непутевого брата, которого ведут из школы с родительского собрания на строгий семейный суд...

— Почему чепухой? — переспрашиваю я; меня очередной раз оттерли, и я не слышал ее ответа.

— Потому что человека нельзя мерить деньгами, — отвечает она и строго смотрит на меня снизу вверх и сразу становится похожей на нашу бывшую классную руководительницу Наталью Павловну, которая знала все и еще кое-что более того.

— А чем же его можно мерить? — задаю я очередной дурацкий вопрос, пропустив между собой и Таней какого-то здоровенного парня, едва не свернувшего себе шею от любопытства.

— Чем угодно, только не деньгами! — говорит Таня, и я ловлю эти слова уже на излете, потому что снова отстую от нее шага на два.

И пока я соображаю, как лучше возразить, она уже сворачивает к дискотеке, у которой, конечно, стоит очередь. Чего они тут ждут, непонятно: я еще не видел, чтобы кто-нибудь когда-нибудь оттуда выходил вечером и кто-то вместо него туда входил. Дискотека — единственная на весь район, и места здесь выдаются счастливчикам, по-моему, вместе со свидетельством о рождении. Если, конечно, ты не друг Арсена или не товарищ его друга. Арсен — вахтер или штатный вышибала, называйте как хотите этого человека, который охраняет вход в дискотеку. Плечи у него шире, чем проем в двери, поэтому она никогда летом не закрывается: Арсен стоит, как монумент, облокотившись о косяк, скрестив на груди волосатые руки и уперев одну ногу в приступку; черные глаза под хмурыми бровями и полуседой курчавой челкой смотрят поверх всех в вечность. Но Таню он замечает сразу, а вместе с ней и меня. Правда, здесь повторяется та же история, что и на улице: перед ней толпа расступается, и Таня идет, как по коридору, не замедляя шага, а мне приходится работать руками, чтобы от нее не отстать.

— Он со мной, — говорит Таня, кивая за спину, и Арсен отодвигает ногу, пропуская ее внутрь и терпеливо дожидаясь, пока я вытащу себя из мгновенно сомкнувшейся и зажавшей меня недовольно загалдевшей толпы. «Молодец, а?» — шепчет мне Арсен на ухо, провожая восторженно загоревшимся взглядом Таню, уже спускающуюся вниз, в душный полумрак танцевального зала. Мы с Арсением живем на одной лестничной клетке, и потому я сюда могу приходить в любое время. Но сейчас он хвалит не меня, а Таню, оценив ее гордый и независимый проход сквозь строй бунтующих очередников.

Таня, конечно, молодец, но это я ее, а не она меня, пригласил в дискотеку, где она всего лишь второй раз: ей не нравятся здешние нравы и то, что здесь слишком тесно и жарко.

На нее везде обращают внимание, а в дискотеке, куда люди приходят побалдеть и все танцуют со

всеми, верхний свет зажигают редко, поэтому никто ничего особенно не разглядывает. Когда же Гоша включает вместе с музыкой врачающийся светофор, даже некрасивые становятся красивыми, и справедливость, нарушенная природой, таким образом восстанавливается. Вот почему я люблю бывать здесь, а Таня не любит. Но я вызвал ее сегодня из дома и сказал, что мы пойдем в дискотеку. Она не стала спорить, надела самое красивое свое платье и пошла, и Арсен открыл рот и сказал, что она — молодец. Особенно, наверное, ему понравились ее слова: «Он — со мной», потому что ему не часто приходится слышать такие заявления от девушек, которых он видит второй раз в жизни.

В общем, потрясенный и униженный, я спускаюсь в зал, привыкаю к полумраку и вижу, что свободных столиков много: основные клиенты еще не подтянулись.

Таня сидит недалеко от стойки, и Пашка-бармен начинает улыбаться ей и строить глазки. Потом он видит меня, и это зрелище его сразу разочаровывает: мы с ним враги. Не боялся бы он Арсена, только тут меня и видели. А так — пакостит по мелочам. Сейчас он отворачивается, показывая свою раннюю плеши.

Я пододвигаю ногой стульчик и сажусь напротив Таня. Свет от лампы, что над баром, хорошо освещает ее лицо.

— Ну, и что дальше? — спрашивает Таня, взглянув на меня уже не синими, а темными глазами. — Надеюсь, не будешь рассказывать здесь разные глупости, где ты их только выкалываешь?

— Почему глупости? — возражает я. — Очень даже полезная информация. И для интеллекта, и для души.

Мы ссоримся третий вечер и никак не можем остановиться. Какой-то злой микроб вселился в нас обоих, и мы цепляемся друг к другу из-за всякой ерунды. Я устал от этого еще позавчера и дискотеку-то придумал ради того, чтобы начать разговаривать по- нормальному... Но вместо спокойной беседы у нас опять получается черт знает что! Ничего так не выводит Таню из себя, как мои встречные вопросы, а я только и делаю, что молчу их.

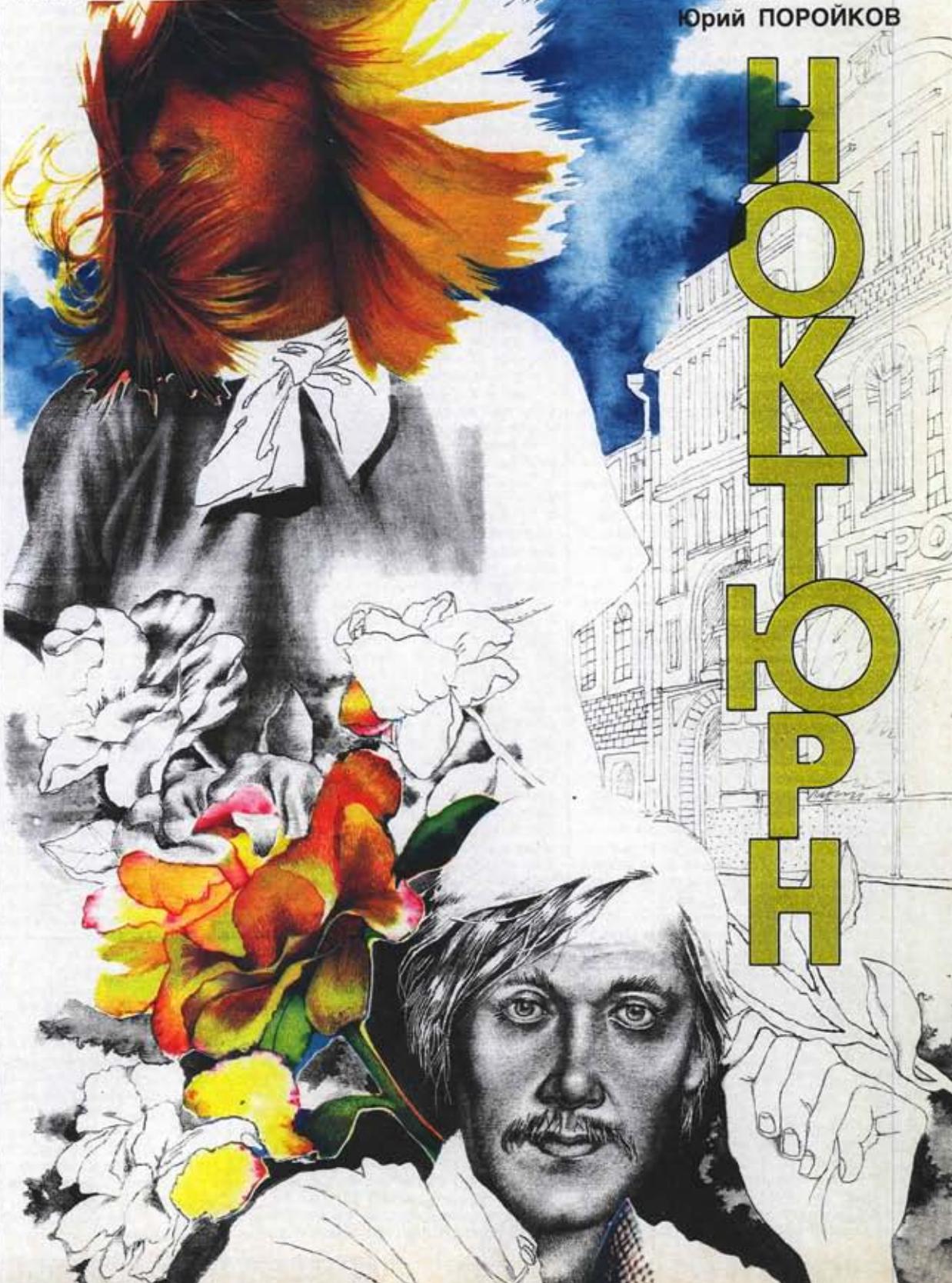
— Зачем ты привел меня в эту забегаловку? — говорит Таня, не отвечая на мой вопрос.

— Почему забегаловка? — интересуюсь я и от злости наступаю сам себе на ногу.

Таня мгновение смотрит на меня прищуренными глазами и тяжело вздыхает. Нет, что ни говори, а выдержки у нее больше, я бы, например, уже давно взорвался если бы мне так часто наступали на любимую ножку.

— Былый! — говорю я, приподнимаясь. — Она равнодушно пожимает плечами.

Юрий ПОРОЙКОВ

— Значит, вишневый! — утверждают я и иду к бару. Пашка разговаривает с какой-то клевкой кадрой с огромной сергой в ухе, свисающей почти до плеча; серга так блестит, поворачиваясь в разные стороны, что я едва не кладу свой троек мимо стойки. Пашка медленно разжевывает резинку, трясет миксером и тоже смотрит на сергу, но он косит, поэтому видит, конечно, не сергу, а что-то там на лице девицы.

— Два вишневых, Паша! — говорю я, с трудом отрываясь от серги.

Девица лениво поворачивает голову в мою сторону и оглядывает внимательно с головы до пояса; дальше ей, видимо, уже становится смотреть неинтересно, потому что мой джемпер говорит сам за себя. Пашка косит туда, где только что была ее серга, — значит, продолжает делать вид, что меня не замечает. «Слушай, кретин! — кричу я. — Тебе купить слуховой аппарат, да?» Пашка двигает губами и ловко попадает мокрой слюнкой резинкой со следами своих тупых зубов прямо мне в лоб. И тогда я одним махом перескакиваю через стойку, как в ковбойском фильме, и врезаю ему промеж глаз...

Все это, конечно, пробегает лишь в моем воображении, потому что Пашка плеваться на рабочем месте не будет, а я не смогу одним махом перескочить через стойку, на которой возвышается импортная кофеварка, используемая здесь вместо зеркала: каждый подходящий к бару прежде всего видит в ее сверкающей боковой поверхности свою озабоченную рожу. Может, поэтому для варки кофе она не используется: кофе Пашка варит в подсобке в большой алюминиевой кастрюле, но об этом мало кто знает — секрет фирмы... В следующее мгновение передо мной уже стоят два высоких бокала с вишневым коктейлем с торчащими из них согнутыми пластмассовыми соломинками. В упаковке Пашка дает только тем, кого уважает. Меня он не любит и сунул, наверное, уже не раз использованные. Но я и без того злю, чтобы обращать внимание на эти мелочи...

Я беру бокалы, поворачиваюсь и вижу, что Таня сидит в обществе какого-то здорового нахала в кожаной кепке. По возрасту он явно годится мне в дедушки, а глаза у него печальные и горячие, как у всех, влюбляющихся с первого взгляда. Я и шага не успеваю сделать, как он величественно вспархивает с моего места и приземляется неподалеку у камнина, в компании таких же южных людей в усах и кепках.

— Чего он? — буркаю я, ставя бокалы на стол.

Приглашал посмотреть видеофильм «Съеденные живьем». Ужас какой-то! — говорит Таня без всякого выражения. — И сказал, что я красавица.

Это она добавляет спустя несколько секунд, чтобы я как следует усвоил первую информацию.

— Да? — удивляюсь я, втягивая в себя через соломинку половину бокала. — Видимо, хорошо обучали их светским манерам в девятнадцатом веке. В лицее.

— Он совсем не старый, с чего ты взял? — возражает холодно Таня. — Красивый молодой парень.

— Да? — удивляюсь я снова. — А кепку не снимает, чтобы лысину не показывать?

— Зато он не такой зануда, как ты.

— Чего же тогда он от тебя сбежал? — заявлю я. — Как ветром сдуло...

— Какой ты все-таки грубый! — морщаась, говорит она.

— Пей лучше свой мартини! — мычу я, отводя глаза в сторону.

Этот грузин меня совсем доконал, и я боюсь, что сорвусь и ляпну что-нибудь нехорошее.

— Зачем ты меня сюда притянул? — спрашивает Таня через полчаса, держась зубами за соломинку, и оттого ее голос становится зловещим. — Чтобы я выслушивала твои грубости?

— Угу, — мычу я, тоже грызя соломинку, потому что бокал уже давно пустой. — Иди смотри съеденных живьем. Только возьми с собой целлофановый пакет на всякий случай.

И тут же откусываю свой проклятый язык, зная, что сейчас Таня сделает. Она отодвигает от себя бокал, вытирает губы платочком, встает и идет в компанию, которая затаилась у камнина. Останавливается. В полумраке одновременно вспыхивают сотни две белых зубов под шикарными усами южан, компания волнуется, двигает стульями и шаркает подошвами, но она что-то им говорит своим журчающим голосом, весело смеется и исчезает. Грузин в кепке вскакивает и бежит за ней. Минут через пять он возвращается, разводит руками и подходит ко мне.

— Генацвали, — произносит он тихо, блестя белыми зубами. — Ты не прав. Зря обидел такую красивую девушку!

Я поднимаюсь, беру бокал — и соломинка застревает у него в пиджаке.

Я стою, скимая кулаки и готовый драться со всем миром.

В зале плывет оглушающая тишина.

Пашка, выглядывая из-за кофеварки, открывает рот...

Ребята у камнина медленно выпрямляются, вырастая на глазах в длину и ширину.

Грузин вынимает из отворота пиджака соломинку,

удивленно рассматривает ее, вставляет назад в бокал и улыбается печально и мудро:

— Извини, я не хотел тебя обидеть...

Потом кладет мне на плечо мощную тяжелую руку, понуждая сесть, садится рядом и, близко придвинув ко мне лицо, говорит:

— Я понял, понимаешь? Но другие из поймут, а тээ надо пожить лет сто, понимаешь? Ну надо мужчине плескать в лицо компотом, понимаешь? Выном — это оскорблениe, а компотом — из знаю как... Потому иды и будь здоровый, ладно? Ты Арсену друг, и я Арсену друг, а дзувушек много, понимаешь? Я думал, ты, брат, понимаешь?

Он так часто произносил это слово «понимаешь?», что я и в самом деле понял.

— Извини, — говорю я. — Сорвалось.

— Нычего, нычего! — хлопает он меня по плечу и, обращаясь к своим друзьям, которые угрюмо каменеют рядом, подтверждает: — Он все понял. Пусть живет сто лет!

— Пусть живет! — соглашается кто-то за мой спиной.

И я ухожу из дискотеки жить сто лет, как мне разрешили эти ребята, а они в долгожительстве, известно, кое-что смыслят.

Уже полчаса как я вернулся домой, а руки все еще дрожат от усталости и ноги ноют. Мне пришлось сегодня поработать: ветер разнес по всему двору мусор, который вчера вечером должны были вывезти вместе с контейнерами из мусоросборника и, конечно, не вывезли. Четыре огромных шестнадцатиглавых дома на капливают за день столько отходов, что если вовремя не вывозить, то прямо напротив входных дверей вырастает целая гора. Защитную сетку поставить забыли, поэтому ветер делает здесь, что хочет. Не знаю, как справлялся со всем этим дядя Вася, а мне приходится туда. Жильцы, особенно первых этажей, ругаются, хотя я только и делаю, что собираю, подметаю, укладываю — к обеду поясница не разгибается. Когда сегодня пришел и увидел, что во дворе делается, от злости чуть не заплакал. Наверное, если бы эти деятели приехали, я бы драться полез: сколько же можно уговаривать? Будто они не на государственной машине за мусором приезжают, а на своей.

Но все равно ни черта они от меня не получат, я не миллионер какой, чтобы рублевками разбрасываться!

Часа два потратил, чтобы все подобрать и навести кое-какой порядок. Потом занялся упаковочными коробками, в которых импортную мебель привозят: картон у них плотный, как фанера, и уборщицы подъездов просят, чтобы я им отдавал — пол накрывают у лифтов, где люди больше всего грязи натаскивают. Вот в одной из коробок и попалась мне эта дощечка. Кто-то, видимо, не заметил ее и выбросил, сейчас, наверное, в затылке чешет.

Я сначала, конечно, у старушек, что с утра до вечера на скамейке сидят, спросил, но они только и видели, как мебель выгружали, а на какой этаж подняли, точно не знали. То ли на восьмой, то ли на пятнадцатый.

Я пошел на восьмую и позвонил в первую квартиру, рядом с лифтом. Толстая женщина на дощечку посмотрела и послала меня куда подальше, потому что я, видите ли, оторвал ее от важного телефонного разговора, импортную же мебель покупают лишь жулики — порядочным людям она не по карману. И захлопнула дверь перед моим носом.

В соседней квартире громко скорились, и я подумал, что здесь мне делать нечего: дорогой покупке нормальные люди обычно радуются, а не орут друг на друга. И пошел по длинному коридору к следующей двери.

Ее открыла тоже женщина, только с испуганными глазами, в мокром халате и босая. Она даже слушать меня не стала — повела за собой в ванную, где хлестала из крана холодная вода. Я пытался сказать, что нужно срочно вызывать сантехника, но разговаривать уже было некогда — вода заполнила ванну и начала переливаться через край. Здорово нам с ней пришлось повозиться, я весь вымок, как суслик, которого из норы выживают, пока деревянную пробку не сделал из какой-то деревяшки и не забил ее в трубу.

— Так ты кто? — спросила женщина, когда я воду из своих ботинок вылил и начал переобуваться.

— Дворник, — сказал я.

— А я думала, сантехник. — Она села на стул, опустила руки между коленей, посмотрела на меня и вдруг стала смеяться. И я, глядя на нее, тоже засмеялся, потому что вид у нас был тот еще.

— Кофе пить будем? — предложила она таким добрым, усталым голосом, что я сразу согласился.

И мы пили кофе и разговаривали, словно я не случайно сюда зашел, а был приглашен в гости. Женщину звали Екатериной Максимовной, от нее неделю назад ушел почему-то муж... Она так и сказала: «почему-то», ничего больше не добавив. А я смотрел на нее, совсем еще молодую женщину с темными глазами на бледном лице, и думал, какой же все-таки, должно быть, дурак этот муж, если он ушел от нее из этой

уютной маленькой квартиры, где так много книг и других красивых вещей. На кухне, где мы сидели, на стене висела странная картина в рамке: синий верблюд на розовой траве, а сзади фиолетовые горы.

Екатерина Максимовна перехватила мой взгляд.

— Это его подарок, — улыбнулась она. — В день нашей свадьбы. Пять лет назад. Я сказала, что синий верблюд не бывает. А он ответил, что и такой любви, как наша, тоже никогда еще не было и не будет. И вот синий верблюд остался, а он почему-то ушел. — Она привстала и перевернула картину обратной стороной. Я не знаю, почему она это при мне сделала, а не пять дней назад. Может, только и делает, что туда-сюда переворачивает?

— Он еще вернется, — сказал я.

— Нет, не вернется, — возразила она спокойно. И поправилась тут же: — Он, может, и вернется, а любовь уже нет. Любовь ушла. Навсегда... А у тебя есть девушка?

— Есть.

— Ты ее любишь?

Я кивнул головой.

— Береги свою любовь. — Она посмотрела на картину и вздохнула. — Это сегодня, и вправду, редкость — любовь. Влюбляются, живут, а любовь — это другое. Или ее вообще нет — как синего верблюда? Хочешь, я тебе эту картинку подарю?

— Нет! — отказался я.

— Ну и правильно, что не берешь! Счастья она мне не принесла. — Екатерина Максимовна толкнула пальцем картину, и та несколько мгновений покачалась. — И вообще все это ерунда! Ты зачем дворником работаешь?

— Мне скоро в армию идти.

— А-а... — протянула она понимающе. — Плюнь на эту дощечку, не трать время. Поедут в магазин, скажут, что не было, и им дадут новую.

— Откуда же они новую возьмут? — удивился я.

— Из другого гарнитура и возьмут.

— Так кому-нибудь все равно не хватит.

— За них не волнуйся — выкрутятся, — сказала она, злая прищурившись. — Тебе-то что стараться? Все равно никто спасибо не скажет.

Лицо у нее стало какое-то другое, и мне сразу сделалось неуютно. Я поднялся.

— Спасибо за кофе, мне пора.

— А тебе за кран спасибо.

Она снова перевернула картину и поправила ее, чтобы висела ровно.

— Правда, красивый синий верблюд?

— Правда, — согласился я.

— Жаль, что синих верблюдов не бывает, — засмеялась Екатерина Максимовна, глядя мимо меня...

Я еще долго ходил по этажам: в одних квартирах никого не было, в других ничего не знали. Странно: люди живут так тесно и совсем не интересуются друг другом! Некоторые удивлялись, что я хожу со своей дощечкой, словно мне действительно делать больше нечего. Но я все-таки нашел жильцов, купивших мебель. Они жили на пятнадцатом этаже. Когда я дощечку мужчине протянул, он на меня уставился и сердито спросил, как она ко мне попала? Даже в квартиру не пустил: стоял на пороге и крутил в руках дощечку, а я объяснял, где и как ее нашел. Он сказал, что они вчера уже съездили в магазин и им дали такую же. Екатерина Максимовна оказалась права.

— Зачем она мне теперь? — спросил мужчина, хмуриясь.

— Отвезите назад в магазин, — сказал я.

— Как же, разбежался! — буркнул он. — Ты нашел, ты и вези!

И я остался со своей дощечкой снова. Тут меня такая злость взяла, что я хотел выбросить ее в мусоропровод, но посмотрел на дощечку и пожалел: все-таки нужная вещь, кому-нибудь пригодится там, в мебельном магазине. Он был по пути, и я решил зайти туда. Вот где мне походить пришлось, пока я директора нашел! Тот тоже на меня уставился и начал дощечку круить в руках, точно я ему кубик Рубика принес. В дверь заглянул какой-то мужчина в синем халате.

— Вот парень принес от гарнитура, — сказал директор. — Возьми.

— А мне на кой? — удивился тот. — Товар надо принимать...

Директор вздохнул и положил дощечку на стол.

— Никому ничего не надо, — заявил он недовольно и стал смотреть в окно.

— Ну, я пошел, — сказал я.

— Спасибо, что принес, — отозвался директор. — Пять лет здесь работаю. И все приходят ко мне что-то требовать. Ты первый, который не требовал, а наоборот... Даже смешно!

Вот какая со мной приключилась история, из-за нее я поздня потерпел, но все равно об этом жалеть нельзя.

Дощечка — мелочь, конечно, только ведь и она что-то стоит и кому-нибудь обязательно пригодится, хотя люди и делают вид, что сейчас она не нужна.

Человек вообще странное существо! Ляпнет какую-нибудь муру или изобразит что-то на лице — можно подумать, он всегда такой, а на самом деле у него кошки скребут, жить тошно, и он не хочет этого показывать. Как Екатерина Максимовна, например. И я сам

такой же: чувствую одно, думаю другое, а делаю третье. И если бы Таня только по моим словам обо мне судила, а я — по ее, мы бы уже давно не встречались. Потому что разговариваем мы часто непонятно о чем — о всякой ерунде. Со стороны послушать — кретины, и только! Но это неправда! Мои родители тоже любят прибдняться: мол, интеллигенты задрианные, а бабушка рассказывала, что однажды она трое суток копейку какую-то искала в отчете — баланс там не сходился или что, я в этой бухгалтерии не разбираюсь, но из-за этого кого-то могли уволить с работы и даже судить. Она копейку нашла и доказала, что виноват не человек, а машина.

Бабушка очень гордится этим случаем и обижается, если кто-то недооценивает, потому что за тридцать лет ее работы в банке никогда ничего подобного не приключалось. «Баланс — это святыня!» — говорит она каждый раз, когда у нас в доме не хватает денег до зарплаты, и все понимают, что бабушка имеет в виду.

Когда я в десятый класс перешел, папа спросил: «Ну, Александр, какие у тебя жизненные планы?» Он со мной всегда серьезно разговаривал, как со своим сослуживцем. Я что-то промычал в ответ, потому что никаких планов у меня не было. «У тебя, — сказал папа, — нет ярко выраженной склонности к чему-то определенному. Поэтому надо идти служить в армию, чтобы стать человеком, а не толкаться в институт, где ты, поступив, займешь чье-то место. И вдруг это будет какой-нибудь Ломоносов из глубинки, который просто сорвался из-за ерунды и не набрал полбалла?» Этим Ломоносовым папа меня совсем сразил — я не хотел наносить ущерба нашей отечественной науке и сразу согласился, что никуда поступать не буду, а пойду в армию, где из меня станут делать настоящего человека. Восемнадцать лет мне исполнялось в сентябре, и три месяца нужно было ждать. «Надеюсь, ты не будешь быть баклушки, как некоторые?» — сухо поинтересовалась мама, когда я сдал последний экзамен в школе. «Нет, — сказал я. — Я буду закалять свой дух и свое тело, чтобы из меня было удобнее делать в армии настоящего человека». «Твоя ирония не очень уместна, — мягко заметил папа. — Где ты хотел бы поработать эти три-четыре месяца до призыва?» «Дворником», — ответил я почему-то, хотя еще мгновение назад о том не думал. Папа с мамой переглянулись и ничего не сказали, а бабушка, которая считалась в доме самой мудрой и справедливой, заметила, что в нашей стране все профессии достойны уважения. «Но дворник не профессия! — слабо взорвала мама. — Это просто физический труд». Папа походил по комнате, заложив руки за спину, послушал, как спорят мама с бабушкой, и вынес окончательный вердикт в мою пользу: «Не будем навязывать ему своих вариантов. Пусть поработает дворником. Надеюсь, Александр, ты отнесешься к этой временной работе со всей серьезностью, чтобы нам не было за тебя стыдно?» Я заверил, что вложу в нее всю свою душу, поскольку с детства мечтал стать дворником. Скоро я убедился, как непросто, оказывается, реализовать даже такую скромную мечту: дворников не хватало, а никто меня брать не хотел. Две недели я, как цуцик, бегал по городу, пока случайно не наткнулся на дядю Вася, который заболел радикулитом и нуждался в помощнике.

Он всю жизнь был дворником и считал, что лучшей работы нет, потому лично меня прозаменовал, прежде чем доверил метлу, скребок и лопату. Вот так, брякнув ни с того ни сего, я вдруг стал дворником и теперь не должен огорчать ни папу, ни маму, ни бабушку плохой работой. Они бы этого просто не поняли, убежденные в том, что человек вообще не может плохо работать, если он сам выбрал себе профессию. Не знаю, с чего уж это они взяли, но в нашем доме принцип — превыше всего.

Таня на телефонные звонки не отвечает, и я сплюсь по квартире, не зная, куда себя девать. Комнат у нас три. Мне досталась самая маленькая, где хозяйничает пианино — черное капризное чудовище, купленное когда-то в рассрочку. Дороже в нашей квартире ничего нет, и потому его лелеют и холят — на дню не менее двух раз оно протирается мягкой фланелевой тряпочкой. С ним у нас сложные отношения: отняв у меня счастливое детство, пианино мрачно затаилось в углу и, когда я прохожу мимо, норовит укусить за что-нибудь. Не сомневаюсь, если я потеряю осторожность, оно запросто отхватит мне пальцы своей тяжелой черной крышкой.

Ночью иногда у него внутри раздаются какие-то звуки, словно оно до сих пор переваривает мое детство. Но ему угрожает явная голодная смерть в будущем — я уже целый год не сажусь на крутящийся табурет и не касаюсь клавиш: с музыкой покончено навсегда, осенью я ухожу в армию, чтобы, как часто выражается мой папа, стать наконец-то человеком. Родители мои — эмээнзы в НИИ, но большую часть своей жизни провели в овощехранилище и в подшевном колхозе, где освоили все сельскохозяйственные специальности. Бабушка недавно вышла на пенсию, занимается домашним хозяйством и моим воспитанием, а в промежутках смотрит фигурное катание по телеку, учится в университете культуры и читает

своего любимого Писемского, которого считает выдающимся классиком, незаслуженно отнесенными ко второразрядным писателям.

Книг в нашем доме мало — на них не хватает денег. Впрочем, их не хватает ни на пластинки, ни на магнитофон, ни на цветной телевизор. На кухне у нас стоит маленькая переносная «Юность», в которой работает только первая программа: телевизор уже устали ремонтировать и мы, и мастерская.

Гости к нам приходят редко — в основном мамины сослуживцы и бабушкины подруги, такие же энтузиасты университета культуры и фигурного катания. Папа в целях экономии семейного бюджета домой никого не приглашает. Единственное исключение — Терехин, кренастый, полный мужчина, похожий на постаревшего Челентано. Он всегда ходит в черном хромовом пиджаке, говорит хриплым басом и чуть при этом показывает. У него бежевое «Вольво» с телевизором и стереомагнитофоном в салоне. Где он работает и чем занимается, никто не знает, даже папа, которого с ним кто-то познакомил, и теперь он приезжает к нам время от времени и всегда с дорогими подарками гастрономического характера. Меня он сразу почему-то называл шпингалетом, хотя я выше его на голову. «А почему шпингалет?» — спросил я тут же, отложив в сторону коробку конфет, которую он мне всучил, видимо, с кем-то спутав. «Потому что шпингалет!» — отвечает он, улыбаясь маме. «А откуда у вас так много денег?» — спросил я тогда. — Вы министр, да? Или подпольный миллионер?» Он вытаращил на меня круглые светлые глаза и ничего не ответил.

«Что ты себе воображаешь?» — кричал потом папа, бегая по комнате и размахивая руками. «А что такого? — возражал я. — Разве нельзя спросить, где человек работает?» «Но тон! Откуда в тебе этот прокурорский тон? И неприлично считать у незнакомого человека деньги в кармане!» «А я у него не считаю, он их сам показывает. И гордится, что их у него куры не клюют». «Ну, не тебе о том судить! — возмутился папа. Каждый живет, как умеет». «А ты не умеешь, да?» «Почему?» — удивлялся папа. «Ты все время говоришь, что у тебя нет лишних штанов, но зато ты спишь спокойно!» «Да, я сплю спокойно! — Папа высоко поднял голову и задрал подбородок. — И именно потому, что у меня нет не нужных мне штанов!»

«Ну, предположим, лишние бы тебе совсем не помешали, — включилась в наш разговор мама. — И мне бы хорошее зимнее пальто тоже. И Сашке хотя бы кроличью шапку, а то ходит в какой-то вязаной шапочке... И бабушке...»

Она бы, конечно, могла перечислять так еще очень долго — нам много чего не хватает для жизни, даже неудобно, когда приходят гости, у которых и большие квартиры, и мебель, и машины, и дачи, и дубленки, и магнитофоны, и... Ну, тут я уже буду повторяться. Мы, как говорят в таких случаях папа, специализируемся на духовных потребностях, которые всегда выше материальных, хотя вряд ли кто пожелает с нами поменяться местами. Вот, к примеру, Терехин вполне обходится одними материальными, и цвет лица у него очень даже хороший. Жить по совести — это, как говорит бабушка, укладываться в зарплату, которую мы, по выражению мамы, всю почему-то проедаем, хотя на нашем столе я что-то редко вижу разные деликатесы. Да и знаю о них в основном по книге «Кулинария», которую моим родителям подарили в день свадьбы, видимо, предполагая их тягу к духовной пище. Мы все совсем не толстые от переедания, наоборот: мама носит сорок четвертый размер, я с папой — сорок восьмой, а бабушка — сорок шестой. Может, все дело в кефире, который мы пристрастились пить на ночь? «Он еще издается!» — всплеснула мама руками, когда я высказал такое предположение. Папа хмуро оторвался от газеты и заявил: «В армию пойдет, там человеком быстро станет». А бабушка просто обиделась и демонстративно ушла в свою комнату: пить кефир на ночь — ее идея.

В общем, у нас обычная семья со средним, как пишут в газетах, достатком, исключающим какие-либо излишества в виде вышеперечисленных вещей. Они, эти вещи, очевидно, появляются в результате жуткой экономии или когда люди живут не по совести, то есть не укладываются в зарплату. Как они это делают, я, конечно, догадываюсь, но зависти не испытываю, и с комплексами, которые в нашей семье нет-нет да и появляются, мы все боремся по-разному: мама — неустанно работает над кандидатской, папа — бегая трусцой вокруг дома, бабушка — регулярно посещая лекции в своем университете, я — работая дворником вместо дяди Васи в соседнем районе.

И спокойно донашаиваю свои старые, облезлые джинсы и джемпер и плевать хочу на разных буржуйчиков, которых в последнее время развелось невероятное количество. Собственно, буржуйчики они — только внешне, если судить по наклейкам и нашлепкам, а так — обычные ребята и девчонки. Только замечаю, что и мозги у них все чаще становятся набекрень: мне иногда трудно кое-что понять, такой сложный язык они придумали для разговора друг с другом. Или эти самые буржуи, которые гонят нам свой импорт, придумали какое-то хитрое устройство в пуговицах и «молниях», отбивающее у нас интерес к собственной русской речи?

Вот, рассказывают, у японцев даже унитазы с компьютерами, что же тогда говорить о другом? А мне лично для счастья совсем немного надо: чтоб два раза в месяц ходить в парикмахерскую к Тане, изредка водить ее в дискотеку, где один билет стоит три рубля пятьдесят копеек; совсем кто-то офонарел или разучился считать деньги: ни откуда у меня или у Владьки могут быть такие суммы, если наши родители на все про все в месяц зарабатывают двести с копейками? Мы, конечно, могли бы обойтись и без фруктовых коктейлей, но кто нас, интересно, пустил туда без билета? Для того и стоит у входа низкооплачиваемый, но дорогостоящий Арсен, который случайных «зайцев» выносит из зала за шиворот одной рукой. И еще мне деньги нужны для дела, о котором во всем мире знает только Владька.

Таня — его старшая сестра, и, когда мы ссоримся, он мне рассказывает, как она переживала или сердится, но обо мне он ей ничего не говорит, потому что она даже не подозревает, что мы дружим. Это, конечно, очень сложно все устраивать, только я Владьке верю, как самому себе, хотя он и младше меня на два года. Но и я младше Тани на год, что сначала не было заметно, а когда она после восьмого класса поступила в ПТУ и, закончив его, стала работать парикмахером в салоне красоты, вдруг обнаружилось — прежде всего на мне: я как был, так и остался в своих джинсах и джемпере, Таня же стала носить красивые платья, и я рядом с ней почувствовал однажды себя — ну, как лучше сравнить? — как шавка, что ли, рядом с днем. И характер у нее изменился: она начала мной командовать, чего раньше никогда не делала. А я не люблю, когда командуют. Со мной вообще что-то странное стало происходить, даже не знаю, как назвать это состояние: хочу, например, сказать одно, а говорю другое, словно кто свой язык мне подсовывает, и я лялю какую-нибудь чушь, вроде химического вещества, которое ученыe обнаружили у человека: оно как будто и есть то, что называется любовью, — у одного больше, у другого меньше этого вещества, а значит, никакой любви на свете и нет, одна химия, и скоро можно будет все проблемы решать в поликлинике, где сделают тебе уколы, и готово — кого хочешь, того и полюбишь, и любить будешь столько, сколько врач назначит: месяц, год или всю жизнь...

Таня прямо взбесилась, когда я ей эту теорию подробно изложил. Обозвала меня дураком и мальчишкой, который не дорос еще ни до чего, а собирает разные пошлисти неизвестно где. Вот из-за этого мы с ней и поссорились три дня назад.

Владька рассказал, что она вернулась домой очень сердитая, а потом пришел этот хмырь — студент, который за ней уже полгода ухлестывает, так она его выгнала, хотя он приглашал ее в театр и сказал, что зайдет еще завтра, когда она не будет такой сердитой. «А цветы она в хрустальную вазу поставила и к себе в комнату унесла, — добавил Владька. — И записку со стихами несколько раз перечитывала, я видел. У нас уже во всех комнатах цветы стоят, как в оранжерее. Может, конфеты лучше?»

Но тут я его перебил, чтобы он не лез не в свое дело. Владька — материалист, он еще в себе не сформировал духовных потребностей и мыслит конкретно. Я над его сознанием не успеваю работать — мы все-таки не так часто встречаемся для такого трудного дела. Один урок я ему, правда, наглядно преподал.

У нас в доме находится химчистка. Приемщицей там работает рыжая толстая женщина. Лицо у нее все в родинках, а золота еще больше, чем родинок, — на пальцах кольца, на запястье браслет, цепочка с буквой «М» на ней и в ушах серьги с бриллиантами. Вот мы как-то и поспорили с Владькой, настоящие они или искусственные. «Давай подойдем и спросим?» — предложил я. Он посмотрел на меня как на сумасшедшего и молча покрутил пальцем у виска. Но я, раз уж предложил, из воспитательных соображений решил довести дело до конца. Открыл дверь и вошел в комнату, где пахло химией и старыми вещами. К приемщице стояла очередь из двух человек — каких-то двух бородатых одуванчиков, которым я помог поднять с пола сумку с вещами. Приемщица долго разглядывала выложенные перед ней тряпки и брезгливо, держа кончиками пальцев, унесла куда-то в глубь своей канторы, а потом вернулась и уставилась на мои пустые руки.

— Ну? — спросила она недовольно.

— Я хотел бы узнать, — вежливо сказал я, — у вас настоящие бриллианты или фальшивые? И если настоящие, сколько они стоят? И можно ли их купить на вашу зарплату?

Женщина уставилась на меня немигающим взглядом, потом поманила к себе пальцем, чтобы я наклонился, и сказала на ухо такие слова, что у меня сразу загорелись щеки и уши.

— Понял? — уточнила она, улыбаясь.

— Ага, — ответил я. — Понял.

— Ну, тогда иди, — разрешила женщина.

И я пошел, восхищаясь великим русским языком, в котором есть такие звучные слова, мгновенно объясняющие, кто есть кто и сколько в наше время стоит любопытство. Владьке я не стал ничего передавать, потому что эти слова повторить невозможно — они сразу западают в душу и навечно к ней примерзают.

— Настоящие! — только и сказал, и Владыка поверили, потому что видел в окно, как мы с рыжей женщиной шептались.

— Ну ты даешь! — восхитился он. — Я бы так не смог.

— Надо всегда говорить людям то, что ты думаешь, — назидательно заметил я. — Даже когда им это не нравится.

Собственно, в этом и заключался мой урок Владыке, которому еще предстояло два года учиться в школе и познавать жизнь и людей. И я не хотел, чтобы он оставался материалистом, а был, как его родная сестра Таня, чистым романтиком, верящим в альные паруса. «Альные паруса» Грина — ее любимая книга. По-моему, Таня так юноша зачиталась, что тоже ждет принца, который однажды приплывет прямо к окнам дома на корабле с альными парусами.

И когда она начинает мечтательно заглядывать вдаль где-нибудь на набережной или на пляже, меня так и подмывает съязвить что-нибудь о прекрасной Ассоль, только я помалкиваю: этого она мне не простит. Да и сам-то я мало чем от нее отличаюсь, если уж честно, — тоже мама с папой, наверное, уронили.

Будь возможность, я бы, конечно, придумал что-нибудь не хуже капитана Грэя, чтобы только увидеть глаза Тани в это мгновение. И от цветов-то они у нее целый день светятся, как — не знаю как, я ни с чем сравнивать не хочу. Не умею, да и вообще: у меня и нормальные слова теряются в самый неподходящий момент, а тут... О том, что скоро уезжать, и думать не хочется. Завтра таким далеким кажется, как будущее, а два года? Почему люди не умеют читать мысли друг друга? Мы бы сейчас уже давно по телефону поговорили, потом я бы ее встретил у парикмахерской, и мы пошли куда-нибудь. На набережную, например. Она бы вдаль смотрела, жмуясь от ветра и солнца, а я бы — на нее. Как всегда. Ничего лучшего в жизни у меня не было, чем вот это — стоять вдвоем и молчать, и, конечно, еще чтобы я мог видеть Танино лицо.

Один писатель рассказал о человеке, который бросил вишневую косточку, из нее деревце стало вырастать. Он стоял и смотрел, как оно росло у него на глазах и сразу цвети начало. И я этому писателю верю: он правду написал. Я однажды весной ветку тополя поднял, снег с нее стянул — почки, как ледышки, звенели. Таня в руки ее взяла и стала дыханием отогревать. И я вдруг увидел, как вся ветка зелеными листьями покрылась. Я рот открыл и смотрю, а Таня засмеялась: «Ты чего, Саша?» Тут все и пропало — просто ветка, с дерева в снег упавшая. А ведь точно видел, даже запах тополиной почевствовал.

И пусть кто-нибудь скажет, что я дурак набитый. Я и спорить не буду: он сам дурак, если ничего не соображает.

Салон красоты, где работает Таня, выходит широкими окнами на набережную. Днем через них ничего не разглядишь, а вечером со скамейки, которую мы подтащили с Владыкой к кустам, весь салон просматривается насквозь. Танино место в углу, рядом с дверью в кабинет заведующей. Отсюда, с аллеи, она кажется маленькой и неловкой — какие-то странно замедленные движения рук, головы в белом высоком чепчике. Я подстригаюсь только у нее, но волосы, на беду, растут очень медленно, поэтому каждый раз мне приходится просить, чтобы Таня не стригла, а только-только подравнивала их ножницами и расческой.

И когда она касается моей головы теплыми руками, сердце у меня падает куда-то вниз...

«Там опять твой кавалер дожидается», — говорит каждый раз толстая женщина, Клавдия Семеновна: ее зеркало — напротив входа в салон, и она всегда меня первой выглядывает в очереди. Таня ничего не отвечает, но, знаю, хмурится, потому что не любит меня подстригать и старается сделать так, чтобы я к ней не попал. Только я внимательно слежу за очередью и пропускаю кого-нибудь вперед себя и потому все равно оказываюсь в ее кресле. «Привет!» — говорю небрежно и смотрю на Таню в зеркало. «Здравствуй!» — сухо отвечает она моему зеркальному отражению. — Чего пришел? Тут и стричь-то нечего! «А ты меня подровняй, — вежливо прошу я. — Вон как того...» — и показываю глазами на молодого красавца с нарисованной на голове прической. Таких красавцев и красавиц здесь, в салоне, полно — все стены завешаны, только я не видел еще ни одного человека, который вышел бы отсюда хотя бы приблизительно похожим на них. И хотя я показываю на красавца Тане уже шестой или восьмой раз, она оглядывается, смотрит недоверчиво на портрет и сердито замечает: «У тебя другая форма головы». «А ты исправь мой природный недостаток с помощью своего искусства», — парирую я тоже в шестой или восьмой раз. Работающие в зале женщины улыбаются, а Таня краснеет и злится. Когда она злится, ее ножницы начинают промахиваться, и это мне выгодно, потому что они не столько срезают, сколько просто причесывают — значит, я недели через две снова приду сюда.

Сегодня очередь в мужской салон оказалась длинной: передо мной еще шесть человек — какой-то парень с облупленным носом, читающий толстую книгу, и несколько пенсионеров, у которых и стричь-то неч-

го, но я уже знаю, что именно они сидят дольше всех и строго следят за тем, чтобы их обслуживали, как написано в «Правилах».

Мастера не очень любят с ними возиться, а Таня, наоборот, предпочитает подстригать пожилых людей, и они тоже стараются попасть к ней. Так что мне на этот раз сильно не повезло и нужно набираться терпения.

Мы сидим на жестких стульях и разглядываем друг друга. Потом я пересаживаюсь на удобное место, откуда видно, как работает Таня. Она прямо вся светится, и руки у нее порхают над очередной лысой головой. И сердце мое заранее падает в пятки...

— Привет! — говорю я, плюхаясь в кресло.

— Здравствуй! — отвечает она, улыбаясь. — Хочешь, я сделаю тебе прическу, как вон у того красавца?

Я даже теряюсь от неожиданности и молча подставляю шею под простыню, которой она собирается меня укрыть.

— Ну, хочешь? — переспрашивает Таня, задерживая руки на моих плечах.

— Нет! — возражаю я хриплым голосом и откашливаясь. — Мне нравится, как у того...

Я показываю на жизнерадостную физиономию какого-то дебила, подстриженного под монаха.

— У тебя же не хватит волос для «горшка»! — смеется Таня. Потом наклоняется и шепчет на ухо: — А мне сегодня прислали огромный букет пионов. С твою голову каждый!

— Таких не бывает! — говорю я.

— А вот и бывает! — возражает она и поправляет простыню у меня под подбородком. — И записка еще со стихами. Наконец я догадалась, кто это все делает!

— Ну, и кто же? — спрашиваю я, замирая.

— Евгений, вот кто! — шепчет Таня. — Он ужас сколько стихов знает!

Евгений — тот самый студент, о котором говорил Владыка. Длинный, малахольный парень с мечтательными глазами. Лицо у него очень бледное и худое, словно он только вышел из института питания, где полгода лечился голодом. Его квартира — на одной лестничной клетке с Таниной, и он беспардонно пользуется своим территориальным преимуществом.

— Будет он тебе на свою стипендию цветы покупать! — усмехаюсь я и хочу еще кое-что добавить ноизвестильнее, но Таня наклоняет мою голову.

— А ты песенку Пугачевой «Миллион алых роз» слышал? — спрашивает она, щелкая ножницами.

— «Жил-был художник один»? — мычу я.

— Вот именно! — торжествует она. — А цветы просто прелестны! Уверена, такие у нас не растут. Значит, он откуда-то привез, представляешь?

Таня несколько мгновений сосредоточенно работает, а я разглядываю простыню на своих коленях.

— И мы идем сегодня в театр! — заявляет она, возвращая мою голову на место и принимаясь обрабатывать левое ухо. Я скашиваю глаз на зеркало: вид у меня, как у повешенного, осталось только высунуть язык.

— Вознаграждаешь благородство? — язвлю я.

— Да, он благородный человек! — хмурится Таня. — Целый месяц ненавязчиво присыпает мне цветы. И, конечно, не могу теперь отказать ему сходить вместе в театр.

— Ах, ах! — вздыхаю я сочувственно. — А у него хватит денег на мороженое?

— Ты просто завидешь! — возмущается Таня. — И от тебя вряд ли дождешься чего-нибудь подобного.

Она сердито хлопает меня по горячим ушам жесткой щеткой, снимает с шеи простыню и берется за пульверизатор.

— Только не «Шипр»! — говорю я, делая рукой протестующий жест.

— И «Шипр» сойдет, подумаешь! — фыркает она и, отступив на полшага, окутывает мою голову пахучей мокрой пылью. При этом вид у нее человека, травяще-го дихлофосом клопов и тараканов.

— Ты словно клопы или тараканы травишь, — не-замедлительно замечаю я, улыбаясь уголком рта, как красавчик на портрете, висящем рядом с зеркалом.

— Ничего умнее ты придумать, конечно, не можешь? — Таня обиженно поджимает губы. — Рубль двадцать. Все! Следующий!

Она отворачивается от меня, а я уступаю место задумчивому парню с книгой, в которую он всунул палец, рассчитывая читать и во время стрижки.

Таня приветливо ему улыбается, и книголюб сразу же на моих глазах глупеет.

Потом я сижу в аллее, пока на крыльце не появляется Таня — яркая, праздничная, как 8 Марта. Она медленно подходит к скамейке, на которой я развалился в позе скучающего аристократа.

— Я же тебе сказала, что иду сегодня в театр, — говорит она, помахивая сумочкой.

— Угу, — киваю я согласно.

— Зачем же ты тогда сидишь здесь?

Боже, до чего же она сегодня красивая! Я очень люблю это ее платье со стоячим воротничком и с черным кожаным поясом. Во рту у меня становится горько и сухо.

— Привет твоему студенту! — говорит язык помимо

моей воли. — Пусть он попросит у мамы на мороженое.

— Нет, ты совершенно невозможен! — обижается за студента Таня и медленно отходит от скамейки, давая мне возможность что-то еще сказать. Но я упорно молчу, и она вскоре исчезает за углом здания.

. И сразу становится темно, словно, уходя, она выключила свет на улице. Ветер трогает кусты за спиной, на асфальт откуда-то деловито выпрыгивает троллейбусный билетик и, покрутившись, прилепляется к моему ботинку.

Я соглашаюсь, пересчитываю цифры — ну, конечно же, несчастливый! И я кладу его в карман — пусть полежит там, не зря же он меня разыскивал...

Когда тебе тошно, во всем начинаешь находить какой-то смысл. Вот и билетик этот...

Может, если я его с собой возьму, все наоборот случится — Таня в театр не пойдет и вообще...

В скверике двора меня ждет истомившийся Владыка.

— Ну что же ты? — шепчет он укоризненно, помаргивая близорукими глазами. — Я уже все приготовил, а ты... Они скоро выйдут...

Он хороший парень, Владыка! Маленький, тщедушный, с косящим взглядом. У него длинный остренький носик, и он умеет им шевелить, как и ушами. Мы познакомились год назад в школе, когда его, проигравшего «американку», заставили чистить зубной щеткой унитаз в уборной. Он послушно чистил, а ребята вокруг ржали от удовольствия. Я за него заступился, и мне крепко наподдавали за то, что полез не в свое дело. Но я отбился, и Владыка с того дня стал мне верным товарищем. А потом оказалось, что Таня — его сестра. Вот какие совпадения бывают в жизни!

Сейчас он очень переживает из-за того, что Таня идет в театр со студентом Евгением. По-моему, даже больше, чем я. И оглядываясь на дверь подъезда, он торопливо излагает свой хитроумный план. Вариантов у него несколько. Первый: он подходит к нему, спрашивает, не забыл ли студент билеты — тот, конечно, лезет в карман проверять, Владыка вырывается из-под руки и рвет на мелкие кусочки... Не годится? Тогда второй вариант: он бежит в подъезд, выкручивает пробки, и они застревают в лифте. На полчаса. «А если там будет кто-нибудь еще, он-то почему должен страдать? — спрашиваю я. — Так нечестно».

Владыка задумывается на мгновение, соглашается и тут же предлагает следующий вариант, самый кардинальный: на лесах, что с внутренней стороны арки, строители оставили ведро с краской. Если дернуть за веревочку, которую он уже подвязал к ведру, краска выпадет на студента, и тому придется возвращаться домой. «Но ты обольешь краской и Таню!» — говорю я. «Ну и пусть! — безжалостно решает он. — У нее есть еще платья, а у него только один костюм. Я прове-рял. Он должен будет идти в химчистку; без штанов в какой театр его пустят? А потом мы еще что-нибудь придумаем». Если честно, мне такой вариант нравится. Я представляю себе, как именно все произойдет, когда Владыка дернет за веревочку... Нет, студента мне нисколько не жалко — он просто будет наказан по справедливости за то, что воспользовался хорошим настроением Тани. Только во всем этом есть что-то подленькое, и я решительно говорю Владыке: «Нет!» «Зря! Эх, Саша, зря!» — вздыхает Владыка и начинает от расстройства грызть какой-то пруттик. И больше мы на эту тему не разговариваем, потому что из дверей подъезда выходит Таня, поддерживаемая под руку взволнованным студентом.

Она оглядывается на скамейку, где я обычно сижу вечером, потом внимательно осматривает двор, но кусты акаций надежно укрывают нас.

Я слышу, как стучат ее каблучки по асфальту.

У арки она останавливается и снова оглядывается. И я, почти счастливый, иду домой, а сердитый Владыка, прощаюсь, спрашивает:

— Завтра снова, да?

— Да, — говорю я. — Снова!

Завтра я встану в 6 часов, поеду на участок дяди Васи убирать двор, ругаться с машинной командой, если она, конечно, приедет за контейнерами, помогать уборщицам подъездов настилать картонки у лифтов, а потом съезжу на рынок и куплю самый красивый букет, который найду там. Владыка отнесет его Тане, отдаст, ни слова не говоря, и увидит счастливую улыбку на ее лице. И пусть она идет сегодня в театр с этим студентом, пусть думает, что цветы — от него. Все равно она когда-нибудь догадается, что он ни при чем, потому что я видел, как она оглядывалась, ища меня глазами во дворе, и знаю, что в театре тоже будет думать о том, куда я вдруг подевался... Через две недели я приду в салон красоты, Клавдия Семеновна, улыбаясь, скажет громко: «Там опять твой кавалер дожидается!» И все будут понимающие улыбаться, а Таня притворно нахмурится, посмотрит на меня в зеркало, укутает простыней и коснется легкими теплыми пальцами моей головы...

Все-таки хорошо, что я не выбросил троллейбусный билетик, который хотя и считается несчастливым, но не зря прицепился ко мне на аллее. Если бы не он, Владыка обязательно бы дернулся за веревочку, или выкрутил пробки в подъезде, или разорвал бы билеты на глазах у Тани...

Приоткрываешь дверь этого небольшого павильона на берегу моря — и сразу попадаешь в светлую просторную комнату, где радует глаз белая мебель и по-домашнему пахнет жареным кофе. Восемь круглых столов, вокруг каждого по шесть стульев с мягкими сиденьями. Два телевизора висят под невысоким потолком, два мощных динамика, стойка бара с автоматом для приготовления кофе. На стенах — картины из городского художественного фонда, их периодически меняют.

Шесть часов вечера. Кафе постепенно наполняется посетителями. Главным образом это дети, сопровождаемые родителями или бабушками и дедушками. Завертелись хозяева, разливая по бокалам «пепси» и «фанту», раскладывая по тарелочкам печенье и пирожные. Тихо зашумел кофейный аппарат, вспыхнули экраны телевизоров, а из динамиков разнесся знакомый голос Папанова: «Ну, Заяц, погоди!». Расплылись в улыбках детские лица, снисходительно заулыбались бабушки и дедушки; завораживающее священное действие, увлекающее детей, и взрослых, началось. Мультики!..

Пора ввести читателя в курс дела. Время действия — 1987 год. Место действия — город Пярну, видеокафе на семейном подряде. Хозяева — две молодые супружеские пары: Эльмар и Вирве Лепп и Энн и Юлле Кальюмяэ, посвящающие свое свободное время вот такой оригинальной форме организации досуга. Как же все начиналось? Вопрос не праздный, если учсть, что это первое в стране видеокафе.

Рассказывает Эльмар Лепп, шофер Пярнского агропрома. В начале 86-го года мы с женой прочитали в газете «Пярнский коммунист» статью первого секретаря горкома партии Кэрсти Рей. В ней было предложение использовать пустующие помещения, создавать там клубы для молодежи, спортивные залы, кафе. И мы пошли в горком. Идея у нас была, но нам хотелось поделиться с секретарем своими планами, уточнить детали. В горкоме мы нашли активную поддержку. И тут начались наши хождения по городу, встречи с руководителями разных ведомств, а точнее, хождения по мукам. Почти везде мы наталкивались на формализм и равнодушие. Кое-что нам предлагали, но потом оказывалось, что это очередная бюрократическая уловка: от нас хотят просто отдохнуть... Выход был найден неожиданно. Заведующий производственным управлением бытового обслуживания города Юрий Пинсель предложил нам пустующий уже несколько лет летний павильон на берегу моря. Когда-то там был пункт проката шезлонгов и лежаков для отдыхающих. Теперь он стоит бесхозным: штукатурка отвалилась, стены покоробились, пол всучился. «Попробуйте навести порядок», — сказал Пинсель — если сумеете, мы заключим с вами договор».

Вирве Лепп. Это было в конце апреля прошлого года. Мы купили за свои деньги краски, белила, цемент, линолеум, ковролит. Вечером после работы бежали сюда, превращаясь в штукатуров и маляров. Спать ложились в два три часа ночи. Уставали страшно, но видели, что постепенно павильон оживает, становится светлым и уютным. Сами купили мебель, наши мужчины подвесили динамики и телевизоры, приладили стереосистему и видеокамеру. И вот наступило 21 июня... У нас в этот день ежегодно отмечается праздник «Здравствуй, пярнуское лето!». Секретарь горкома Кэрсти Рей перерезала ленточку, и первые посетители заняли места за столиками в нашем кафе...

Тогда у многих в городе были опасения, что все наши хлопоты только ради того, чтобы иметь крупные деньги. В ис-

Гостеприимство хозяев и домашний уют рождают хорошее настроение.

Марк ГРИГОРЬЕВ

ПАТЕНТ

Первое в стране видеокафе на семейном подряде открыли в Пярну две молодые супружеские пары

К НАШИМ ЧИТАТЕЛЯМ.

Напишите нам о кооперативных предприятиях, в которых успешно трудится молодежь. Расскажите о трудностях, с которыми сталкиваются желающие заниматься индивидуальной трудовой деятельностью. Ждем писем с конкретными адресами!

полком и в горком шли одна за другой анонимки, где нас обвиняли в стремлении извлекать многочисленные нетрудовые доходы. Хотя в то время мы имели одни лишь долги и рискованную перспективу: сумеем ли управляться? Как отнесутся люди к нашему видеокafe? Согласятся ли платить 50 копеек в час? Станет ли наша комната местом развлечения и общения или превратится в обычный павильончик, где можно выпить чашку кофе и стакан «пепси»?

При входе в видеокafe перед зеркалом есть маленький столик. На нем лежит довольно уже пухлая гостевая книга. Сотни благодарностей... Инициатива молодежи четверки, проявившей подлинную социалистическую предпринимчивость, получила признание разновозрастной аудитории, пользуется поддержкой городских властей и партийных руководителей. «Так в чем же дело? — спросит иной наивный читатель. — Давайте распространять опыт по стране! Не могут же все любители видео ездить в Пярну».

Разумеется, не могут. Да, и самим жителям Пярну не так уж просто попасть в единственное видеокafe, рассчитанное на 30—35 человек. Так почему же тогда, коль так велика в них потребность, не растут видеокafe как грибы после дождя? Впрочем, не обязательно даже кафе, а любые объединения с приставкой «видео»: видеотеки, видеоклубы, видеосалоны. Да нужны ли они в массовом количестве или это очередная мода, недолгое увлечение «видеоманов»? Попробуем разобраться.

Тридцать лет назад в нашем лексиконе появилось слово «телек» — так ласково, дружески был наречен бурно входивший в наш быт телевизор. Тогда он еще рассматривался как некое чудо, забавная техническая новинка. Сегодня же двадцатилетние телевизионные воспитание впитали с молоком матери. Голубой экран формировал их в той же, если не в большей, степени, чем игрушка или детская книжка. Что же сделали клубы, организаторы досуга, культпросветработники, чтобы заполучить «голубого друга» себе в союзники? Да ровным счетом ничего! Тридцать лет спали и лишь в последние годы начали создавать телегостины, которые с трудом собирают трех-четырех пенсионеров. А молодежь... Вот двадцать — тридцать лет назад можно было заинтересовать молодых телевизором. Сейчас — только отпугнешь.

Сегодня в нашем обиходе появился еще один неологизм — «видек». Видеомагнитофон. Но спичка продолжается! Сплит промышленность, выпускающая смехотворное количество отечественной видеотехники невысокого уровня, но по цене, равной годовому жалованью инженера.

Между тем видеомагия начала овладевать умами. По приблизительным подсчетам, в стране функционирует около 300 тысяч единиц видеоаппаратуры. В подавляющем большинстве зарубежной. Между тем уже сегодня, по данным опроса, проведенного социологами ВНИИ киноискусства, о видеомагнитофоне у нас мечтают около двадцати миллионов человек. А по весьма приблизительным обещаниям промышленности к концу тысячелетия мы будем иметь только два-три миллиона «видеков». Думаю, приведенные цифры достаточно ясно говорят о гигантском разрыве между спросом и предложением. Где же выход?

Руководитель объединения «ВидеоФильм» Ф. Перепелов, выступая на первой в нашей стране научно-практической конференции о развитии видео, сказал: «Очень отрадные явления мы сейчас наблюдаем. Приезжают люди из отдаленных мест и ставят вопрос о налаживании у них проката кассет, о видеоклубах. Мы уже создали видеотеки в нескольких вахтовых поселках в Тюменской области, обзаводимся видеотехникой строители газопроводов, автозаводы Сибири. Приезжают к нам недавно и из Сургута. Видеотехника у них есть, и поскольку люди честно ее заработали, они не таятся, готовы предоставить свои аппараты клубам, были бы только содержательные программы... Не исключаем мы в принципе и использование видеомагнитофонов, например, в кооперативных кафе, демонстрацию кассет в качестве одной из форм семейного подряда, индивидуальной трудовой культурно-просветительной деятельности».

Какие замечательные слова! Конечно,

отрадно, что люди приезжают из глубинки и требуют, и ставят вопросы. Только вот не понятен бодячийский тон, когда ведется речь о решении поднимаемых приезжими вопросов. Формально видеотеки в вахтовых тюменских поселках созданы, а на деле — дедки лежат на складах либо вышли из строя, так и не успев поработать. Что же касается содержательных программ, то тут уж, наверное, лучше скромно помолчать: даже в наиболее богатых видеотеках Москвы посетители смотрят едва ли десять процентов имеющихся программ. И неудивительно, ведь репертуар видеотек дублирует телевизионные и кинопрограммы. А к созданию оригинальных видеолент только-только приступили студия имени Довженко и ЦСДФ. Да и плени отечественной пока в помине нет.

По меньшей мере странная ситуация: богатые геологии и нефтяники могут приобрести видеотехнику и даже дать ее в пользование клубу, а сам клуб выступает в качестве бедного родственника. Объясняется все, правда, очень просто: сибиряк с тугим бумажником покупает видеодеку за наличные, а клуб может это сделать только по перечислению. И тут его очередь может подойти никак не раньше третьего тысячелетия?

Памятливый читатель упрекнет автора в забывчивости. Дескать, товарищ Перепелов и представляемое им ведомство не исключают «в принципе и использование видеомагнитофонов, например, в кооперативных кафе...». Не о таком ли кафе в Пярну шла речь? Именно о таком! Но обрати, читатель, свое внимание на не случайно употребленное выражение «в принципе». Очень существенный нюанс. Чтобы оценить его, надо вернуться в Пярну, на берег моря, где в наступившей темноте приветливо светятся окна видеокafe...

После восьми часов ребяташки покидают зал. Возраст посетителей теперь «от шестнадцати и старше». Кстати, одна из причин популярности видеокafe — беззаботное меню.

Меняется и репертуар видеопрограмм. Как правило, это сборники выступлений советских и зарубежных музыкальных групп, которыми располагает советское телевидение.

Записывать из эфира вполне доступные в Эстонии финские программы нельзя: их демонстра-

ция в видеокafe вступает в противоречие с законом по охране авторских прав. Что и говорить, программа вечерних демонстраций оказывается довольно скучной и часто повторяемой.

— Нам хотелось бы показывать у себя лучшие ленты мирового кино, — говорит Эльмар Лепп, — в том числе и остроэпичные, развлекательные. Ничего этого объединение «ВидеоФильм» предложить не может. Вообще их представители выступают в роли наездников коммивояжеров: пытаются всучить нам залежальный товар по непродуманно высокой цене. А чуть что, шлют свои ревизоров.

— Разве вы подчиняетесь объединению? — удивляюсь я.

— Лучше спросите, кому мы не подчиняемся, — грустно улыбается Эльмар. — Потому и не открывается такие кафе повсеместно, сразу оказавшись объектом ревизий всех ведомств: бытового обслуживания, торговли, Госкино... Ведь мы действуем по собственной инициативе, а не по приказу сверху. И это у многих вызывает подозрения. Раз проявляют инициативу, значит, имеют интерес!.. Имеется в виду, конечно, денежный. И проверяют, проверяют, проверяют!.. Порой руки опускаются.

— Но вы же не филантропы? Видеокafe приносит определенный доход...

— Разумеется, заработка — дело не последнее. Мы имеем ощущимую прибавку к зарплате: в среднем на семью в месяц выходит по 450 рублей. Точнее так: доход видеокafe составляет две с половиной тысячи в месяц. Полторы из них мы отдаём управлению бытового обслуживания. Не так уж много остается нам на четверых, если учсть, что работаем в поте лица с шести вечера до полуночи. А в исполноком и горком партии поступают анонимные письма, где «доброжелатели» оценивают наши доходы кто в пятнадцать тысяч, а кто и в тридцать пять. Но это, как говорится, дело их совести. Я думаю о другом. Видеокafe позволило нам выйти за рамки своей профессии, попробовать себя в качестве строителя, звукооператора, бармена, бухгалтера, снабженца, организатора досуга. Мы обрели тысячи новых друзей, постоянно ощущаем ни с чем не сравнимое чувство благодарности людей, которые проводят у нас вечера...

Что ж, подумал я, пярнуские энтузиасты заслужили патент на социальное изобретение. Человеку для самоутверждения необходимо «примерить» на себя несколько социальных ролей. И самая интересная, самая выигрышная — роль социального творца. Две молодые пары из Пярну создали уникальное объединение, смысл которого — самодеятельное любительское творчество. Базой в данном случае стало кафе на семейном подряде. Впрочем, база могла быть и иной. А главное тут определяет цель: участвовать в идущей в стране перестройке не на словах, а на деле.

Павел ЕМЕЛИН,
специальный
корреспондент
«Смены»

ИЗГНАНИЕ ИЗ ДЕ

ДЕВЯТЬ ПОДРОСТКОВ-СИРОТ ОКАЗАЛИСЬ
НА ПРОИЗВОЛ СУДЬБЫ СВОИМИ ВОСПИТАТЕЛЯМИ. КАК МОГЛО

Письмо на шести листах, вырванных из ученической тетрадки в клеточку, написано наспех, с ошибками. Шестнадцатилетний паренек пишет, что директор и завуч ростовского детдома № 10, где он воспитывался, не дают ему учиться в восьмом классе, вместе с другими семиклассниками отправляют в ПТУ. Был он и в горюно, и облоно — безрезультатно. «Ради 8-го класса я ночевал на крылах, чердаках...»

Поначалу просто не верилось, что все это правда. Ведь в ПТУ принимают после восьмилетки? И как можно запретить человеку учиться? А потом эти «крыши», «чердаки»... Вымысел? Розыгрыш? Но под письмом 16 подписей, хотя писал-то один — Саша Петрунько.

В Ростовском обкоме ВЛКСМ первое, что я услышал — сказано это было бодрым, не допускающим и тени сомнения голосом: «Детские дома у нас вниманием не обделены. Недавно на расширенном бюро рассматривались нужды детских домов и школ-интернатов». Однако никто из обкомовцев не мог ответить, что же произошло в детдоме № 10.

— Все было хорошо, — говорила Ирина Семенченко, секретарь Первомайского райкома ВЛКСМ (детдом находится в этом районе), — но в сентябре туда пришел новый воспитатель — тут и началось! Пошли письма, жалобы... Мне кажется, кто-то хочет добиться своей цели руками ребят.

— Какой цели?

— В том-то и загадка. — Ирина многозначительно умолкла.

— А может быть, он не нашел контакта с коллегами? — предположила Наталья Елисеева, заместитель заведующего отделом учащейся молодежи обкома комсомола.

Компетенция на уровне слухов. А ведь эти комсомольские работники курируют, опекают детские дома. Каково же ребятишкам-детдомовцам при таком «внимании»? Зато как вольно и глубокомысленно судят «комсомольские богини» о новом воспитателе — человеке, которого знают лишь понастышке. Неужто и другие вопросы воспитания детей-сирот они решают с подобной легкостью?

Детский дом № 10 — серое, невзрачное здание, бывшая школа. А внутри свежие краски, блеск паркета, дорогие ковры. Все это плоды трудов директора детдома Борисенко. Второй год он в этой должности, но сдвиги заметны. «Значительно укрепил материальную базу», — сказали мне о нем. Да и сам Сергей Александрович не скрывает, что забота о чистоте, уюте у него на первом месте.

— Для меня ковровая дорожка — категория нравственная, — сказал он.

Можно только порадоваться крепнущему достатку в детском доме. Но сейчас, осматривая его, думал о другом: а уютно, тепло ли тут ребятам? Ведь не от хорошей жизни написали подростки в редакцию.

— И ради этого вы ехали сюда? — удивляются мои собеседники. — Стоит ли ворошить старое? Да, было нарушение, когда семиклассников отправили в ПТУ, но и директор, и завуч (она сейчас работает в школе-интернате № 28) за это наказаны.

Хочется воспитателям поскорее забыть все, что происходило в детском доме прошлым летом, выдать это за досадное недоразумение, за маленько пятнышко на большом чистом ковре. Впрочем, до летних ли впечатлений им? Куда больше занимает другое событие, как гром грянувший в середине декабря тот же Саша Петрунько и еще четверо ребят обратились с письменными заявлениями в Ростовский горком КПСС. Этот скандал уже не замять: ЧП в масштабе города, как выразился директор Борисенко.

— Начал этот конфликт я. — Саша Петрунько то и дело поправляет очки, волнуется. Светловолосый, голубоглазый, с мягкой, застенчивой улыбкой.

Последний месяц летних каникул. Намотавшись за день, Саша укладкой пребирался на крышу девятиэтажного дома, влезал в спальный мешок и долго лежал, не засыпая, глядя на звезды.

О чем думает шестнадцатилетний паренек, оставшись один на один с мирозданием? Саша думал о своей сиротской доле. Во всем свете у него единственный родной человек — сестра, да и та неизвестно где. Три года он жил в этом ростовском детдоме, еще раньше — в таганрогском. А теперь, когда впереди замаячила долгожданная взрослая жизнь, понял, как глупо, бездарно растратил время: уже шестнадцать, а за плечами только семь классов. Вместо восьмого его направляют в ПТУ. Отдалялась заветная мечта: поступить в юридический институт, чтобы потом работать в уголовнике, бороться за справедливость. Кто поможет, у кого спросить совета?

Директор детдома, услышав Сашину просьбу оставить его в восьмом классе, покачал головой.

— Пора самому деньги зарабатывать. Да и поведение у тебя... — Борисенко испытывающе посмотрел на подростка, двоякое.

Саша, чуть не плача, просил поверить ему, дал слово, что никогда больше не будет хулиганить, более того, сам сумеется за наведение порядка.

— Ладно, пиши заявление, — согласился директор.

Когда же Саша снова пришел к Борисенко, тот пошел на попытку: дескать, не уверен, что возьмут в школу.

— Но вы же обещали!

— Не все от меня зависит, — то ли объяснял, то ли оправдывался директор. — Вот выйдет из отпуска Нина Васильевна, еще неизвестно, как она на это посмотрит.

Завуч не в пример директору сказала, как отрезала:

— Никакой школы. Хватит сидеть на шее у государства.

До первого сентября оставалось шесть дней — Саша пошел в облоно. Его отфутболили в городской отдел на-

родного образования. Там он встретил директора и завуча детдома. Отступать им было некуда. Нина Васильевна взяла инициативу в свои руки. Зашли к инспектору Г. Н. Скачкову.

— Ну, что ж, — сказала Скачкова. — Ты долго думал, а теперь я подумаю, как с тобой быть.

Но сколько можно ждать! Вместе с завучем — снова в облоно. Сначала Нина Васильевна заглянула в кабинет одна, вскоре пригласили и Сашу. Инспектор Э. И. Кириллова не скрывала недовольства:

— Почему ты плохо вел себя в детском доме? Почему раньше не хотел учиться?

В детдом возвращались на троллейбусе. «Разговаривали», — неохотно вспоминала Нина Васильевна. «Поговорили начистоту», — подтвердил Саша. Пассажиры, наверно, с изумлениемглядывались на строгую, средних лет женщину и невысокого, нескладного паренка в очках, который, раскрасневшись от возбуждения, что-то горячо доказывал. Саша пытался убедить Лесникову, как изменился он в это лето. Но чем больше говорил, тем яснее чувствовал: его не хотят понять. Тогда он сказал, что есть человек, который согласен взять его, Сашу, к себе. Можно сделать так: будешь ходить в школу, а жить у того человека.

На такой вариант Нина Васильевна согласилась. Только никакого «человека» у Саши не было, просто-напросто он «сочинил» его. Прикинул: главное — пойти в восьмой класс, а ночлег где-нибудь отыщет — не привыкать!

Но все напрасно. Неведомая подростку бюрократическая сила вопреки его желанию привела Сашу Петрунько в ростовское ПТУ-19, где готовят рабочих строительных специальностей. Он сопротивлялся, как мог: не ходил на занятия, не ночевал в общежитии, хотя ему выделили место. Целых два месяца — с конца августа до конца октября — Саша ютился на чердаке пятиэтажки, в нескольких шагах от детского дома. Завуч распорядилась в детдом его не пускать.

Каждый день паренек приходил к детдомовскому порогу, и всякий раз его гнали оттуда, как бродячу собачонку.

Как назвать эту бессердечную операцию, которую провела администрация детдома № 10? Оказывается, есть у нее название — «очищение». Не сам придумал — услышал в детдоме. Вроде бы то же самое, что и чистота. Но одно дело, когда выметают мусор, а тут ведь «выметают» детей.

Выяснилось, что руководство детдома намеревалось «сплавить» в ПТУ всех семиклассников — девять человек. Теперь, когда этот подлог раскрылся, все делают вид, что ничего не знали. «Получилось как-то стихийно», — не моргнув глазом заявляет бывший завуч Лесникова «Спонтанно», — вторит ей директор Борисенко. «Это прошло мимо нас», — разводят руками заместитель заведующего Ростовским облоно В. Е. Зарайченко. (В скобках замечу: при этом разговоре в облоно присутствовала и инспектор Кириллова, та самая, к которой обращалась Саша еще в августе. Однако Элла Ивановна, сохранив завидное спокойствие, предпочла не вспоминать о визите Петрунько.)

Диву даешься, слушая подобные объяснения. И это педагоги?! Не нужно быть пророком, чтобы предвидеть, что ждет без опеки не оперившихся на первых порах детдомовцев. Все равно что бросить не умеющего плавать человека в открытое море.

— Слихнули ребят нам, — с готовностью соглашается директор ПТУ-19 Н. А. Джегунцов.

— Мы объясняли воспитателям, что не имеем права брать семиклассников, — говорит заместитель директора ПТУ С. Е. Трофимов. — Но они взмолились: «Возьмите, а то они нас поубивают».

— Это же переростки, — подхватил другой зам, А. И. Курячий, — не хотят учиться. Они бы переженились в своем детском доме.

«Добрые тети» из детдома поплакались в жилетку «добрый дядя» из ПТУ, и все вместе забыли про закон. Логика горе-воспитателей ясна: зачем учить детдомовцев, которым так трудно прививать тягу к знаниям; проще спихнуть их «дяде», то бишь в какое-нибудь строительное ПТУ. Ну, а у «дяди» своя выгода. Известно, с каким трудом комплектуются эти училища. Не потому ли тут и закрывают глаза на нехватку школьного образования?

Переростки... Но вот в кабинет, где мы беседовали с руководителями ПТУ, входит Света Алешина, симпатичная девушка в форменном костюмчике. Ей только этим летом исполнится пятнадцать. Какой же она переросток?

— Нравится тебе в училище? — спрашивает ее.

Пожимает плечами, улыбается, молчит.

— Тяжеловато им, конечно, — вздыхает, говорит В. Ф. Ожогина, старейший мастер училища. — А помочь никакой. И завуч, и воспитательница обещали приходить сюда каждый день, да где там... — Валентина Филипповна махнула рукой.

— А сама в детдом наведываешься? — опять вопрос к Свете.

— Нет. — Улыбка сходит с ее лица.

— Ни с кем не хочу встречаться.

«Никого не хочу видеть» — это слова другой воспитанницы. С ней мы разговаривали в городской больнице № 8, куда она попала для искусственного прерывания беременности. Не буду повторять, как мне обрисовали Лену директор и некоторые работники детдома — стыдно не за нее, а за тех, кто считает себя воспитателем. Скажу только: в том, что случилось с пятнадцатилетней девочкой, они видят некую врожденную, неведомую пока науке склонность к определенному роду «приключениям».

Кто спорит, наши знания о юном человеке нуждаются в углублении. На-

СОСТАВА

БРОШЕННЫМИ СЛУЧИТЬСЯ ТАКОЕ?..

верно, нет сегодня более трудных подростков, чем детдомовцы. Изломанные судьбы, изломанная психика. Наука, безусловно, должна помочь. Но еще важнее тут человеческая доброта, понимание. Ведь воспитатели имеют дело с конкретными ребятами, с их реальными, вполне объяснимыми запросами и желаниями. А послушать иных наставников (нечто подобное я и услышал в детдоме № 10), так почти все их питомцы — или законченные преступники, или распутники.

Сидя в приемном покое больницы, я ждал встречи с Леной. В двери показалась невысокого роста, широколицая девочка в больничном халате. Впрочем, девочкой ее уже не назовешь. Передо мной была юная женщина, в которой то светилась, то угасала радость обретенного и вмог утраченного материинства.

— Я видела его... Мальчик... Сибиряк такой... — Лена улыбалась, а в глазах ее стояли слезы.

Она одна из тех семиклассников, которых пытались «передать» в ПТУ. Оказавшись «за бортом», девочка не знала, куда ей деться.

— Я и раньше убегала из детдома, — рассказывает Лена. — Почему? Неумная была. Все из-за Хохлова и Тришиной, они «держали центр» в детдоме. А тут Нина Васильевна сказала: если хочешь работать, мы тебя устроим. Я согласилась. После седьмого класса мы поехали в город Шахты, в строительное ПТУ № 36. Мальчишки пошли на каменщиков, девочки — на майоров-штукатурков. Из нашего класса со мной были Анжела Саакова, Наташа Щербакова, Валя Пономарева... Никаких документов в детдоме нам не дали. Сказали только: если кто будет спрашивать, говорите, что окончили восьмилетку.

В Шахтах я жила несколько дней в общежитии. Сначала была одна в комнате, потом ко мне пришла Валя Пономарева. Училище хорошее, но были там девочки... ну, такого, легкого поведения. Ушла я оттуда. Написала заявление, что хочу работать в пионерлагере. Меня отпустили. Приехала в «Пилот», весь день пробыла с нашими малышами. Рядом, в соседнем лагере, был Жуков, воспитатель из детдома... К нему почему не обратилась? Бесполезно. Моя жизнь его не волнует — в этом я еще раньше убедилась... Из пионерлагеря поехала к своей сестре, в поселок под Ишшар-Олей. Пошла работать в колхоз. Так и жила там до конца августа. Тогда же познакомилась с Володей, поверила ему...

А тому, между прочим, 26 лет, был женат, платит алименты на троих детей. Он и Лена обещал жениться. Из-за этого она поссорилась с сестрой и вскоре, как бывало, ушла куда глаза глядят. В Ишшар-Оле попала в детприемник, а при медосследовании обнаружилось, что она беременна.

Лена вернулась в детдом осенью. Ее тайна каким-то образом стала известна всем. Ребята не давали ей прохода, дразнили, смеялись. Воспитатели смо-

трели с осуждением. Жизнь в детдоме стала настоящей пыткой. Дошло до того, что перед Новым годом Лена сама попросила закрыть ее в изоляторе, чтобы никого не видеть и не слышать. Через неделю другую она выпишется из больницы. Что же дальше?

— Пойду работать, — как о чем-то давно решенном сказала Лена. — А когда получу паспорт, уеду. Пока не знаю, куда. Но возвращаться в детдом... Ни за что!

Чем глубже вникал в эту историю с семиклассниками, тем больше удивлялся поразительной беспечности должностных лиц — взрослых людей, которые без малейших колебаний отпустили 14—15-летних подростков на все четыре стороны. А сейчас как ни в чем не бывало заявляют: «Хотели, чтобы ребята быстрее встали на ноги». А если бы на месте Лены, Светы, Саши были их собственные дети? И тогда все решалось бы легко и просто: с глаз долой и живи, как знаешь? Не думаю. Почему же в случае, когда фактически на произвол судьбы были брошены сироты, воспитатели, отвечающие за их жизнь и здоровье, могли спать спокойно?

Опасаться за себя педагогам не пришлось. Наказаны, как уже говорилось, лишь непосредственные исполнители «эксперимента» — директор и завуч детдома. А воспитатели? А школьные учителя? А работники горено и облоно? Они, кажется, не испытывали и того, что зовется легким испугом.

А главное — сделаны ли из случившегося педагогические выводы? Что изменилось в нравственной атмосфере детского дома, куда не желаю даже наведываться недавние воспитанники?

Но сначала расскажу, как слез с чердака Саша Петрунько. О его местонахождении знали многие ребята из детдома. Не знали только (или не хотели знать) их воспитатели да преподаватели ПТУ-19.

В сентябре в детдом пришел новый работник — Владимир Александрович Бабушкин, подозрительный, с точки зрения чиновников от педагогики, человек. Сами посудите: ему 38 лет, специалист в области медицины, имеет научные публикации в отечественных и зарубежных изданиях — и вдруг разом бросает прежнее дело, просится рядовым воспитателем в детский дом. И ведь чем козыряет! «Люблю, — говорит, — детей. Хочу быть нужным сиротам». Такими аргументами ростовских народаобразовцев не прошибешь. Они и сами не прочь порассуждать о любви к детям, о загадках детской души.

Полгода Бабушкин обивал пороги горено и облоно. Думал, самое трудное позади. Ошибался: его ждали жестокие испытания.

С воспитанниками, особенно мальчишками, Владимир Александрович сразу нашел контакт. Засыпав шум мотора потрепанного «жигулевки», на котором приезжал на работу новый воспитатель, они как горох высыпали на встречу. Никаких секретов от Владимира Александровича у них не было. Рассказали ему и про Сашу Петрунько.

— Это правда, что ты ночуешь на чердаке? — спросил воспитатель, как только Саша появился во дворе детдома.

— Правда. — Мальчик без утайки выложил все. Показал свои письма в разные инстанции, в том числе и в «Министерство детских домов» — думал, есть такое.

— Езжай в общежитие, я постараюсь тебе помочь, — сказал он Саше.

Бабушкин открыто встал на защиту законных прав Петрунько, посягнув на «святая святых» детдомового уклада, к которому привыкли воспитатели. Здесь, заметила секретарь Первомайского райкома КПСС Л. Н. Шулепова, столкнулись два педагогических направления: традиционное и новое, пока еще не всеми признанное. Сначала я соглашалась с Ларисой Николаевной,

но вскоре увидел: какие же тут два направления? Столкнулись педагогика и антипедагогика — бездушная, недальновидная метода, для которой важно одно: чтобы все было «так, как надо».

— Что мы, изверги какие? Мы только требуем порядка, — выговаривала мне воспитатель Кучма.

В самом деле, не слушаю ли краски? Ведь речь идет о педагогах, которые работают не год и не два. О каждом из них можно услышать немало хорошего. Та же Евгения Павловна Кучма, например, удочерила свою воспитанницу — той сейчас уже девятнадцать. В то же время с какой горячностью, с каким чувством собственной непогрешимости говорила она о Саше Петрунько: он-де такой-сякой, не место ему в детдоме. Да и вообще, считает Евгения Павловна, без строгости, без жесткой дисциплины с такими детьми нельзя, а потому действий Бабушкина она не одобряет.

Да, строгость — каркас порядка, о котором много говорят в детдоме № 10. Дети тут должны ходить по струнке. И впрямь малыши — само послушание. Но, подрастая, ребята становятся неуправляемыми, начинают бунтовать, отбиваются от рук. Хваленая педагогическая строгость на практике поминутно срывается в крик, упражняется в нудных нотациях.

Обратная сторона такого порядка — показуха. Она вошла в плоть и кровь не только воспитателей, но, что самое страшное, и детей. Первое движение ребят, когда входишь к ним в спальню, — разглаживание складок на постели. А этой холодной зимой детишки подолгу мерзли на улице — ждали высокую комиссию. В дом их не пускали, боялись, как бы они не испортили «марафет».

И вот среди этого «божественного» порядка появляется воспитатель, который разрешает детям бегать по коридору и сам — о ужас! — носится с ними, как мальчишка. Иногда он привозил в детдом свою черную полоухую собаку по кличке Лой — ребяташки визжали от восторга.

Такая вольность оскорбляла все существо завуча Лесниковой, фактически единовластной хозяинки детдома. Она не представляла, как можно нарушать режим, общаться с детьми без строгости, не соблюдая дистанции. Сама она была грозой для всех, говорила безапелляционно, «с металлом в голосе». Дети ее боялись.

Масла в огонь подлило то, что вслед за Бабушкиным в детдом пришел педагогический отряд, которым руководит жена нового воспитателя — Татьяна Викторовна, сама педагог и по образованию, и по призванию, создатель некогда знаменитого клуба «ЭТО» — «Эстетика, творчество, общение» («Смена» рассказывала об этом клубе в №№ 18, 20, 21 за 1981 г.). В отряде люди разные по возрасту и профессиям. Главное, чего они хотят, — разбить заскорузлую детдомовскую замкнутость, дать ребяташкам возможность испытать радость общения, творчества. Педотрядовцы устраивали для детей театрализованные дни рождения, читали малышам перед сном сказки...

Неужели кто-то против? Увы! И директор, и завуч считали, что члены педагогического отряда — люди в детдоме посторонние, поэтому обязаны подчиняться установленному порядку, а не переворачивать все «с ног на голову». Детский дом, дескать, — учреждение закрытого типа, вход сюда посторонним ограничен.

Лесникова рекомендовала педагогическим сократить число приходящих до трех человек. Да и кто они, эти добровольцы? Как истинный блистательный порядка, Нина Васильевна потребовала от каждого члена педотряда характеристику с места работы или учебы. Тот факт, что педотряд действует под эгидой Ростовского горкома ВЛКСМ, для нее ничего не значил. С гордым, неприступным видом завуч

молча следовала за «посторонними» и фиксировала каждый их шаг в своем кондите.

Тучи над головой Бабушкина — именно в нем видели источник всех бед — сгущались. Друзья-мальчишки решили, что настало время им самим защищать воспитателя. Вот когда Саша Петрунько (благодаря Бабушкину он вернулся в школу и в детдом), другие мальчики пошли со своими письмами в горком КПСС. Ребячий заявления попали на стол к секретарю горкома партии Л. Г. Каймакчи.

— Больно читать эти письма, — говорит Людмила Григорьевна. — Я сама когда-то училась вместе с детдомовцами, знаю, как восприимчивы они к малейшей несправедливости. На другой же день поехала в детдом. Долго беседовала с ребятами, с воспитателями. Наверно, не все однозначно в работе супругов Бабушкиных, но тот махровый формализм, который процветал в детдоме, терпеть нельзя. Пора нам по-новому взглянуть на многие проблемы воспитания детей-сирот.

О счастливом finale говорить рано. Кое-кто упорно утверждает, будто Петрунько, другие «ходоки» действовали с ведома Бабушкина, чуть ли не под его диктовку писали свои письма. Имеются доказательства? Ничего подобного — одни домыслы. Однако, как ни странно, все эти измышления получили ход: прозвучали на расширенном собрании педколлектива, занесены в протокол.

«Прекрасно понимаю, что у коллектива есть мнение, что я направляю детей, — привожу слова Бабушкина по протоколу. — Даю вам честное слово, что это не так».

И что же?.. Те же сплетни я услышал, беседуя с воспитателями детдома. Ни-как не хотят они признать очевидную истину: не чай-то злы умысел, а они сами, их «педагогические» приемы породили конфликт, в который втянуты и взрослые, и дети.

Детдом раскололся на две части: одни — за Владимира Александровича, другие — за Нину Васильевну. Кажется, конца не будет этому бессмысленному, опасному раздору.

— В чем, собственно, моя вина? — недоумевает Лесникова. — Разве семиклассники не устроены? Единственная ошибка, что я не согласовала этот вопрос с облонью. — Помолчала и с тем же пафосом продолжала: — Режим есть режим. А что нового принес Бабушкин?..

Теряешься перед таким напором. Но это лишь эмоции. Вернемся к фактам. Парень два месяца ночевал на чердаке. Пятнадцатилетняя девочка попала в больницу. А еще — горькая, недетская обида, оставшаяся, может быть, на всю жизнь... Разве это не прямое следствие того «очистительного» порядка, который насаждала и рьяно отстаивала Лесникова?

...Каждый знает, память о доме, где тебя любят и ждут, прибавляет силы, не дает потеряться в жизненном водовороте. Своей неуемной строгостью, бесцеремонностью, незаконными «благодениями» воспитатели отпугнули от детдома не одного воспитанника. А это значит, что юный, слабо подготовленный к самостоятельной жизни и в общем-то одинокий человек лишился крова, дома, где он рос, куда он может, но вряд ли захочет вернуться.

«Они устроены», — говорят о семиклассниках. Правильно, ребят кормят, одевают, обувают, учат ремеслу. Но остается душевная неустроенность. Когда любое дело валится из рук, когда появляется озлобленность на себя, на людей, на весь мир. Разве не вправе мы предъявить этот счет педагогам?..

Рано подводить итоги педагогическим усилиям Бабушкина. Однако уже сейчас он вносит в детский дом то, без чего немыслимо подлинное воспитание — уважение к личности, человеческому достоинству воспитанника. Не о чистоте ковровой дорожки он печется — о чистоте детской души.

Cергей Лобов, недавний предводитель дворовой компании, гроза улицы, к своим пятнадцати годам числившийся хулиганом, о чём говорили неоднократные приводы в милицию за драки, после окончания восьмого класса был принят в девятое донецкое ГПТУ — одно из лучших в городе. Хлопотали об этом люди, неравнодушные к его судьбе — и школа, в лице забывчивой, сердобольной Клавдии Ивановны, классной руководительницы, и сотрудники инспекции по делам несовершеннолетних.

В первую неделю занятий все было относительно нормально: бывали, правда, пропуски занятий, но зато ни одной хулиганской выходки. Хотя и преподаватели, и мастера говорили: груб, замкнут.

ЧП случилось в конце сентября: в сквере возле клуба его прежняя компания затеяла драку. В группе подростков был и Лобов. Возможно, все кончилось бы печально: исключение из училища с передачей дальнейших забот о Лобове милиции. Но... на следующий день после драки его вызвали в комитет комсомола училища.

— Воспитывать — зло усмехнувшись, сказал товарищам Сергей. — Лапшу на уши вешать.

К его удивлению, секретарь комитета вместо занудных правильных слов задал Сергею неожиданный вопрос:

— Скажи, Лобов, ты знаешь, что в нашем училище есть эскадрилья «Орленка»?

— Ну... Слышал что-то.

— Вроде тебя интересует парашютный спорт?

— Так ведь туда принимают отличников всяких, этих... активистов.

— Для тебя мы сделаем исключение. Естественно, будут поставлены условия. Но это потом. Сначала побудь на первых занятиях... Может быть, тебе не понравится. — Секретарь хитро улыбнулся.

Из разговора с заместителем начальника Донецкого областного управления профтехобразования Владимиром Филипповичем АЛЕКСАНДРОВЫМ:

— Хочу подчеркнуть: с так называемыми «трудными» подростками надо уметь работать. А найдя ключ к их душам, не потерять его. Замечено: уже в первый год обучения в училище ребята меняются к лучшему. Но вот окончены занятия. Каникулы. Полтора-два месяца подросток предоставлен самому себе. Как правило, на это время он попадает — увы — в привычную среду, из которой мы парня вырывали с таким трудом, и в сентябре получаем его прежним «трудным». Все наши усилия сводятся на нет. Мы и задумались: как оторвать наших ребят от «улицы»? Так родилась идея создания юношеского учебно-спортивного авиационного корпуса «Орленок». У него, если так можно выразиться, три папы — обком комсомола, обком ДОСААФ и областное управление профтехобразования. Действует он на базе двадцати ПТУ города и области, занятия в нем рассчитаны на два года. В каждом училище — своя эскадрилья. А всего «орлят» в этих эскадрильях — от шестисот до тысячи.

...Сергея поразил уже сам класс, где проходило первое занятие. Все здесь было настоящим: и авиационный мотор в разрезе, чтобы видеть его внутреннее устройство, и парашют, аккуратно уложенный и перетянутый ремнями.

— Сегодня мы рассмотрим устройство самолёта Ан-2, — говорил преподаватель, — его поведение в полете, возможности маневрирования, критические допуски скорости и высоты. Ведь именно с Ан-2 вам предстоит совершить свои первые прыжки...

На следующий день Лобов пришел в комитет комсомола.

— Я согласен, — сказал он.

— Отлично, — кивнул секретарь. — А теперь наши условия. Впрочем, они из-

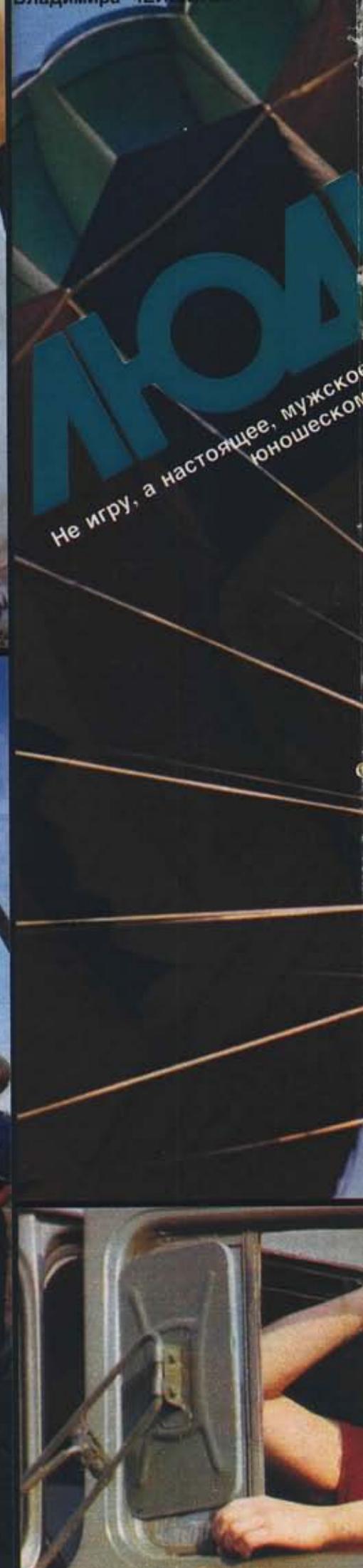

Смена

Игорь МИНУТКО

Фото

Владимира ЧЕЙШВИЛИ

САМУ СОВЕТСКОМУ СОЮЗУ!

ложены в присяге. Вот — В руках Сергея оказался лист с текстом отпечатанным из машинки.

Присягу орлят — Лобов выучил и перед строем своей эскадрильи отрабатывал, особо не вникая в слова, в их смысл. Все повторяют, ну и я надо выучить? Пожалуйста!

Он не знал, что скоро присягу повторит на огромной сцене дворца культуры и спорта «Юность». Он естественно не знал и того, что каждый год шахтинский совет корпуса «Орленок» проводит конкурс на лучшую эскадрилью, а итоги подводятся на торжественном вечере в Юношеском дворце «Юность», который гордится столицей Донбасса своим залом.

Сергей оказался в сверкающем зале, заполненном «орлятами» — в парадной форме: голубые под-штаны, куртки, пиджаки, брюки и брюки, голубые береты. Такая же форма была на нем, совсем новая и он вроде бы поначалу чувствовал себя в ней невпопад. Но вокруг были ребята в такой же форме и она объединяла их, спланивала. А на сцену под звуки оркестра торжественно выносили знамя корпуса «Орленок» и девочка с коттон-светлых волос — Сергей видел ее на занятиях по укладке парашюта — зачитала рапорт, знамениному земляку дончан космонавту Георгию Тимофеевичу Бореговому, почетному командиру корпуса «Орленок».

— А сейчас — звучал голос в наступившей тишине — у эскадрильи уччища номер девять новое пополнение. Попрошу на сцену.

Сергей с несколькими своими товарищами («Почему же пригласили не всех, кого приняли?» — в смятении подумал он) оказался на сцене.

Его ослепил яркий свет, казалось, зал потонул в полураке, где лица лица лица и все смотрят на него.

— Присяга «орлят»! — торжественно прозвучало в зале. — Повторяйте за мной!

И голос Сергея вплелся в взволнованные голоса товарищей.

— Я юный авиатор, вступая в ряды донецкого юношеского учебно-спортивного корпуса «Орленок» перед лицом своих товарищих торжественно обя-зуюсь.

Сергей не помнил, как оказался в зале, со всех сторон тянулись дружеские руки, его поздравляли, хлопали по плечу.

Однако прежняя жизнь не хотела легко его отпускать.

Как-то в воскресенье собралась в подъезде его прежняя компания.

— Шо, хлопцы, — сказал Сашка Воронков по прозвищу «Ворон» — сообразили? Руль имею! Кто больше?

— Я не буду, — хотел сказать Сергей, но промолчал. «Что они подумают? Стал «маменькиным сыном» идеиным?»

— Сообразили: купили три бутылки дешевого вина и распили в том же подъезде, «закусив» сигаретами. Нет ЧП не случилось. Просто бестолково, громко спорили (о чем — потом вспомнить невозможно), горпанили похабные песни

О, ЭТОТ ЗАХВАТЫВАЮЩИЙ МИГ: БРОСОК В СЛЕПЯЩЕЕ ПРОСТРАНСТВО НЕБА, СВОБОДНОЕ ПАРЕНИЕ, РЫВОК КОЛЬЦА! ДАЛЕКАЯ ЗЕМЛЯ, ЛЕТЕВШАЯ НАВСТРЕЧУ, ПЛЫВЕТ К ЛИНИИ ГОРИЗОНТА, А НАД ГОЛОВОЙ ЯРКИЙ КУПОЛ, И ТЫ СКОЛЬЗИШЬ В ВОЗДУХЕ, В ГОЛУБОМ ОКЕАНЕ...

испугали двух девушек на улице. Когда пришел домой, плакала мать: «Опять за свое?» Он огрызнулся, как прежде: «Ладно! Заткнись!» А засыпая, подумал с изумлением: «Неужели был тот вечер во дворце «Юность»? И я на сцене? «Быть примером в учебе и воинской дисциплине...»

На следующий день он не пошел в училище — пропал.

А в среду секретарь комсомольской организации, встретив Сергея в коридоре, сказал коротко:

— Зайди.

И уже в комитете, когда они остались двоем, спросил:

— Лобов, ты какую выбрал специальность? Я имею в виду эскадрилью. Сергей уже знал: «орлята» осваивают четыре военные профессии: десантника, укладчика парашютов, авиамеханика, авиаприбориста.

— Профессию десантника, — сказал он быстро, и сердце забилось чаще.

— А ты знаешь, что право участвовать в летних сборах и прыжках получают всего десять человек из эскадрильи?

— Знаю... — опустил голову Сергей.

— Так вот, — жестко продолжал секретарь. — В понедельник ты не был на занятиях. Тебе известно правило «орлят»: пропустил три теоретических занятия — отчисляешься из эскадрильи? — Сергей промолчал. — И еще: не успеваешь по учебным предметам. Тебе что — не нравится профессия горного техника?

— Нравится! — И Сергей заспешил, захлебываясь словами: — Я подтянусь, обещаю! А занятия по парашюту... Больше не будет ни одного пропуска. Тоже обещаю...

И он сдержал свое слово. И дождался этого неповторимого дня.

Нет, не так. Сергей Лобов этот день завоевал ценой трудной борьбы с собой — с тем прежним «Серым», лидером дворовой компании, ценой — уже радостной — постижения истинного смысла понятий «товарищество», «уважение друзей».

...Позади скрупулезная проверка здоровья авторитетной медицинской комиссии — перед первым прыжком.

Позади последняя тщательная подготовка, еще и еще раз укладка парашюта, тренировки на тренажерах перед первым прыжком!..

«Сейчас!..» Сергей весь во власти ликующего напряжения.

Открывается люк — в глаза блещет солнечная голубизна.

— Приготовились! — Голос выпукающегося. — Первый!.. Лобов! Пашел!..

О этот захватывающий миг — бросок в слепящее пространство, несколько секунд свободного парения, рывок кольца! И кажется: далекая земля, которая только что стремительно летела тебе навстречу, замерла и медленно, плавно поплыла в сторону, к качающейся линии горизонта. А над головой — яркий купол, ветер упрого шелестит в матери, посвистывает в напряженных стропах. И ты легко плыешь в струях воздуха, в голубом океане. Теперь там, на поле аэродрома, увидеть желтый круг приземления, который с высоты выглядит медной монеткой.

Сергей чувствовал: получается! Он точно вел парашют в желтый круг. До приземления оставались считанные секунды, и он успел подумать: «Я с ними, с людьми неба».

Эти слова — «люди неба» он впервые услышал от «донецкого Маресьева», полковника авиации в отставке Анатолия Федоровича Белецкого. С этим удивительным человеком завязали дружбу красные следопыты из группы «Поиск» ГПТУ № 9.

Однажды Лобов вместе со своими друзьями оказался в гостях у Анатолия Федоровича, в его скромной квартире в Жданове.

Эту встречу Сергей запомнил надолго. С ними запросто, как с равными, беседовал, шутил человек из легенд: после тяжелого ранения во время воздушного боя Анатолий Федорович ли-

шился ноги, но, выпавшись из госпиталя, добился возвращения в строй — стал начальником летной школы, лично налетал, показывая своим питомцам мастерство высшего пилотажа, более тысячи часов на самолетах разных типов.

Вот тогда Лобов и услышал эти слова. Сколько рассказывая о себе, Анатолий Федорович сказал им:

— Вступаете вы в прекрасное братство людей неба. Проникнитесь чувством: это люди особой породы. Из этого братства и Чкалова, и Гастелло, и наши космонавты.

...До земли — несколько десятков метров. Сергей спускался точно в круг и уже видел, как ему машут руками товарищи!

Толчок! Сергей легко перевернулся, встал на ноги. Шелестящий оранжевый шелк накрыл его.

«Теперь погасить парашют».

— Молодец, Лобов! — кричали ему.

— Первый прыжок — и в точку!

«Я принадлежу к великому братству людей неба», — счастливо думал Сергей. — И никогда не изменю ему».

Из разговора с Владимиром Филипповичем Александровым:

— В многотрудном деле воспитания мы часто сталкиваемся с одним феноменальным явлением: на первый взгляд трудно объяснимым: молодежь, зная об угрозе войны, тем не менее считает ее очень маловероятной. Ведь выросло несколько поколений, для которых война — это история или увлекательный фильм. Но наш расколотый мир, наше тревожное время чреваты этой опасностью. И если придется защищать Родину, им, сегодняшним молодым, предстоит взять в руки оружие. Вот наш «Орленок» и готовят своих воспитанников к такой возможной ситуации. А это, уверяю вас, многое значит. Наши «трудные дети» поставлены в условия, которые неведомы иным старшеклассникам, даже занимающимся в спортивной секции. И условия эти им по душе. Они принимают их. За все годы существования клуба среди «орлят» — ни одного правонарушения, ни одного хулиганского поступка!

Вывод? Пожалуйста! Можно утверждать с полной гарантией: учащийся ПТУ, который становится «орленком», нами уже не будет потерян. Более того, он в совершенстве овладеет производственной профессией, приобретет военную профессию и — самое главное — вырастет патриотом. Ставя вопрос о таких новых, в живой практике найденных юношеских организациях, как «Орленок», надо под них подвести юридическую основу, выработать организационный статус, подобный статусу станций юных техников. С главной задачей: вовлечь в подобные организации, коли они будут созданы, как можно больше ребят из ПТУ. Но важно не перегнуть палку: попадать в эти новые клубы юноши и девушки должны в результате конкурентной борьбы, право быть их членами надо завоевывать. Только так! Иначе в погоне за количеством можно погубить дело.

— Здравствуйте, Клавдия Ивановна! Вам пишет ваш бывший ученик Сергей Лобов. Клавдия Ивановна! Сбылась моя мечта: я в десантных войсках. Еще в Донецке, как только все решилось в военкомате, хотел к вам зайти, попрощаться. Не успел. Не сердитесь, падно? Клавдия Ивановна, я вам очень благодарен. Если бы не вы... Не попал бы я в наше училище, не стал бы «орленком», не раскрылся бы надо мной парашют. Сейчас на моем счету восемьдесят три прыжка!

А сколько у меня здесь друзей! И какие ребята! Знаите, Клавдия Ивановна, если что, если над Родиной нависнет опасность, мы не подведем. Я еще буду писать вам. А вы отвечайте, падно?

Остайся ваш бывший ученик, десантник Сергей Лобов».

ЕВГ. БОГАТ. ЖИВИТЕ ПС

Не так давно в газетах промелькнула информация: Джон Асмус, специалист по лазерной технике из Калифорнийского университета, исследовал с помощью компьютера картину «Мона Лиза», выдвинул версию, что это автопортрет Леонардо да Винчи.

Несколько лет назад, не пользуясь услугами ЭВМ, Евгений Богат написал в одной из своих книг, что в Джоконде великий художник изобразил самого себя, и это настолько очевидно, что усомниться может только глупец...

Энциклопедически образованный человек, он знал и любил живопись, полагая, что именно живопись наиболее полно отражает жизнь людей в любую эпоху. Он мог бы посвятить жизнь изучению эпохи Возрождения. Но выбрал себе иную судьбу. Для большинства читателей он остался в памяти прежде всего страстным защитником Справедливости.

Ни в одном другом виде искусства духовная и нравственная жизнь народа не отражается так глубоко и полно, как в живописи. Что скажут потомки о нашей жизни, глядя на картины наших художников?

Каждый большой мастер ведет неравный бой с современностью, отстаивая вечное от временного, преходящего. Но если взглянуть глубже, то это бой не против современности, а за современность, как понимали ее Фидий, Рафаэль, Толстой...

Великие страсти и великие произведения рождаются великой неудовлетворенностью.

Ничто так глубоко не убеждает, как история человеческой жизни.

Думаю, в наши дни Фауст переживал бы еще более глубокую драму, ибо член ощущающее мотущество человека, тем острее он переживает и бессилье свое...

Бессмертие, если оно есть, в людях.

Любить прекрасно, но страшновато, если у человека нет за душой ничего, кроме любви к женщине.

Трагизм неразделенной любви в том, что невозможно понять, как это пропадут даром те сокровища, которые хочешь передать другому человеку и которых, как кажется тебе, достаточно для счастья, равного которому не было на земле.

Может быть, высшая ценность любви — в стремлении к недоступному.

Женщина прекрасна настолько, насколько щедра мужская душа.

Любовь обладает одним интересным свойством: она заставляет художника поэтизировать ее, даже когда он хочет отнести к ней иронически, заставляет находить в ней приметы величия, даже когда он хочет показать ее заурядной («Госпожа Бовари»).

Только истинно человеческое начало и может дать глубину и силу люб-

ливости. В семидесятые — начале восьмидесятых годов Богат был, бесспорно, первым пером в судебной очеристике. Более того, именно он и создал этот жанр — судебный очерк, и достиг в нем совершенства. Это психологический жанр — на грани литературы и публицистики, в котором на первое место вынесены не хитросплетения сюжета, не конкретные дела и конкретные судьбы, а размышления о нравственных истоках поведения человека, глубокие исследования причин преступления. В своих очерках он был одновременно прокурором, адвокатом и судьей, но над всем этим поднимался Богат-писатель, пропускающий через свое сердце боли чужих сердец.

Ему писали тысячи читателей, молили о спасении, просили помочь, а то и просто житейского совета. Богат был очень мужественным человеком. Каких только угроз ему не приходилось вы-

ви. И мужчины, не развивающие в женщине этого начала, обкрадывают сами себя.

В жизни не должно быть ничего лишнего, только то, что нужно для счастья.

Жизнь — это рукопись, в которой нельзя восстановить ни одной вычеркнутой фразы.

Наступает в жизни человека большой день, когда он убеждается в невозможности счастья. И говорит себе: счастья нет. И тогда большие души вместо счастья ставят долг — Тургенев, Чехов, — они внушают себе и окружающим людям: надо жить, не думая о счастье, которого нет и не может быть, и честно исполнить свой долг, мужественно нести свои обязанности, как бы они ни были тяжелы и постыды.

Другие, устав от треволнений и обманов жизни и чувствуя в себе огромный запас нерастраченных духовных сил, непонятых пошлой окружающей средой, воскликнут: «На свете счастья нет, но есть покой и воля!»

Они выше первых, потому что пушкинские строки прекрасно противоречивы: в них и отрижение счастья, и утверждение его.

Но есть и третий...

— Поступайте! Это — ложь! В жизни есть счастье!

Это можно воскликнуть или в ранней юности, или увидев всю кровь и грязь жизни... Горький. Островский.

Доверчивость к людям — одно из выражений уверенности в себе. Большинство недоверчивости у людей неуверенных.

В последнее время с особенной остrosостью чувствую неправду, пустых, лишних слов, кончи в избытке наполнена жизнь наша.

Искусство жить, может быть, стоит лишь в том, чтобы не превратить маленькие ошибки в большие.

1950-е годы

Может быть, самая интересная жизнь — жизнь незамечательных людей. В будущем создадут серию — ЖНЛ. Жизнь Незамечательных Лю-

О ЗАКОНАХ ВЕЧНОСТИ

луживать по телефону и читать в письмах от тех, против кого он направлял свое перо, но это только разжигало в нем страсть. Он никогда не отступал.

В одном из своих последних выступлений в «Литературной газете» Богат признался, что оставляет работу в жанре судебного очерка: устал. Борьба со злом выматывает бесконечно. Однако своего обещания он не сдержал — защищая справедливость, написал еще несколько судебных очерков. Потому что не мог молчать.

Мне повезло: я учился у Богата. В начале восьмидесятых при «Литературной газете» открылась студия молодых публицистов. Пройдя ступени конкурса, я попал в семинар Евгения Михайловича. Два года общения с Мастером — с этим не сравняться обучение ни в одном университете.

В прошлом году на вечере в ЦДЛ, посвященном памяти Евгения Михай-

ловича Богата (1921—1985 гг.), я услышал прочитанную кем-то из выступающих фразу из его блокнота, и она врезалась мне в память. «Человек должен жить по законам вечности, ибо он не вечен. Если бы он был вечен, то мог бы позволить себе роскошь жить по законам мгновения».

Богат знал, что жизнь мгновенна, потому и жил по законам вечности.

После его смерти осталось не много исписанных блокнотов: он почти не делал записей. Свои очерки — от начала и до конца — он диктовал и потом уже практически ничего не правил. Такой у него был склад ума.

В предлагаемой подборке — мысли Евг. Богата о нравственности и о любви. Это нельзя читать торопливо, быстро. Каждая фраза требует спокойного осмысливания.

Юрий РАГОЗИН

дей. И вот когда в этой серии начнут выходить том за томом, мы и поймем, что людей незамечательных нет.

Не было эпохи, когда не было бы универсальных людей. Человек универсален изначально как человек. Если бы мы верили в бога, то добавили бы: человек универсален как замысел о человеке.

Судить людей надо или по абсолютным нравственным нормам или по нормам времени, в котором они живут. Но не по нормам времени, когда живем мы.

Любое возрождение — это возрождение человеческого в человеке. Но разве это человеческое когда-либо умирало, чтобы нужно было его возрождать? Оно не умирало — оно отчуждалось, оно было и его не было.

Личность означает не нечто единичное, но нечто единственное.

Я думаю, что не случайно во все века люди мудрецам поклонялись больше, чем мыслителям. Мыслитель рождает новые идеи, которые, бесспорно, участвуют в переустройстве мира. Мудрец непосредственно переделывает, переустраивает жизнь в согласии с тем, как понимает смысл человеческой жизни. Философ ищет этот смысл, и сам его поиск бесконечно ценен, хотя иногда не увенчивается успехом. Мудрец находит этот смысл, не мудрствуя, а тихо, скромно осушая болота.

Можно осилить и законспектировать сотни книг мудрецов и мудрецом не стать. И, не раскрыв в жизни ни одной, жить мудро. Жить мудро. Понимать цену вещам и событиям. Мудрость — понимание истинной и некистинной ценности.

Чувство вины говорит об особой структуре души, это особый дар — человеку кажется, что он дал миру, одарил его меньше, чем мог. Это дар — сосредоточенности не на себе, а на мире, который ты улучшил меньше, чем это было в твоих силах, что-то зарыл в землю, не выявил, не вернул людям сторицей.

Философский образ жизни — это, наверное, в первую очередь высокая мера взыскательности к себе самому

ловича Богата (1921—1985 гг.), я услышал прочитанную кем-то из выступающих фразу из его блокнота, и она врезалась мне в память. «Человек должен жить по законам вечности, ибо он не вечен. Если бы он был вечен, то мог бы позволить себе роскошь жить по законам мгновения».

Богат знал, что жизнь мгновенна, потому и жил по законам вечности.

После его смерти осталось не много исписанных блокнотов: он почти не делал записей. Свои очерки — от начала и до конца — он диктовал и потом уже практически ничего не правил. Такой у него был склад ума.

В предлагаемой подборке — мысли Евг. Богата о нравственности и о любви. Это нельзя читать торопливо, быстро. Каждая фраза требует спокойного осмысливания.

Юрий РАГОЗИН

и какая-то естественная, непоказная несуетность. Это отсутствие «бегающего» взгляда на обстоятельства и вещи. Это понимание того, что жалеть себя, может быть, самое постыдное для человека чувства и дела. Это понимание — полуправда, которой мы порой тешим нашу совесть, страшнее лжи...

Особенность нравственных истин в том, что открыть и понять их гораздо легче, чем жить по ним. Вторая особенность нравственных истин: если человек думал и страдал сам — то открытие того, что было открыто раньше, все-таки нужно, — это не «изобретение велосипеда», это подлинное открытие.

Ум и сердце с веками менялись. Сердце становилось все более синтетическим, а ум все более аналитическим.

Все великое входит в жизнь бесшумно, точно стыдясь себя самого.

Развитие и обогащение стилей — это развитие и обогащение духовной жизни поколений, веков. Сопоставляют капители колонн, формы барельефов, появление пейзажей и настурмортов и т. д. А за всем этим нечто более существенное: перестановка, изменение частей человеческой души, обогащение ее или обеднение, то есть если стиль как понимание системы художественной выразительности в тех или иных искусствах — Зеркало, то духовная жизнь людей, меняющих стили, — Зазеркалье. Стол перед Зеркалом, будем думать о Зазеркалье.

Стили в искусстве меняются по мере изменения духовной жизни личности.

Энциклопедизм — уютен. Даже читая о Дидро, чувствуешь уют парижских салонов, увлекательных бесед, очаровательного общения с умными женщинами. Универсализм — неуютен, это сам неуют, это распахнутость во Вселенную, это Рильке, закрывающий собой амбразуру, через которую должны ворваться в нашу обыденность кометы и, может быть, даже созвездия. Универсализм — трагичен. Любой универсальный человек бросает вызов миру.

Пожалуй, одно из самых трагических несовершенств — несовершенство человека.

Сократ догадывался о трагической возможности отчуждения сил, заложенных, но не раскрытых в человеке. Может быть, его и казнили именно потому, что торжество сократовской мудрости вело к иному типу цивилизации, цивилизации как развитию духовных сил в человеке. Прадеды и деды будущих ученых поднесли чащу цикуты мудрецу, который понимал всю трагичность торжества науки. Потом ученых посыпали на костер. С Сократом поступили более милосердно. Может быть, не будь этой чаши цикуты, сегодня бы и не было «термоядерной ситуации», в этой чаше были, когда он ее выпил, все гиросимы и нагасаки будущих тысячелетий.

Чувство опасности лишь в ситуации известного комфорта содействует проявлению характеров и страсти, оптимальных для развития искусства, то есть переплавляет характеры и страсти в художественные общечеловеческие ценности. Повседневные казни, четвертования, вакханалия заговоров и убийств исключают из жизни условия, необходимые для творческого самовыявления личности.

Сегодня существует не коллективный психоз, как во времена «охоты за ведьмами», а манипуляция психикой, что носит не трагический, а трагикомический характер. Мы закрыты друг для друга в обществе, но открыты настежь для действий извне!

Надо ввести науку в систему большой культуры, что повысит чувство нравственной ответственности.

Вопрос о смысле жизни из академического стал «кровоточащим», перекочевал с кафедр в сердца. Образ человека несводим к книгам, системам, формулам, открытиям, он несравненно богаче и разнообразнее. Он несводим к музеям, даже если это Эрмитаж, он несводим к книгам, даже если это книги Льва Толстого, он несводим к формулам, даже если это формулы Эйнштейна, и к открытиям Коперника. Он — вечно развивающаяся совокупность с миром, таинственное целое, не охватываемое мыслью, и лишь иногда — чувствами. Это именно тот абсолют, «сообщаемость» с которым сообщает отдельной личности ощущение смысла жизни. Ни в одну эпоху человечество не понимало себя столь хорошо в минувших воках и столь мало в возрасте сегодняшнем. Бахтин, наверное, понимает Рабле лучше, чем современники Рабле понимали его романы. И Гамлет понят глубже, чем понимали его зрители Глобуса. И античный мир осознан Андрэ Бонаром, автором трехтомного исследования «Греческая цивилизация», лучше, чем эта цивилизация осознавала себя... И никогда — при этом великолепном ретроспективном постижении — человечество не разбиралось в себе столь же растерянно, неполно и неточно, как сегодня. Странный

возраст: поток воспоминаний, осознаваемых с ослепительной четкостью, накануне или в момент... чего?! А может быть, «orgia» современной цивилизации обещает рождение не «локальной» (как бывало раньше), а мировой, единой (как не бывало никогда) культуры? И в этом играет известную роль наше «повседневное поведение».

...Одна из интересных ошибок сегодняшнего сознания в том, что оно видит современный мир как совершенно новый. Никогда еще в мире не рождалось настолько мало новизны — в высшем, творческом понимании новизны, как сегодня. Идет лишь передвижение и перераспределение «частей».

Открытие атомной энергии изменило картину войны и мира, подобно тому, как изменило ее некогда изобретение пороха. Любопытно, что порох первоначально служил увеселением — для фейерверка! — и только потом стал оружием. Может быть, атомная энергия, начав с оружия — с бомбы, — тоже кончит неслыханными увеселениями?..

Думал о Паскале. Бывают эпохи, когда порядочный человек равен универсальному человеку.

Путь Паскаля — путь к порядочному человеку в наивысшем нравственном смысле этого понятия. Почему в человеке — существе несовершенном и конечном — живет чувство совершенства и бесконечности? Тут даже существует некая парадоксальная на первый взгляд зависимость: чем сильнее чувство бесконечности и совершенства, тем явственнее и понимание собственного несовершенства и собственной конечности. В редкие минуты озарения перед великими полотнами и статуями античности собственное «я» замирает и тушуется, как бы растворяясь в чем-то надличном, чтобы потом опять с еще большей настойчивостью напомнить о «личном».

Человек может вдруг вспомнить все — в миг величайшего подъема духа и радости или в миг, когда его жизнь вдруг угрожает опасность, в последний миг. Он может вспомнить все перед восхождением и перед восхождением, перед высшим бытием и перед небытием. Два синтеза. Один, условно говоря, оптимистический, второй — пессимистический. Ощущение огромного богатства: в момент творчества новых форм бытия и в момент разрушения всех форм и самого бытия.

Может быть, электронно-вычислительные машины — аналог египетских мумий: они тоже рождены мечтой о бессмертии.

Жизнь человеческой души начиналась в мифах, возможно, мифами она и завершится, когда погаснет солнце. О чём будут последние мифы?..

1970—1980-е годы

Публикация
Ирины БОГАТ.

B

аляется на диване платье. Материя, не более того. Но, надевая его на себя, мы приобретаем своего рода вторую кожу. И она с нами: она часть нас, она имеет отношение к нашей духовной сути.

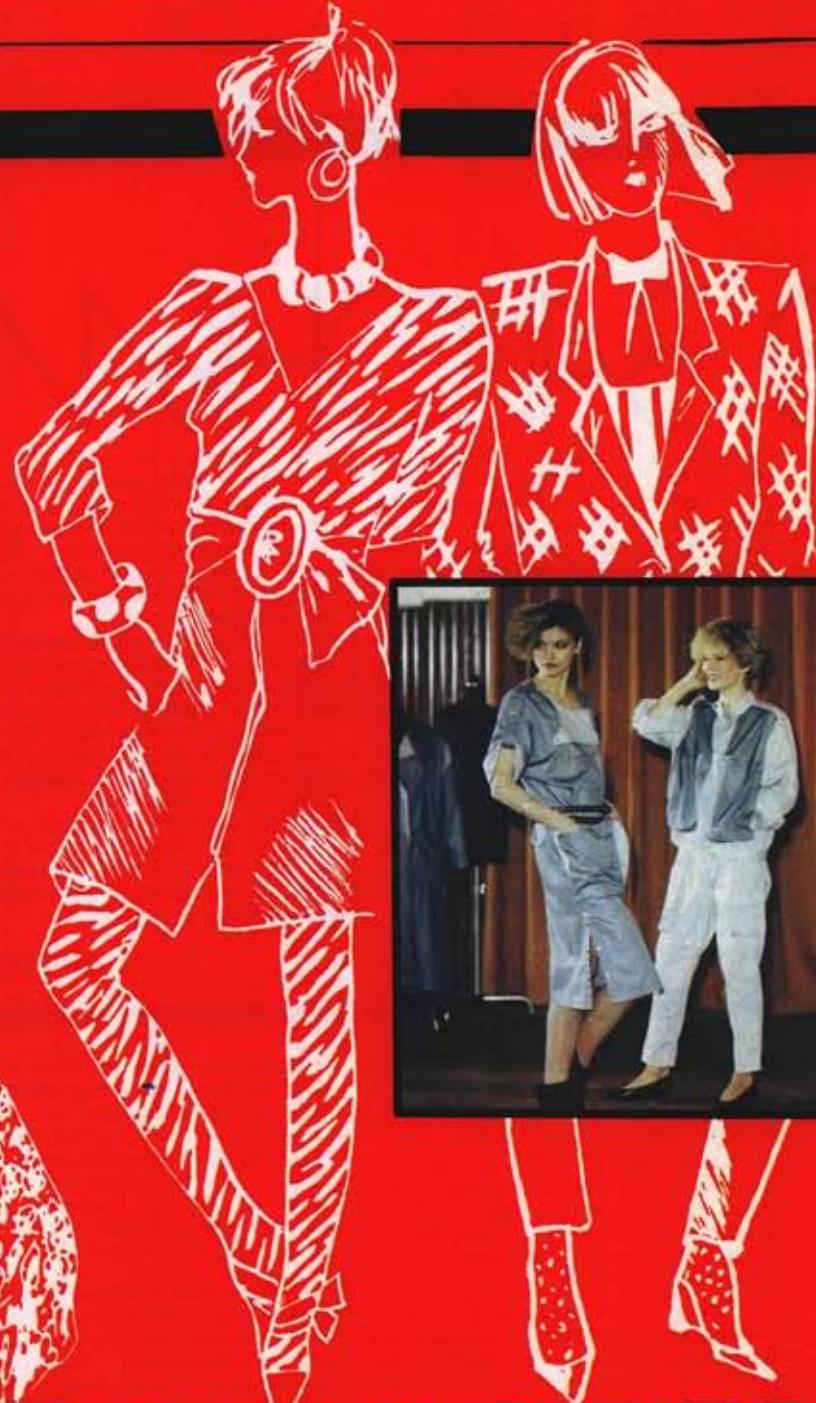
Здесь нет никакого фокуса, никакой магии. Просто мы сами своим выбором, своим отношением к той или иной вещи придаём ей смысл, значение и цену, которых она, сама по себе, возможно, не имеет. Заявляя о своих привязанностях, аскусах, отношениях с другими людьми, мы и на вещи распространяем свойства собственной личности.

Конечно, одежда создается не только для защиты от зноя и стужи, а часто единственно красоты ради, и это может быть главным ее назначением — сделать нас наряднее, красивее. Но вот вопрос: в какой ситуации — красивее? С какой целью — наряднее? Один вариант нарядного платья — для танцевального вечера, дискотеки, и совсем другой — для театральной премьеры. А свадьба? Свадебное платье — совершенно особый стиль, связанный с традициями, обрядом. Выпускное платье школьницы отличается от платья невесты и от комплекта для дискотеки. Все эти отличия могут показаться малосущественными, но именно они особенно важны — в моде оттенки значат чрезвычайно много.

Так, свадебное платье у нас тради-

солнечный, радостный цвет — считают цветом измены и даже... стыда и почему именно с зеленым нередко связывают надежды и больше того — оптимизм... Как бы то ни было, символика цвета в костюме существует, люди считаются с ней. Поэтому, если свадебное платье с учетом этой символики должно быть белым или красным, то другие варианты праздничных, торжественных и нарядных платьев непременно должны отличаться от свадебного. Представьте себе живой, интригующий мир дискотеки и попробуйте — хотя бы мысленно — вписать в него девушки в платье, напоминающее свадебное. Она будет выглядеть нелепейшим образом.

Одно время было принято делать нарядным, белым и платье для выпускного вечера, пока один мудрый человек не догадался спросить: что, разве это бал невест? А ведь и правда — аттестат зрелости не имеет ничего общего со свидетельством

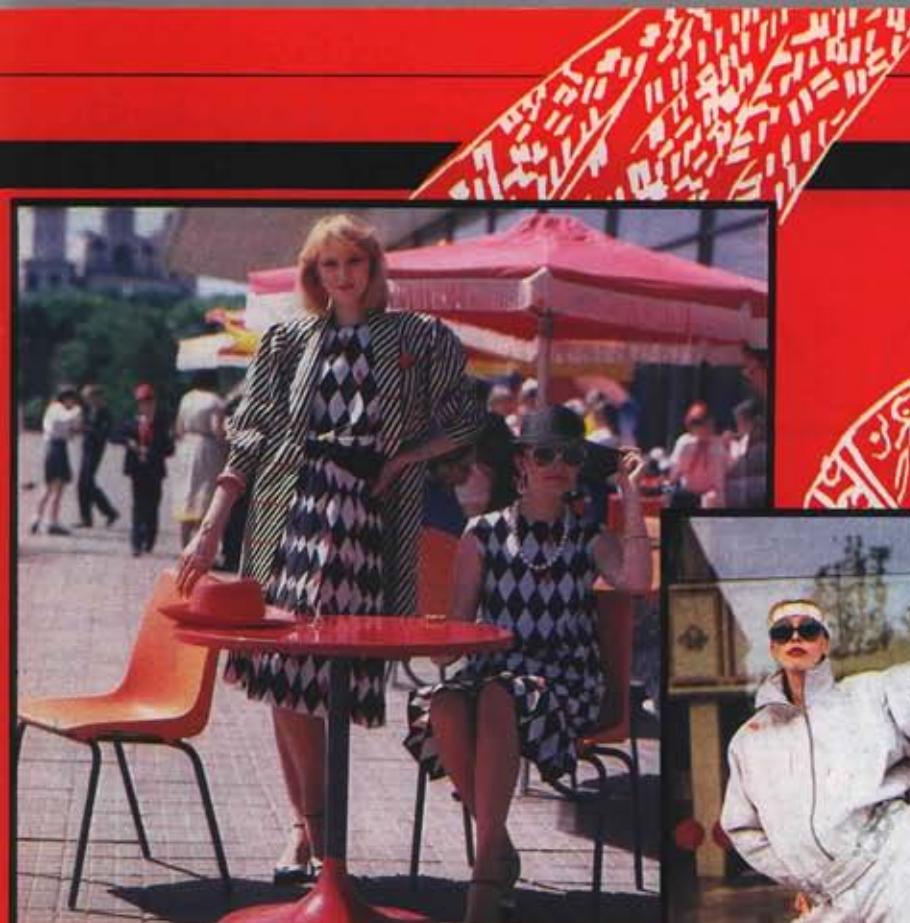
ВСТРЕЧАЮТ ПО

ционно белое — считается, что белый цвет символизирует нравственную чистоту, духовное начало, даже доброту. Но такие ассоциации возникают в связи с белым цветом далеко не у всех народов: в Индии, например, белый — цвет траура. Значит, эти представления в достаточной мере условны. Если еще как-то можно объяснить, почему с черным цветом мы связываем представления о скорби, зле, то вряд ли найдешь объяснения тому, почему с черным ассоциируют и материальное начало. Красный — цвет крови, должно быть, по этой причине символизирует жизнь, любовь, революционную борьбу. Но вряд ли кто сможет убедительно объяснить, почему желтый —

о браке и вечер выпускников — совсем иное действие, нежели свадьба.

Позже обнаружилась другая крайность: девочкам по случаю окончания школы родители стали шить солидные «дамские» туалеты, которые призваны были свидетельствовать скорее не о хорошем вкусе, а о том, что «им для детей ничего не жалко». Конечно, девочки стали взрослыми, окончили школу, но это не значит, что они должны одеваться так же, как их мамы. Опять нюансы, опять оттенки, которые отличают одно нарядное платье от другого, тоже нарядного. Эти отличия связаны с разницей в назначении того или другого платья и становятся конкретными, вполне определенными, стоит только сравнить ситуации, на которые они рассчитаны. Чем, по нашему мнению, должны отличаться платье для выпускного бала и платье для дискотеки? Мерой нарядности, ответите вы и будете правы, но только отчасти. Все дело в характере этой нарядности. На выпускном вечере, в присутствии учителей и родителей вы должны быть одеты строго-празднично, чутьок торжественно и в какой-то степени считаться с тем, что вы находитесь в официальном месте — в актовом зале школы. Есть много того, чего вы не можете себе позволить — глубокого выреза, каких-либо шокирующих отделок,

любие, талант — позволят тебе занять среди сверстников то место, на которое ты претендуешь. Чисто утилитарная функция — удобство, например, или немаркость одежды — тут нередко отходит на второй план.

Форменная одежда, какую носят продавцы, стюардессы, железнодорожники и так далее, служит своего рода опознавательным знаком, выделяет специалистов из толпы — иначе не найдешь нужного тебе человека. Тут опять-таки совершенно сознательно уходят от индивидуальной характеристики личности. И личность проявляет себя — должна, во всяком случае, проявлять — только с профессиональных позиций. Форма как бы обязывает продавца быть внимательным с покупателем, и тот вправе требовать от продавца соответствия его профессии. Очевидно, поэтому так нелепо выглядит про-

Фото Эдуарда Краштошевского
и Сергея Коноплиной

давница, когда носит излишне много украшений, гримируется сверх меры. Она нередко забывает об общественной функции своей профессии. И у покупателя к ней меньше доверия: он не рассчитывает на внимание к своим будничным, прозаическим просьбам.

Как видите, сложна и многозначна наша одежда. Сколько разных обстоятельств приходится учитывать человеку, выбиравшему нужный костюм! С вопросом, какого человека можно считать хорошо одетым, часто обращаются к художникам, специалистам по костюму. Пьер Карден ответил на этот вопрос так:

— Хорошо одетым можно считать человека, который считается с собой и с другими...

украшении, излишне ярких красок, броского макияжа. Даже брюки могут оказаться под сомнением.

Для танцевального вечера в дискотеке ваш наряд, напротив, должен быть эффектным, выделяющимся — иначе вы рискуете весь вечер простоять у стекла, вас никто не заметит и не пригласит танцевать. Рисунок современного танца читается лучше, и двигаться вам будет удобнее, если вы будете в брюках или платье, которое подчеркнет достоинства вашей фигуры, подаст ее в выигрышном свете.

Мы все заняты делом — кто учится, кто работает, и после трудов праведных у нас чаще всего не бывает возможности переодеться, чтобы потом в более нарядном виде пойти в театр или в гости. Мы выбираем

КОСТЮМУ

Лидия ОРЛОВА,
главный редактор
«Журнала мод»

некий промежуточный, средний вариант: одеваемся на работу в меру нарядно, чтобы выглядеть более или менее уместно в деловой обстановке, и идем в театр слегка принадлежащими, не слишком деловыми. Достигается это порой самыми простыми средствами — за счет красивого шарфа или модных бус, кружевного воротника с брошью или букетика цветов на лацкане пиджака. Небольшие акценты — и платье из скромно-бумажного становится оживленно-нарядным. Акценты! Именно за счет умелой расстановки акцентов достигается максимальное соответствие одежды конкретной житейской ситуации.

Как важно знать назначение той или иной вещи и уметь использовать ее именно в той ситуации, для которой она создавалась. Тут есть случаи очевидные: вряд ли кому придет в голову ходить по улицам в купальном костюме, ночной сорочке или домашнем халатике. Но нередко мы можем встретить на улицах людей в тренировочных костюмах, которые можно носить разве только на стадионе или дома, ведь для этого — и только для этого! — они предназначены.

Еще более распространенной ошибкой является случайное сочетание в одном ансамбле вещей разного назначения — нарядное пальто и кроссовки, спортивная куртка поверх вечернего платья, праздничные, дорогие украшения на скромном деловом свитере и т. д.

Каждая новая мода дает возможность человеку оказаться на авансцене, на виду у всех. Если ты способен сыграть эту роль — пробуй. Возможно, это даст повод утвердить себя в качестве незаурядной, своеобразной личности. Но только не всякий выдержит это испытание. Свет юпитеров моды, как всякий яркий свет, легко обнажит все, чем ты обладаешь на деле, ибо мы судим о человеке по костюму только в самый первый момент. Потом жизнь начинает нас сбрасывать с другой информацией: мы видим поступки человека, узнаем о ходе его мыслей, перед нами обнажаются его нравственные качества, свойства его души.

Казалось бы, ненадежный это способ — оценивать человека по тому, как он одет. И все же очень часто мы бываем правы в своих первых впечатлениях!

В свое время общественный вкус был возмущен мини-юбками. Сколько вызывали они негодования у тех, кто считал себя хранителем нравственности, блюстителем строгой морали! Но сами по себе юбки, короткие или длинные, не имеют отношения к нравственности, мода — лишь форма, в которой могут проявляться те или иные отношения между людьми. Вольно или невольно люди используют одежду, к примеру, для выражения своих даже тщательно скрываемых сексуальных интересов. Специалисты моды и психологи называют это явление «эксплуатацией зонной зоны». Почти два столетия женщины носили глубокие декольте. И — пусть не удивляются строгие приверженцы морали — тем, кто осмеливался, например, являться в берлинскую оперу в недостаточно открытом платье, специальные служащие ножницами вырезали его так, чтобы декольте приобрело санкционированный общественной традиции размер.

Не меньшее возмущение вызывало каждое новое появление в моде женских брюк. Когда лет десять назад (намного позже, чем предложил это Андрэ Курреж) брюки появились у нас, с ними боролись не менее рьяно, чем с мини-юбками, хотя они ничего не обнажали.

Самая нейтральная одежда — форменная одежда. Она отказывает человеку в индивидуальности, делает его одинаковым с теми, кто связан с ним определенной, общей работой. Одинаковым и равным со всеми. В этом в какой-то степени и преимущество школьной формы. Ты не имеешь возможности выделяться с помощью какого-то особенного, возможно, недоступного другим костюма. Только твои личные качества — ум, работоспособность, воля, трудо-

ВЛАДИМИР ВЫСОЦКИЙ

В ПЕРВЫЕ

Космонавт

Ю. Гагарину

Я первый смерил жизнь
обратным счетом,
Я буду беспристрастен и правдив:
Сначала кожа выстрелила потом
И задымилась, поры разрядив.

Я затаился и затих. Я замер.
Мне показалось — я вернулся вдруг
В бездушные безвоздушных
барокамер
И в замкнутые петли центрифуг.

Сейчас я стану недвижим
и гружен,
И погружен в молчанье, а пока
Мехи и горны всех газетных кузен
Раздуют это дело на века.

Хлестнула память, как кнутом,
по нервам,
В ней каждый образ был неповторим:
Вот мой дублер,
который мог быть первым,
Который смог впервые стать вторым.

Пока что на него не трята шрифты:
Запас заглавных букв — на одного.
Мы вместе с ним прошли
весь путь до лифта,
Но дальше я поднялся без него.

Вот тот, который прочертит орбиту,
При мне его в лицо не знал никто.
Все мыслимое было им открыто
И брошено горстями в решето.

И словно из-за дымовой завесы
Друзей явились лица и семьи.
Они все скоро на страницах прессы
Расскажут биографии свои.

Их всех, с кем вел
я доброе соседство,
Свидетелями выведут на суд.
Обычное мое босое детство
Обут и в скрижали занесут.

Чудное слово «Пуск!» —
подобье вопля —
Возникло и нависло надо мной.
Недобро, глухо заворчали сопла
И сплюнули расплавленной слюной.

И пламя мыслей вихрем чувств задулось,
И я не смел или забыл дышать.
Планета напоследок притянула,
Прижала, не желая отпускать.

И килограммы превратились в тонны,
Глаза, казалось, вышли из орбит,
И правый глаз впервые удивленно
Взглянул на левый, веком не прикрыт.

Мне рот заткнул — не помню —
крик ли? кляп ли?
Я рос из кресла, как с корнями пень.
Вот сожрала все топливо до капли
И отвалилась первая ступень.

Там подо мной сирены голосили,
Не знаю — хороня или храня,
А здесь надсадно двигатели взывали
И из объятий вырвали меня.

Приборы на земле угомонились,
Вновь чередом своим пошла весна,
Глаза мои на место возвратились,
Исчезли перегрузки. Тишина.

Эксперимент вошел в другую фазу —
Пульс начал реже в датчике стучать.
Я в ночь влетел, минута вечер, сразу —
И получил команду отдохнуть.

Я шлем скафандра
положил на локоть,
Изрек про самочувствие свое,
Пришла такая приторная легкость.
Что даже затошнило от нее.

Шнур микрофона
словно в петлю свился,
Стучали в ребра легкие, звеня.
Я на мгновенье
сердцем подавился,—
Оно застрыло в горле у меня.

Я отдал рапорт весело, на совесть,
Разборчиво и очень делово.
Я думал: вот она и невесомость,
Я вешу нуль — так мало, ничего!..

И стало тесно голосам в эфире,
Но Левитан ворвался,
как в спортзал,
И я узнал, что я впервые в мире
В Историю «Поехали!» сказал.

Штормит весь вечер

Штормит весь вечер, и пока заплаты пенные латают
Разорванные швы песка,
Я наблюдаю свысока, как волны головы ломают,
И я сочувствую слегка погибшим им издалека.

Ах, гривы белые судьбы, пред смертью словно хороша.
По зову боевой трубы взлетают волны на дыбы.
Ломают выгнутые шеи,
И я сочувствую слегка погибшим им издалека.

Я слышу хрип, и смертный стон, и ярость, что не уцелели.
Еще бы, взять такой разгон, набраться сил, пробить заслон...
И голову сломать у цели.
И мы сочувствуем слегка погибшим им издалека.

А ветер снова в гребни бьет и гривы пенные ерошит,
Волна барьера не возьмет, ей кто-то ноги подсечет,—
И рухнет взмыленная лошадь.
И посочувствуют слегка погибшей ей издалека.

Так многие сидят в веях на берегах и наблюдают
Внимательно и зорко, как другие рядом на камнях
Хребты и головы ломают.
Они сочувствуют слегка погибшим, но издалека.

Придет и мой черед вослед, мне дуют в спину, гонят к краю,
В душе предчувствие, как бред, что надломлю себе хребет
И тоже голову сломаю.
Мне посочувствуют слегка погибшему издалека.

Благодать или благословение

Благодать или благословение
Ниспошли на подручных своих.
Дай нам, бог, совершил омовение,
Окунаясь в святая святых.

Все пороки, грехи и печали,
Равнодушье, согласие и спор,
Пар, который вот только наддали,
Вышибает, как пули, из пор.

То, что мучит тебя, испарится
И поднимется вверх к небесам,
Ты же, очистившись, должен спуститься,
Пар с грехами расправится сам.

Не стремись прежде времени к душу.
Не равняй с очищением мытье —.
Надо выпороть веником душу,
Нужно выпарить смрад из нее.

Исцеление от язвы уродства —
Это душ из живительных вод,
Это словно возврат первородства,
Или нет — осущене болот.

Как у Волги иволга...

Как у Волги иволга, как у Волги таволга,
Обожгло крапивою, вспомнилось недавнее;
Как тебя, счастливую, вел по лугу за руку,
Подпевая иволге, обрывая таволгу.

Вспомнил я над берегом домик тот с усадьбою.
Отчего ж не бережно берегли, что найдено?
Неужели нами же это было найдено,
И неужели нами же это все раскрадено?

Где ж ты, лето красное, где ж вы, ночи быстрые?
Осень зреет астрами, обсыпает листьями.
Осень вновь ненастная, да и ты неласкова,
И как будто мыслями не со мной, а с листьями.

Поле взмокло ливнями, почерствело травами,
Реже слышу иволгу, и завяла таволга,
Это все недавнее или все старинное,
Как у Волги таволга, как у Волги иволга?

Революция в Тюмени

В нас вера есть и не в одних богов,
Нам нефть из недр не поднесут на блюдце.
Освобожденье от земных оков —
Есть цель несоциальных революций.

В болото входит бур, как в масло нож.
Владыка тьмы, мы примем отреченье!
Земле мы кровь пускаем — ну и что ж,
А это ей приносит облегченье.

Под визг лебедок и под вой сирен
Мы ждем, мы не созрели для оваций,
Но близок час великих перемен
И революционных ситуаций!

В борьбе у нас нет классовых врагов —
Лишь гул подземных нефтяных течений,
Но есть сопротивление пластов,
А также ломка старых представлений.

Пока здесь вышки, как бамбук, росли,
Мы вдруг познали истину простую,—
Что мы нашли не нефть, а соль земли
И раскусили эту соль земную.

Болит кора земли, и пульс возрос,
Боль нестерпима, силы на исходе.
И нефть в утробе призывает «СОС!»,
Вся исходя тоскою по свободе.

Мы разглядели, различили боль
Сквозь меди блеск и через запах розы.
Ведь это не поваренная соль,
А это человечьи пот и слезы.

Пробились буры, бездну вскрыл алмаз,
И нефть из скважин бьет фонтаном мысли,—
Становится энергию масс
В прямом и тоже переносном смысле.

Угар победы, пламя не угрохь
И ритма не глухи копытный дробот.
Излишки нефти стравливали в Обь,
Пока не проложили нефтепровод.

Но что поделать, если льет из жерл
Мощнее всех источников овечьих?
И что за революция без жертв,
К тому же здесь еще — без человечьих?

Пусть скажут, что сужу я с кондакча,
Но мысль меня такая поразила:
То, что сегодня строим на века,—
В Тюмени подтвержденье получило.

И пусть мои стихи верны на треть,
Пусть уличен я в слабом разуменье,—
Но нефть — свободна. Не могу не петь
Про эту революцию в Тюмени.

Становись моряком

Вы в огне да и в море вовеки не същете брова,
Мы не ждали его — не за легкой добычей пошли.
Провожая закат, мы живем ожиданьем восхода
И, влюбленные в море, живем ожиданьем земли.

Помниши детские сны о походах Великой Армады?
Абордажи, бои, паруса и под ложечкой ком?
Все сбылось: «Становись, становись!» —

раздаются команды,

Это требует море — скорей становись моряком.

Наверху впереди злее ветры, багровее зори.
Правда сверху видней, впереди же — исход и земля.
Вы матросские робы, кровавые ваши мозоли
Не забудьте, ребята, когда-то надев кителя.

По сигналу «Пошел!» ожидают продрогшие реи,
Горизонт опрокинулся, мачты упали ничком.
Становись, становись, становись человеком скорее,—
Это значит на море — скорей становись моряком.

Поднимаемся к небу по вантам, как будто по вехам,
Там и ветер живой, он кричит, а не шепчет тайком:
— Становись, становись, становись человеком! —
Это значит на море — скорей становись моряком.

Чтоб отсутствием долгим нас близкие не попрекали,
Не грубейте душой и не будьте покорны судьбе.
Оставайтесь, ребята, людьми, становясь моряками,
Становясь капитаном, храните матроса в себе.

Прошла пора вступлений и прелюдий

Прошла пора вступлений и прелюдий,
Все хорошо, не вру, без дураков.
Меня к себе зовут большие люди.
Чтоб я им пел «Охоту на волков».

Быть может, запись слышал из окон,
А может быть, с детьми ухи не сваришь,
Как знать, но приобрел магнитофон
Какой-нибудь ответственный товарищ.

И предаваясь утрешней беседе
В кругу семьи, где свет торшера тускл,
Тихонько, чтоб не слышали соседи,
Он взял да и нажал на кнопку «пуск».

И там, не разобрав последних слов —
Прескверный дубль достали на работе,—
Услышал он «Охоту на волков»
И кое-что еще на обороте.

И все прослушав до последней ноты
И разозлись, что слов последних нет,
Он поднял трубку: «Автора «Охоты»
Ко мне пришлите завтра в кабинет».

Я не хлебнул для храбрости винца
И, подавляя частую икоту,
С порога от начала до конца
Я проорал ту самую «Охоту».

Его просили дети, безусловно,
Чтобы была улыбка на лице,
Но он меня прослушал благосклонно
И даже аплодировал в конце.

И об стакан бутылко звения,
Которую извлек из книжной полки,
Он выпалил: «Да это ж про меня,
Про нас про всех, какие, к черту, волки?»

Ну все, теперь, конечно, что-то будет,
Уже три года в день по пять звонков —
Меня к себе зовут большие люди,
Чтоб я им пел «Охоту на волков».

Будут и стихи, и математика

Будут и стихи, и математика.
Почести, долги, неравный бой.
Нынче ж оловянные солдатики
Здесь, на старой карте, стали в строй.

Лучше бы уж он держал в казарме их,
Но ведь на войне, как на войне —
Падают бойцы в обеих армиях
Поровну на каждой стороне.

Может быть, пробелы в воспитании
И в образованы слабина,—
Но не может выиграть кампани
Та или другая сторона.

Совести проблемы окаянные,
Как перед собой не согрешить?
Тут и там солдаты оловянные,
Как решить, кто должен победить.

И какая, к дьяволу, стратегия,
И какая тактика, к чертям?
Вот сдалась нейтральная Норвегия
Ордам оловянных египтян.

Левою рукою Скандинавия
Лишена престижа своего,
Но рука решительная правая
Вмог восстановила статус-кво.
Где вы, легкомысленные гении,
Или вам являться недуг?
Где вы, проигравшие сражения
Просто, не испытывая мук?

Или вы, несущие в венце зарю
Битв, побед, триумфов и могил,
Где вы, уподобленные Цезарю,
Кто пришел, увидел, победил?
Сколько б ни предпринимали армии
Контратак, прорывов и бросков,—
Все равно на каждом полуширии
Поровну игрушечных бойцов.

Мучается полководец маленький,
Непосильной ношей отягчен.
Вышедший в громадные начальники
Шестилетний мой Наполеон.

Чтобы прекратить его мучения,
Ровно половину тех солдат
Я покрасил в синий — шутка гения.
Утром вижу — синие лежат.

Счастлив я успехами такими, но
Мысль одна с тех пор меня гнетет:
Как решил он, чтоб погибли именно
Синие, а не наоборот.

Здесь нет голых, стесняться не надо,
Что кривая рука да нога,
Здесь подобие райского сада,
Пропуск всем, кто раздет донага.

И в предбаннике сбросивши вещи,
Всю одетость свою позабудь.
Однаково веничик хлещет,
Так что зря не выпячивай грудь.

Все равны здесь, с единственным богатством
Все легко переносят жару.
Здесь свободу и равенство с братством
Ощущаешь в кромешном пару.

Загоняй поколение в парную
И крещенье принять убеди.
Лей на нас свою воду святую
И от варварства освободи.

Благодать или благословение
Ниспошли на подручных своих.
Дай нам, бог, совершил омовение.
Окунаясь в святая святых.

Александр КОБЕЦ

СОГЛАСНО ЦЕРЕМОНИИ

Тихий субботний день. Куранты на Спасской башне Кремля отсчитывают четыре удара. Рядом с чугунной оградой Александровского сада и на площади перед въездом в Исторический проезд припаркованы десятки легковых автомобилей. Прибывают все новые и новые, вереница их тянется уже вдоль сада к Манежу. Радиатор каждой машины пересекает трехцветная лента — непременный атрибут современных свадебных «карат». На крышах некоторых из них

укреплены по два спаянных обручальных кольца, внутри — колокольчики.

Из машин выходят молодожены. Горделивые, смелые взгляды, ослепительные улыбки, уверенная поступь. Двигаются они все в одном направлении — к Вечному огню на могиле Неизвестного солдата.

— Ну что, пойдем возлагать? — слышу рядом чей-то бодрый голос. Обращаюсь и вижу элегантного молодого человека с букетом гвоздик. Юная подруга жизни, смеясь, подхватывает его под руку, и они вместе со свитой друзей и родственников весело направляются к кремлевской стене.

А там, рядом с мраморным надгробием безвестного воина, приглушенно гудит толпа людей, пребывающих в радостно-возбужденном настроении. Шмыгают деловитые фотографы, ищут и находят себе новых клиентов. Одна за другой пары женихов и невест проходят к Вечному огню, укладывают в ряд букетики и позируют перед фотообъективами.

Выбравшись из толпы, догоняю чету, которая уже сфотографировалась и готовится занять места в свадебной «Чайке». Поздравив молодоженов и показав им свое корреспондентское удостоверение, объясняю, что провожу опрос для написания заметок о современных обрядах.

Бюро проката свадебных автомобилей предоставляет возможность совершить свадебное мини-путешествие на смотровую площадку на Ленинских горах, промчаться по Калининскому или полюбоваться другими районами столицы. Почему вы выбрали именно этот маршрут? — задаю первый вопрос.

— Не знаю... — пожимает гипюровыми плечами невеста. — Все почему-то записывались сюда, ну и мы тоже...

— Да что тут непонятного! — вмешивается новоиспеченный глава семьи. — Святое дело!

Заняв позицию у ворот Александровского сада, поджидаю следующую пару. Знакомимся. Виктор и Нина — водитель троллейбуса и бухгалтер.

— Ребята, в каком году был сооружен этот мемориальный комплекс? — спрашиваю их.

— Не помним... Вроде перед Московской Олимпиадой.

— А из ваших родственников кто-нибудь воевал?

— Мой дедушка был ранен под Курском, — с гордостью сообщает Нина.

— В доме у вас, наверное, хранятся какие-нибудь реликвии, связанные с его фронтовым прошлым? Солдатские письма-треугольники, пилотка, медали...?

— Нет, ничего не сохранилось...

Очередную супружескую чету остановить оказывается не так-то просто. Невеста с надменным видом разрезает толпу, словно линкор, за ней едва успевает сумрачный, бледный избранник. Оба высоки, стройны, сухощавы. Туалет девушки производит на окружающих сильное впечатление. Белое платье невесты, отороченное белоснежным, ослепительно сверкающим на солнце мехом, стелется по земле. Голову венчает крошечная изящная шляпка.

— Извините, молодые люди, один вопрос для молодежного издания!

— Интервью даем только для ЮПИ, — холодно бросает невеста, не сбавляя шага.

— Ответьте, пожалуйста, какими вы здесь судьбами?

— Папаша оформлял заказ на свое усмотрение, пришло ехать.

— Он у вас ветеран войны?

— Генерал.

— Вот как? Ну, а вы сами?

— лично я погони носить не собираюсь. Да и мой муж тоже.

— Его, вероятно, не призывают?

— И не призовут.

— Я не выдерживаю:

— Из-за врожденной немоты или приобретенной после знакомства с вами?

Генеральская дочка прошивается сквозным взглядом и хлопает дверцей «Волги» со служебным номером.

Студент из МГУ Игорь и его жена Ирина показались мне после этого диалога людьми необыкновенно душевными и отзывчивыми. Но и они не сумели дать какого-либо вразумительного объяснения тому, что привело их в день бракосочетания к памятнику Неизвестного солдата.

— Может быть, то, что вы и в счастливые, и в печальные дни вашей жиз-

ни помните о тех ребятах, своих сверстниках из сороковых годов, кто так и не испытал многих радостей, в том числе и ту, которую вам выпало пережить сегодня? — подсказываю я.

Игорь и Ирина молча переглядываются; девушка слегка розовеет.

— Наверное, что-нибудь вроде этого и должен испытывать каждый, кто приходит сюда, — предполагает Игорь. — Мы, честно говоря, об этом не задумывались. Сами знаете, сколько хлопот перед свадьбой. Это достать, то привезти... Мне кажется, и все остальные молодожены появляются здесь без особенного душевного трепета...

— Вы тоже так считаете? — обращаюсь к Ире. Та, виновато улыбнувшись и поправив вуаль под шляпкой, мягко, но решительно тянет мужа к автостоянке...

За полтора дня, что я провел у выхода из Александровского сада, мне удалось поговорить со многими из тех, кто по дороге из Дворца бракосочетания к праздничному столу заскочил на минутку к мемориалу. Строители, официанты, крановщица с автозавода, студенты, сотрудницы медицинских учреждений, детский тренер по гимнастике, парикмахер, преподавательница из музыкальной школы, абитуриентки и призывники... Почти у всех мой вопрос о том, что привело их в день свадьбы к могиле Неизвестного солдата, вызывал замешательство и недоумение: об этом по-настоящему никто и не задумывался.

Особенно поразила меня одна розовощекая, пышнотелая красавица в широкополой, увитой лентами шляпе и туго обтягивающем фингаре платье с разрезами по бокам до середины бедер. Без тени сомнения она сообщила мне, что в последнюю войну мы потеряли «примерно тыщ двести»... Спрашивала я и о том, бывали ли молодые здесь прежде. Все отвечали отрицательно.

Традиция... Что же произошло с ней, с этой красивой, доброй традицией? Почему долг памяти превратился в игру, в «показательные упражнения» для фотографа, пошлый спектакль, оскорбляющий истинную память о погибших? Что происходит с нами?..

...На мгновение лица молодых становятся серьезными, задумчивыми, словно они действительно проникаются теми чувствами, которые должна вызывать торжественная атмосфера мемориала. Но нет — это только для снимка!..

ОТ РЕДАКЦИИ.

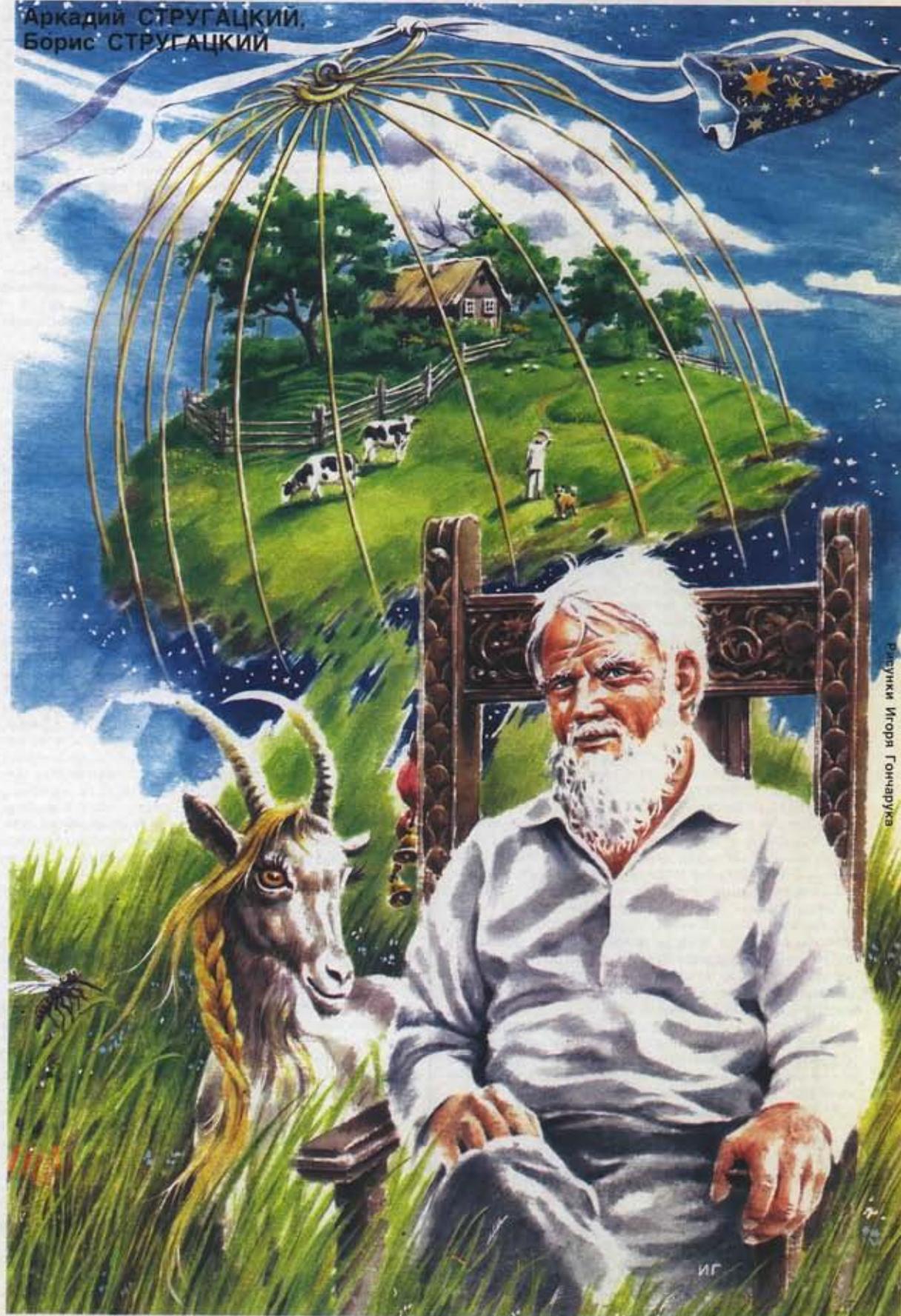
Публикуя эти заметки, мы отаем себе отчет, что, конечно, не все молодые супружеские пары приходят к Вечному огню с настроением, в котором пребывали те, кого встретил автор статьи. И тем не менее серьезный повод для разговора есть. Мы хотим пригласить читателей поразмышлять о наших обычаях, обрядах, традициях. Не стали ли какие-то из них неискренними, фальшивыми, не коснулись ли их пальцы псевдо-престижа и моды?

Вспоминается фильм Юрия Пондикеса «Легко ли быть молодым?», в котором школьник-часовой, проходя чеканным шагом по гранитному настилу у памятника латышским красным стрелкам, думает: «А чего мы притворяемся? Откуда это привыкло, нравственная глупота? Устарели традиции или изменились мы сами?»

Давайте вместе поразмыслим о верности нашим святыням, о той нравственной ценности, которую они несут в себе, и о том антивоспитательном эффекте, который возникает тогда, когда святые традиции превращаются в то, что именуется пошлиничьими словами «обязаловка» и «показуха».

СКАЗКА О ТРОЙКЕ

Аркадий СТРУГАЦКИЙ,
Борис СТРУГАЦКИЙ

Рисунки Игоря Гончарука

“В деревне Хоккэдзука на острове Кусумо-ри жил рыбак по имени Гэнгобэй. Однажды он вышел на лодке и не вернулся. Жена его, напрасно проходив положенное время, вышла за другого человека. Гэнгобэй через десять лет объявился в Муроцу и рассказал, будто лодку его опрокинул ика, огромный, как рыба Ку, сам он упал в воду и был подобран пиратом Надазмоном» («Предания юга»).

— Чистейшее вранье! — сказал Спиридон. — Наверняка этот Гэнгобэй пошел в пираты подзаработать. Очень похоже на людей. Впрочем, это мелочь. Дальше.

— «Тако злы нравом и не знают великолодушия. Если их много, они дерзко друг на друга нападают и разрывают на части. В старину на Цукуси было место, где тако собирались для свершения своих междуусобиц. Ныряльщики находят там множество больших и малых кловов и продают любопытным в столицу. Поэтому говорится: тако-но томокуи — взаимопожирание тако» («Записи об обитателях моря»).

— Взаимопожирание! — сказал Спиридон раздраженно. — Это похороны, а не взаимопожирание...

— Привет, друзья! — раздался позади нас знакомый голос. — Уже читаете? Клопа, конечно, не подождали... Ну еще бы, существо низшей организации, насекомое, так сказать, «а паразиты никогда...».

— Помолчи, Говорун, — сказал Спиридон. — Садись и слушай. Давай дальше, Саша.

Клоп, обиженно ворча, протиснулся между мной и Федором, и я продолжал:

— «Рассказывают, что во владениях сиятельный военачальника Ямаути Кадзуютоё промышляла губки знаменитая в Тосо ныряльщица по имени О-Гин. Лицом была приятная, телом крепкая, нравом веселая. В тех местах издавна жил старый ика длиной в двадцать шагов. Люди его страшились, она же с ним играла и ласкала его, и он приносил ей отменные губки, которые шли по сто мон. Однако, когда ее просватали, он впал в уныние и пожрал ее. Больше его не видели. Это случилось в тот год, когда сиятельный военачальник Ямаути по настоянию супруги счастливо уплатил десять рё золотом за кровного жеребца» («Предания юга»).

Спиридон промолчал, и я его окликнул.

— Да-да, — отозвался он. — Я слушаю.

Голос его показался мне странным, и я спросил, почему не слышно комментария.

— Потому что комментарииев не будет, — сурово сказал Спиридон.

— Совсем больше не будет? — спросил я.

— Нет, отчего же — совсем? Там посмотрим...

Я продолжал чтение:

— «Параграф восемьдесят семь. Еще господин Цугами утверждает следующее. В Восточных морях видят катакумуридаке, пурпурного цвета, с множеством тонких рук, высывается из круглой раковины в тридцать шагов с остройми и гребнями, глаза сгнили, весь оброс полипами. Когда всплывает, лежит на воде плоско наподобие острова, распространяя зловоние и испражняясь белым, чтобы приманить рыб и птиц. Когда они собираются, хватает их руками без разбора и питаются ими. Если приблизиться, хлопнуть в ладоши и крикнуть, от испуга выпускает ядовитый сок и наискось погружается в неведомую глубину, после чего долго не выходит. Среди знающих моряков известно, что он гнусен и вызывает на теле гнойную сыпь» («Свидетельство господина Цугами Ясумицу о поясе Восточных морей»).

— Любопытно, — сказал Спиридон. — Мне хочется вас поздравить. Письменность — это полезное изобретение. Конечно, с памятью гигантского древнего голоногого ей не сравниться, но вам, людям, она заменяет то, чего вы лишены от природы.

— Ты хочешь сказать, — спросил я, — что все прочитанное было на самом деле?

— Поговорим об этом, когда ты закончишь, — сказал Спиридон.

— Пойдемте лучше в кино, — предложил Говорун. — Устроили здесь читально... Память, письменность... Слова вставить не дают...

— Дальше, Саша, дальше, — сказал Спиридон.

— «Параграф сто тринадцать. Еще господин Цугами свидетельствует такое. На острове Екомэдзима живет дед, дружит с большими ика. Он в изобилии разводит свиней на рыбе и кашеных водорослях. Когда в полночь он играет на флейте, ика выходят на берег, и он дает им лучших свиней. Взамен они приносят ему лекарство долголетия из источников в пучине вод» («Свидетельство господина Цугами Ясумицу о поясе Восточных морей»).

— Помню, помню, — сказал Спиридон. — Мы их потом судили... Надо сказать, что господин Цугами Ясумицу — опытный работник. Есть там еще что-нибудь из его свидетельств?

Я просмотрел оставшиеся листочки.

— Нет, больше нет. Может быть, были, но потеряны.

— Это хорошо,— сказал спрут.

Я стал читать дальше:

— «Пират и злодей Рюдо далее под пыткой показал, Весной седьмого года Кэйтэ у берегов Осуми разгреб и потопил корабли с золотом, принадлежащие Симадзу Есихиро, на пути из Кагосими. Его первый советник по имени Дзэнти за клиньями вызвал из глубины на корабли стоя огромных ика, которые ужасным видом и крючками привели охрану в замешательство. Пират же и злодей Рюдо незаметно подплыл, зарезал храброго Мадзуга Сюнгаку и погубил всех иных верных людей. Подписано: Миногава Соэза. Подписано: Сога Масамаро» («Хроники Цукуси»).

— Да,— подтвердил Спиридон.— Такие альянсы когда-то допускались. Это вам не какие-нибудь свиньи.

— Пардон,— сказал Говорун, отталкивая меня локтем.— А клопы? Были на кораблях клопы?

Спиридон покачал плечами.

— Очень может быть,— сказал он.— Нас это не интересовало.

— Понятно,— сказал Говорун, помрачнев.— Как всегда.

Я взял следующий листок.

— «В деревне Хигасимираха на острове Цудзукидзима еще до сей поры поклоняются большому тако, которого именуют «нуси» — «хозяин». По обычанию в третье новолуние все девушки и бездетные женщины после захода солнца раздеваются, выходят из деревни и с закрытыми глазами танцуют на отмели. Тако издали глядит и, выбрав, призывают к себе. Она идет, плача и не желая, и печально погружается в темную воду. Остальные возвращаются по домам» («Записки хлопотливого мотылька Аянси Энко»).

— Чепуха какая-то,— сказал Клоп.— Если они танцуют с закрытыми глазами, да еще в новолуние, как же они узнают, кого он выбрал?

Спиридон промолчал.

— Читайте, Саша,— тихонько попросил Федя.

— «При большом тайфуне во второй год Сётоку рыбаки из деревни Гумихара в Идзумо числом семнадцать потеряли лодки и спаслись на одинокой скале посреди моря. Они думали прожить беспечно, пытаясь съедобными ракушками, но оказалось, что под скалой обитали демоны в образе тако огромной величины. Днем они жадно глядели из воды, а ночью являлись в сновидениях, сосали мозг и требовали: «Дайте немедленно одного!». Поскольку выхода не было, страх одолел их, они стали тянуть жребий и отдали рыбака по имени Бинкса. Обрадовавшись, демоны гладили себя руками по лысым головам, как бы говоря: «Вот хорошо!» День за днем это повторялось, мучения ночью были такие, что иногда без жребия хватали кого придется и бросали в воду, а некоторые бросались сами. Когда осталось пятеро, их подобрал корабль, направлявшийся из Ниигата в Сакай. Демоны последовали за кораблем, потом чары их ослабли, и они скрылись» («Записки необычайных дел во владениях князя Мацудайры»).

— А вы знаете,— сказал Федя,— ведь у нас есть такая же легенда. Будто бы в некоторых расщелинах жили раньше звери Фрух...

— Как?— спросил Клоп.

— Это на нашем языке,— извиняющимся голосом пояснил Федя.— Фрух. Это значит «не увидеть». Их никто никогда не видел, но слышали, как они ползают внизу. И вот по ночам люди начинали мучиться, и многие уходили и сами бросались в расщелины. Тогда все прекращалось. Федя сделал паузу, потом сказал застенчиво:— Я, конечно, понимаю, это сказка, но если бы это была правда, можно было бы объяснить, почему мы так задержались в развитии. Ведь гибли всегда самые интеллигентные... певцы, или люди, знающие коренья, или художники... или кто не мог смотреть, как другие мучаются...

Я заметил, что Спиридон вновь помалкивает. Смешно было предполагать, чтобы этот закоренелый эгоцентрист стыдился за поступки своих современников, и молчание его каким-то странным образом начиняло мне действовать на нервы.

— Спиридон,— сказал я.— Где комментарий?

— Потом, потом,— неразборчиво буркнул он.— Продолжай.

— Тут всего один листок остался,— предупредил я.

— Вот и хорошо,— сказал Спиридон.— Вот и прочти его.

Я прочел последний листок:

— «Тогда мятежники с криком устремились вперед. Но его светлость соизволил повелеть дать знак, помчалась конница, с холмов спустились отряды асигару. Тогда мятежники в замешательстве остановили шаги. Асигару дали залп из мушкетов. Тогда мятежники, бросая оружие, копья и щиты, устремились обрат-

но к кораблям. Верный Набэсима Тосикагэ, невзирая на доблесть, не смог бы догнать и схватить их. Тогда его светлость соизволил повелеть дать знак, и флотводец Юсо выпустил боевые тако. Икусадако подобно буре напали на вражеские корабли, трясли, двигали, раскачивали, ломали. Видя это, мятежники устрашились и выразили покорность. Их всех перевязали, нанизав на нитку подобно сущеной хурме, после чего его светлости благоугодно было повелеть разыскать и распять главарей на месте. Всего было распято восемьдесят злодеев, а флотводец Юсо удостоился светлейшей похвалы» («Хроники Цукуси»).

Я сложил листочки и завязал папку. Все мы ждали, что скажет Спиридон. А Спиридон успокоил воду в бассейне, сделал себя темно-красным и растекся по поверхности, как масляная лужа.

— Большинство этих документов,— заявил он,— относится, насколько я могу судить, к середине нынешнего тысячелетия, когда многие из нас, уцелевшие после моря, были еще очень молоды и не понимали, что сложное сложно. Отсюда попытки альянсов, отсюда подчиненность... Черт возьми, все мы любили сладкое мясо!. Должен признаться, мне было неприятно слушать эти хроники, как всякому умному существу неприятно слушать воспоминания посторонних о его детстве. Но кое-кому из наших это стоило бы почтить — в назидание. И я им прочту... Но вас, конечно, интересует, есть ли во всем этом правда, сколько ее и вся ли это правда. Правда этих записок вот: мы всегда стремились уничтожить все, что попадает в море; некоторые из нас продавали право первородства за сладкую свинину; и некоторым из нас, самым молодым, нравилось, когда невежественные рыбаки их обожествляли. Вот что здесь правда. Остальное — сплошная чушь и болтовня. Всю же правду о гигантских древних головоногих не вместили никакие записи.

— Мне понравилось выражение «сосали мозг»,— задумчиво сообщил Говорун.— Что бы это могло означать?

— Просто метафора,— холодно сказал Спиридон.— Почему ты не спрашиваешь, что означает выражение «глаза сгнили»?

— Потому что мне это неинтересно,— заносчиво ответил Говорун.

Я заметил, что Федя с сомнением качает головой.

— Нет, тут что-то другое,— проговорил он.— Тут что-то недобroe. А Спиридон просто не хочет рассказывать.

У меня было такое же ощущение, но мне не хотелось это обсуждать. Это было что-то неприятное и в конце концов не столь уж существенное. Не хотелось мазаться в грязи ради праздного любопытства. К тому же интимность обстановки нарушил вдруг фотограф Найсморк. Сложившись пополам, он вдвинулся в павильон, осмотрел нас дикими глазами и хрюплю осведомился, который здесь будет Спиридон, спрут, древний головоногий. Не дожидаясь ответа, он пошел вокруг бассейна, озираясь и бормоча, что свет здесь хороший, толковый человек ставил, понимающий, только смердит вот, как на помойке у этого... как его... у столовой. Узнав, который здесь Спиридон, Найсморк пришел в профессиональный восторг. Он хлопал себя по ляжкам, заглядывал в видеокамеру, вскрикивал от удовольствия и снова принимался хлопать себя по ляжкам. Он воскликнул, что вот это — фас, что этот фас — всем фасам фас, что такой фас он видел всего однажды, у этого... как его... да вот у вас же, гражданин, в прошлом году, когда вы только прибыли... Он потратил на Спиридоновский фас полленики; однако, когда настала очередь профиля, он разочаровался. Он горько сообщил, что профиля нет, то есть, конечно, кое-что виднеется, но больно мало, надо полагать, что все ушло в фас согласно закону сохранения суммы изображений. Нацелившись на то, что приходилось считать Спиридоновым профилем, он попросил Спиридона сохранить серьезность, расслабиться и не улыбаться, сделал два снимка, взял у меня сигарету и исчез так же внезапно, как и появился.

— Меня он тоже давеча снимал,— ревниво сообщил Клоп.— При помощи микронасадки. Я думаю, что это в связи с моим заявлением.

— Вряд ли,— сказал Федя.— Это потому, что комендант запугали, и он потребовал, чтобы Найсморк всю Колонию переснял по второму разу. На всякий случай.

— Сплетня!— сказал Клоп.— Просто я подал заявление, чтобы Тройка приняла меня завтра вне всякой очереди и обсудила одно мое предложение.

— Какое?— спросил я.

— А это уже никого не касается,— высокомерно заявил Клоп.— Завтра услышите. Я надеюсь, товарищ Амперян будет завтра присутствовать на утреннем заседании?

— Будет,— сказал я.

— Очень рад,— сказал Клоп.— Я очень уважаю товарища Амперяна, а завтрашнее заседание обещает стать историческим.

— Сомневаюсь,— сказал лениво Спиридон.— Сомневаюсь я, чтобы с Говоруном могло быть связано что-нибудь историческое. Тебя уже один раз вызывали

в прошлом году, ничего исторического не обнаружили и в решении записали, помнится: «Клоп говорящий, необъяснимое явление собой не представляет, в компетенцию Тройки не входит, лишить пищевого довольства и койки в общежитии...»

— Это неправда!— крикнул Говорун.— Это дурак Хлебоводов предлагал. А Лавр Федотович не утвердил! Я был, есть и остаюсь необъяснимым явлением! Что ты в этом смыслишь? Или, может быть, ты способен объяснить взлеты моей мысли, мои порывы, мою печаль при восходе ненавистного солнца? Если хочешь знать, будь я обыкновенным клопом...

— Будь ты обыкновенным клопом,— с усмешкой сказал Спиридон,— тебя бы давным-давно раздавили!

— Молчи, людоед!— взвизгнул Говорун, хватаясь за сердце.— Трясиша ты холодная, бессовестная! Тысячу лет прожил, ума не нажил! Хам! По морде тебе давно не давали!

— Товарищи, товарищи!— сказал Федя, удерживая за талию Клопа, который, размахивая кулаками, рвался в бассейн.— Говорун, вы же там утонете... Спиридон, я вас прошу, извинитесь... Вы действительно были бесстыкими! Вы же знаете, как Говорун относится к таким намекам...

Спиридон возразил, что он только констатировал очевидный факт и что он готов дать удовлетворение любому, кто будет утверждать, будто он сказал неправду. Говорун лягдал, брызгал сплюнкой и орал. Тогда я разозлился и потребовал, чтобы они немедленно прекратили скандал, иначе я успею Говоруна на двое суток в спичечный коробок, а в бассейн накидаю марганцовки. Это подействовало. Буяны, конечно, утихомирились не сразу и некоторое время продолжали оскорблять друг друга, но в конце концов Спиридон прошел сквозь зубы что-то вроде «Виноват, переборщил», Говорун всплакнул, сказал, что в последнее время он что-то совсем изнервничался, и они пожали друг другу руки в знак примирения.

— Ну вот и прекрасно,— сказал просиявший Федя.— А теперь, я думаю, мы можем пойти пройтись.

Было решено проветриться, тем более что вечер стоял особенно тихий и теплый. Федя сбежал за тачкой и налипал в нее мокрого сена. Мы с Говоруном поднатужились, выволокли Спиридона из бассейна и свалили его в сено, а сверху прикрыли мокрым мешком. Спиридон смущенно кряхтел и извинялся, когда ему наступали на щупальца. В тачке он устроился поудобнее, прикинулся, каково ему будет озирать окрестности, и сообщил, что готов.

В дверях павильона нас встретил сторож, свойком коменданта товарища Зубо. Он направлялся к бассейну, волоча за собой по земле дохлую собаку. Лицо у него было красное до багровости, он пошатывался, пахло от него водкой и луком.

— Спиридон Спиридович!— прохрипел он.— Куда же это вы не ешли? Комендант заругается!

Спиридон сунул ему в руку небольшую жемчужину.

— Это тебе за беспокойство, голубчик,— сказал он.— А ужин занеси и оставь там где-нибудь, я вернусь и поужинаю.

— Это можно,— прохрипел сторож, разглядывая жемчужину, покачиваясь и непроизвольно приседая, чтобы сохранить равновесие.— Это пожалуйста... Очень мы вами bla-адарны, Спиридон Спиридович...

По дороге к набережной мы встретили Эдика, и я познакомил его со Спиридона. Вежливый Эдик сказал спрут несколько комплиментов, и они разговорились о необычайных размерах гигантских мегатитисов и о прирожденной власти их взора, но тут ревнивый Говорун подхватил Эдика под руку и с криком: «Пардон, товарищ Амперян! Одну минуточку, не большая консультация...» — увлек его вперед. Тем не менее Спиридон развеселился, овладел общим разговором и рассказал несколько забавных историй из жизни спрутов. Очень смешной получилась у него история о том, как несколько молодых, неопытных мегатитисов высledили подводную лодку и говорились на нее напасть, приняв за большого кашалота; как они долго ползали по железной палубе и все кричали друг другу мужественными голосами: «За дыхало его, братва! За дыхало!» Мы много смеялись над этой мастерской рассказанной историей, пока не выяснилось, что смеялись мы по разным причинам. Я смеялся над глупыми мегатитисами, Эдик — тоже; Спиридон хохотал, представляя себе, как перепугалась команда подводной лодки; Федя смеялся от радости, что всем весело и никто ни с кем скориться не намерен (Федя истории не понял, он решил, что подводная лодка — это просто затонувшая рыбачья шлюпка); Говорун же смеялся потому, что его осенила гениальная идея, не имеющая никакого отношения к рассказу. Он отказался сообщить нам эту идею, но я понял, в чем дело: полчаса спустя, когда мы шли по главной улице и возле гостиницы задержались, чтобы проститься с утромившимся Эдиком и заодно полить Спиридона из

шланга, Говорун безразличным тоном попросил меня напомнить, в каком номере проживал этот дурак Хлебовводов. Я напомнил, и Клоп тотчас же попрощался, сказавши, что у него свидание.

Мы еще немного погуляли втроем по Колонии, и я рассказывал Феде и Спиридону об устройстве Вселенной. Попутно выяснилось, что Спиридон простым глазом видит Красное Пятно на Юпитере и кольца Сатурна. Застенчивый Кузька все время шастал в кустах то справа, то слева от нас, напоминая о себе слабым кваканьем; мы звали его, обещая лакомства и дружбы, но он так и не решился приблизиться. Возле склада битой летающей посуды мы неожиданно наткнулись на Романа с товарищем Ириной. Левой рукой Роман обнимал пышные плечи любимой дочери товарища Голого, а правой рукой вдохновенно указывал в звездную бездну — должно быть, тоже объяснял устройство Вселенной. Мы поспешно свернули на боковую аллею и повезли Спиридона в бассейн. Время было уже позднее, город засыпал, и только далеко-далеко играла гармошка, и чистые девичьи голоса сообщали:

Ухажеру моему
Я говорю трехглазому:
Нам поцелуй ни к чему —
Мы братия по разуму!

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Когда Говоруна вызвали, он появился в комнате заседаний не сразу. Было слышно, как он пререкается в приемной с комендантами, требуя какого-то церемониала, какого-то повышенного питетта, а также почетного караула. Эдик начал волноваться, и мне пришлося выйти в приемную и сказать Клопу, чтобы он перестал ломаться, а то будет плохо.

— Но я требую, чтобы он сделал три шага мне навстречу! — кипятился Говорун. — Пусть нет караула, но какие-то элементарные правила должны же выполняться! Я же не требую, чтобы он встречал меня у дверей... Пусть сделает три шага навстречу и обнажит голову!

— О ком ты говоришь? — спросил я, опешив.

— Как это о ком? Об этом, вашем... кто там у вас главный? Вунюков?

— Балда! — прошипел я. — Ты хочешь, чтобы тебя высушали? Иди немедленно! В твоем распоряжении тридцать секунд!

И Говорун сдался. Бормоча что-то насчет нарушения всех и всяческих правил, он вошел в комнату заседаний и нахально, ни с кем не поздоровавшись, развалился на демонстрационном столе. Лавр Федотович с мутными и пожелтевшими после вчерашнего глазами взял бинокль и стал Клопа рассматривать. Хлебоводов, страдая от тухлой отрыжки, проныл:

— Ну чего нам с ним говорить? Ведь все уже говорено... Он же нам только голову морочит...

— Минуточку, — сказал Фарфуркис, бодрый и розовый, как всегда. — Гражданин Говорун, — обратился он к Клопу. — Тройка сочла возможным принять вас вне процедуры и выслушать ваше, как вы пишете, чрезвычайно важное заявление. Тройка предлагает вам быть по возможности кратким и не отнимать у нее драгоценное рабочее время. Что вы имеете нам заявить?

Несколько секунд Говорун выдерживал ораторскую паузу. Затем он с шумом подобрал под себя ноги, принял горделивую позу и, надув щеки, заговорил.

— История человеческого племени, — начал он, — хранит на своих страницах немало позорных свидетельствavarvarства и недомыслия. Грубый невежественный солдат заколол Архимеда. Бшивые попы сожгли Джордано Бруно. Оголтелые фанатики травили Чарлза Дарвина, Галилея и Николая Вавилова. История клопов также сохранила упоминания о жертвах невежества и обскурантизма. Всем памятны неслыханные мучения великого клопа-энциклопедиста Сапука, указавшего нашим предкам, травяным и древесным клопам, путь истинного прогресса и процветания. В забвении и нищете окончили свои дни Император, создатель теории групп крови; Рексофоб, решивший проблему плодовитости; Пульп, открывший анабиоз.avarvarство и невежество обоих наших племен не могли не наложить и действительно наложили свой роковой отпечаток на взаимоотношения между ними. Втуне погибли идеи великого клопа-утописта Платуна, проповедовавшего идею симбиоза клопа и человека и видевшего будущность клопиного племени не на исконном пути паразитизма, а на светлых дорогах дружбы и взаимной помощи. Мы знаем случаи, когда человек предлагал клопам мир, защиту и покровительство, выступая под лозунгом «Мы одной крови, вы и я», но жадные, вечно голодные клопиные массы игнорировали этот призыв, бессмысленно твердя: «Пили, пьем и будем пить!» — Говорун залпом осушил стакан воды, облизнулся и продолжал, надсаживаясь,

как на митинге: — Сейчас мы впервые в истории наших племен стоим перед лицом ситуации, когда клоп предлагает человечеству мир, защиту и покровительство, требуя взамен только одного: признания. Впервые клоп нашел общий язык с человеком. Впервые клоп общается с человеком не в постели, а за столом переговоров. Впервые клоп взыскивает не материальных благ, а духовного общения. Так неужели же на распутье истории, перед поворотом, который, быть может, вознесет оба племени на недосягаемую высоту, мы будем топтаться в нерешительности, вновь идти на поводу у невежества и взаимоотчужденности, отвергать очевидное и отказываться признать совершившееся чудо? Я, Клоп Говорун, единственный говорящий клоп во Вселенной, единственное звено понимания между нашими племенами, говорю вам от имени миллиардов: опомнитесь! Отбросьте предрассудки, растопите косность, соберите в себе все доброе и разумное и открытыми и ясными глазами взгляните в глаза великой истине: Клоп Говорун есть личность исключительная, явление необъясненное и, быть может, даже необыкновенное!

Да, тщеславие этого насекомого способно было поразить самое заскорузлое воображение. Я чувствовал, что добром это не кончится, и толкнул Эдика локтем, чтобы он был готов. Оставалась, правда, надежда на то, что состояние желудочной простирации, в котором пребывала большая и лучшая часть Тройки, помешает взрыву страсти. Благоприятным фактором было также отсутствие обожравшегося до постельного режима Выбегаллы. Лавру Федотовичу было некошоро, он был бледен и обильно потел. Фарфуркис не знал, на что решиться, и с беспокойством на него поглядывал, и я уже подумал, что все обошлось, как вдруг Хлебоводов произнес:

— «Пили, пьем и будем пить...» Это же он про кого? Это же он про нас, поганец! Кровь нашу! Кровушку! А? — Он дико огляделся. — Да я же его сейчас к ногам!.. Ночью от них спасу нет, а теперь и днем? Мучите! — И он принял яростно чесаться.

Говорун несколько побледнел, однако продолжал держаться с достоинством. Впрочем, краем глаза он осторожно высматривал себе на всякий случай подходящую щель. По комнате распространялся крепчайший запах дорогого коньяка.

— Кровопийцы! — прохрипел Хлебоводов, вскочил и ринулся вперед.

Сердце у меня замерло, Эдик схватил меня за руку — тоже испугался. Говорун прямо-таки присел от ужаса. Но Хлебоводов, держась за живот, промчался мимо демонстрационного стола, распахнул дверь и исчез. Было слышно, как он грохочет каблуками по лестнице. Говорун вытер со лба холодный пот и обесценил опустил усы.

— Гррм, — как-то жалобно проговорил Лавр Федотович. — Кто еще просит слова?

— Позвольте мне, — сказал Фарфуркис, и я понял, что машина заработала. — Заявление гражданина Говоруна произвело на меня совершенно особое впечатление. Я искренне и категорически возмущен. И дело здесь не только в том, что гражданин Говорун искаженно трактует историю человечества как историю страданий отдельных выдающихся личностей. Я готов также оставить на совести оратора его абсолютно несамокритические высказывания о собственной особе. Но его предложение, его идея о союзе... Даже сама мысль о таком союзе звучит, на мой взгляд, оскорбительно и кощунственно. За кого вы нас принимаете, гражданин Говорун? Или, может быть, ваше оскорбление преднамеренно? Либо я склонен квалифицировать его как преднамеренное! И более того, я сейчас просмотрел материалы предыдущего заседания по делу гражданина Говоруна и с горечью убедился, что там отсутствует совершенно, на мой взгляд, необходимое частное определение по этому делу. Это, товарищи, наша ошибка, это, товарищи, наш просчет, который нам надлежит исправить с наивозможнейшей быстротой. Что я имею в виду? Я имею в виду тот простой и очевидный факт, что в лице гражданина Говоруна мы имеем дело с типичным говорящим паразитом, то есть с праздношатающимся тунеядцем без определенных занятий, добывающим средства к жизни предсудительными путями, каковые вполне можно квалифицировать как преступные...

В эту минуту на пороге вновь появился измученный Хлебоводов. Проходя мимо Говоруна, он замахнулся на него кулаком, пробормотав: «У-у, собака бесхвостая, шестиногая!..» Говорун только втянул голову в плечи. Он понял наконец, что его дело плохо. «Саша, — шептал мне Эдик в панике. — Саша, придумай что-нибудь!..» Яlixорадочно искал выход, а Фарфуркис тем временем продолжал:

— Оскорблению человечества, оскорблению ответственного органа, типичное тунеядство, место которому за решеткой, — не слишком ли это много, товарищи? Не проявляем ли мы здесь мягкотелость, беззубость, либерализм буржуазный и гуманизм абстрактный? Я еще не знаю, что думают по этому поводу мои уважаемые коллеги, и я не знаю, какое решение будет принято по этому делу, однако, как человек по натуре не злой, хотя и принципиальный, я позволяю себе обратиться к вам, гражданин Говорун, со словами предостережения. Тот факт, что вы, гражданин Гово-

рун, научились говорить, вернее, болтать по-русски, может, конечно, некоторое время служить сдерживающим фактором в нашем к вам отношении. Но берегитесь! Не натягивайте струны слишком туго!

— Задавить его, паразита! — прохрипел Хлебоводов. — Вот я его сейчас спичкой... — Он стал хлопать себя по карманам.

На Говоруна лица не было. На Эдика тоже. А я все никак не мог найти выхода из возникшего тупика.

— Нет-нет, товарищ Хлебоводов, — брезгливо морща, проговорил Фарфуркис. — Я против незаконных действий. Что это за личинование? Мы с вами не в Техасе. Необходимо все оформить по закону. Прежде всего, если не возражает Лавр Федотович, надлежит рационализировать гражданина Говоруна как явление необъясненное и, следовательно, находящееся в нашей компетенции...

При этих словах дурак Говорун просиял. О тщеславии!..

— Далее, — продолжал Фарфуркис, — нам надлежит квалифицировать рационализированное необъясненное явление как вредное и, следовательно, в процессе утилизации подлежащее списанию. Дальнейшая процедура предельно проста. Мы составим акт таким примерно образом: акт о списании Клопа говорящего, именуемого ниже Говоруном...

— Правильно! — прохрипел Хлебоводов. — Печатать его!..

— Это произвол! — слабо пискнул Говорун.

— Позвольте! — вскинулся Фарфуркис. — Что значит произвол? Мы списываем вас согласно параграфу семьдесят четвертому приложения о списании остатков, где совершенно отчетливо говорится...

— Все равно произвол! — кричал Клоп. — Палачи! Жандармы!

И тут меня наконец осенило.

— Позвольте, — сказал я. — Лавр Федотович! Вместитесь, я прошу вас! Это же разбазаривание кадров!

— Гррм, — еле слышно произнес Лавр Федотович. Его это мутило, что ему было все равно.

— Вы слышите? — сказал я Фарфуркису. — И Лавр Федотович совершенно прав! Надо меньше придавать значения форме и пристальное внимание в содержание. Наши оскорбленные чувства не имеют ничего общего с интересами народного хозяйства. Что за административная сентиментальность? Разве у нас здесь пансион для благородных девиц? Или курсы повышения квалификации?.. Да, гражданин Говорун позволяет себе дерзость, позволяет себе сомнительные параллели. Да, гражданин Говорун еще очень далек от совершенства. Но разве это означает, что мы должны списать его за ненадобность? Да вы что, товарищ Фарфуркис? Или вы, быть может, способны сейчас вытащить из кармана второго говорящего клопа? Может, среди ваших знакомых есть еще говорящие клопы? Откуда это барство, это чистоплюстия? «Мне не нравится говорящий клоп, давайте списем говорящего клопа...» А вы, товарищ Хлебоводов? Да, я вижу, вы сильно пострадавши от клопов человека. Я глубоко сочувствую вашим переживаниям, но я спрашиваю: может быть, вы уже нашли средство борьбы с кровососущими паразитами? С этими пиратами постелей, с этими гангстерами народных снов, с этими вампирами запущенных гостиниц...

— Вот я и говорю, — сказал Хлебоводов. — Задавить его без разговоров... А то акты какие-то...

— Не-е-ет, товарищ Хлебоводов! Не позвольте! Не позвольте, пользуясь болезнью научного консультанта, вводить здесь и применять методы грубо административные вместо методов административно-научных. Не позволим вновь торжествовать волонтаризм и субъективизм! Неужели вы не понимаете, что присутствующий здесь гражданин Говорун является собой единственную пока возможность начать воспитательную работу среди этих остервенелых тунеядцев? Было время, когда некоторый доморощенный клопиный талант повернул клопов-вегетарианцев к их нынешнему отвратительному модусу вивенди. Так неужели же наш современный, образованный, обогащенный всей мощью теории и практики клоп не способен совершить обратного поворота? Снабженный тщательно составленными инструкциями, вооруженный новейшими достижениями педагогики, ощущающая за собой поддержку всего прогрессивного человечества, разве не станет он архимедовым рычагом, с помощью коего мы окажемся способны повернуть историю клопов вспять, к лесам и травам, к лону природы, к чистому, простому и невинному существованию? Я прошу Комиссию принять к сведению все эти соображения и тщательно их обдумать.

Я сел. Эдик, бледный от восторга, показал мне большой палец. Говорун стоял на коленях и, казалось, горячо молился. Что касается Тройки, то, пораженная моим красноречием, она безмолвствовала. Фарфуркис глядел на меня с радостным изумлением. Видно было, что он считает мою идею гениальной

и сейчас лихорадочно обдумывает возможные пути захвата командных высот в этом новом, неслыханном мероприятии. Уже виделось ему, как он составляет обширную, детальнейшую инструкцию, уже носились перед его мысленным взором бесчисленные главы, параграфы и приложения, уже в воображении своем он консультировал Говоруна, организовывал курсы русского языка для особо одаренных клопов, назначался главой Государственного комитета пропаганды ветеринарства среди кровососущих, расширяющаяся деятельность которого охватит также комаров и мошку, мокреца, слепней, оводов и мухи-зубатку.

— Травяные клопы тоже, я вам скажу, не сахар... — проворчал консервативный Хлебовводов. Он уже сдался, но не хотел признаться в этом.

Я выразительно пожал плечами.

— Товарищ Хлебовводов мыслит узкоместными категориями, — возразил Фарфуркис, сразу вырываясь на полкорпуса вперед.

— Ничего не узкоместными, — возразил Хлебовводов. — Очень даже широкими... этими... как их... Воняют же! Но я понимаю, что это можно подработать в процессе. Я к тому, что можно ли на этого положиться... на стрикулиста... Несерьезный он какой-то... и заслуг за них никаких не видно...

— Есть предложение, — сказал Эдик. — Может быть, создать подкомиссию для изучения этого вопроса во главе с товарищем Фарфуркисом. Рабочим заместителем товарища Фарфуркиса я бы предложил Привалова, человека незаинтересованного и объективного.

Тут Лавр Федотович вдруг поднялся. Простым глазом было видно, что он здоровью сдал после вчерашнего. Обыкновенная человеческая слабость светилась сквозь обычно каменные черты его. Да, гарнитур дал трещину, бастион несколько покосился, но все-таки, несмотря ни на что, стоял могучий и непреклонный.

— Народ... — произнес бастион, болезненно завода глаза. — Народ не любит замыкаться в четырех стенах. Народу нужен простор! Народу нужны поля и реки. Народу нужен ветер и солнце...

— И луна! — добавил Хлебовводов, преданно глядя на бастион снизу вверх.

— И луна, — подтвердил Лавр Федотович. — Здоровье народа надо беречь, оно принадлежит народу. Народу нужна работа на открытом воздухе. Народу душно без открытого воздуха...

Комендант почтительно-деловито осведомился:

— Народ любит ходить пешком или ездить на машине?

— Народ... — провозгласил Лавр Федотович, — народ предпочитает ездить в открытом автомобиле. Выражая общее мнение, я предлагаю настоящее заседание перенести, а сейчас провести намеченнное на вечер выездное заседание по соответствующим делам. Товарищ Зубо, обеспечьте — С этими словами Лавр Федотович грузно опустился в кресло.

Все засуетились. Комендант бросился вызывать машину. Хлебовводов отпивал Лавра Федотовича боржомом, а Фарфуркис забрался в сейф и принял искать соответствующие дела. Я под шумок схватил Говоруна за шиворот и колено вышиб его вон.

Говорун не сопротивлялся: пережитое потрясло его и надолго выбило из колеи. Он даже говорить не мог и только, что-то бессвязно бормоча, пытался целовать мне руки.

Тем временем был подан автомобиль. Лавра Федотовича вывели под руки, бережно погрузили на переднее сиденье. Хлебовводов, Фарфуркис и комендант, толкаясь и огрызаясь друг на друга, оккупировали заднее сиденье. А машина-то пятиместная, озабоченно сказал Эдик. Нас не возьмут. Я ответил, что не вижу в этом ничего плохого. На выездной сессии будут рассматриваться дела, не имеющие к нам никакого отношения, а мы пока сможем пойти и выкупаться. Эдик сказал, что он не пойдет купаться. Он невидимо последует за автомобилем и проведет сегодня еще один сеанс позитивной реморализации. Нельзя терять надежду, сказал он. Пока имеешь дело с людьми, нельзя терять надежду.

Тут в автомобиле поднялся крик. Сцепились Фарфуркис с Хлебовводовым. Хлебовводов, которому от запаха бензина стало хуже, требовал немедленного движения вперед. При этом он кричал, что народ любит быструю езду. Фарфуркис же, чувствуя себя единственным в машине деловым человеком, ответственным за все, доказывал, что присутствие постороннего и непроверенного шофера превращает закрытое заседание в открытое и что, кроме того, согласно инструкции, заседания в отсутствие научного консультанта проводиться не могут, а если и проводятся, то в дальнейшем признаются недействительными.

«Затруднение? — осведомился Лавр Федотович склоняясь к лицу Фарфуркиса. — Товарищ Фарфуркис, устраните». Ободренный Фарфуркис с азартом при-

нялся устранять. И не успел я глазом моргнуть, как меня кооптировали в качестве ВРИО научного консультанта, шофер был отпущен, а я сидел на его месте. «Давай, давай, — шептал мне на ухо невидимый Эдик. — Ты мне еще, может быть, поможешь...» Я нервничал и озирался. Вокруг машины собралась толпа ребятишек. Одно дело — сидеть со всей этой компанией в закрытом помещении, и совсем другое — выставляться на всеобщее обозрение. Между тем неугомонный Фарфуркис вспомнил про полковника, забытого наверху, и вновь сцепился с Хлебовводовым.

— Да зачем нам этот старый хрен? — стонал Хлебовводов.

— Неудобно, неудобно, — говорил Фарфуркис. — Комендант, сбегайте!

— Да куда мы его посадим? — с надрывом спрашивал Хлебовводов. — В багажник, что ли, мы его посадим?

— Ничего, ничего, как-нибудь разместимся.

Я решил прекратить эту стыдную сцену.

— Напоминаю, — сказал я строго. — Машина пятиместная. Нарушения правил я не потерплю. Я из-за вашего полковника прокол зарабатывать не намерен.

Комендант, уже высунувший было ногу наружу, втянул ее обратно.

— Ехать бы... — умирал Хлебовводов. — С ветерком бы...

— Гррр, — сказал Лавр Федотович. — Есть предложение ехать. Не дожидаюсь задержавшихся. Другие предложения есть?.. Шофер, поехайте.

Первое время Фарфуркис страшно надоедал мне советами. То он советовал мне остановиться там, где остановка была запрещена; то он советовал не гнать и напоминал мне о ценности жизни Лавра Федотовича; то он требовал, чтобы я ехал быстрее, потому что встречный ветер недостаточно энергично овеял чено Лавра Федотовича; то он требовал, чтобы я не обращал внимания на сигналы светофоров, ибо это подрывает авторитет Тройки... Однако, когда мы миновали белые китежградские черемушки и выехали за город, когда перед нами открылись зеленые луга, а вдали засинело озеро, когда машина запрыгала по щебенке с гребенкой, в машине наступила умиротворенная тишина. Все подставили лица встречному ветерку, все щурились на солнышко, всем было хорошо. Лавр Федотович закурил первую сегодня «Герцеговину Флор», Хлебовводов затянул какую-то ямщицкую песню, комендант подремывал, прижимая к груди папки с делами, и только Фарфуркис после короткой борьбы нашел в себе силы справиться с изненежностью. Развернув карту Китежграда с окрестностями, он деятельно наметил маршрут, который, впрочем, оказался никуда не годным, потому что Фарфуркис забыл, что у нас автомобиль, а не вертолет. Я предложил ему свой вариант: озеро — болото — холм. На озере мы должны были рассмотреть дело плазиозавра, на болоте — рационализировать и утилизировать имеющее там место гуанье, а на холме нам предстояло обследовать так называемое заколдованное место. Фарфуркис, к моему удивлению, не возражал. Выяснилось, что он полностью доверяет моей водительской интуиции, более того, он вообще всегда был высокого мнения о моих способностях. Ему будет очень приятно работать со мной в клопиной подкомиссии, он давно меня держит на примете, он вообще всегда держит на примете нашу чудесную талантливую молодежь. Он сердцем всегда с молодежью, но он не закрывает глаза на ее существенные недостатки. Нынешняя молодежь мало борется, мало уделяет внимания борьбе, нет у нее стремления бороться больше, бороться за то, чтобы борьба по-настоящему стала главной, первоочередной задачей всей борьбы, а ведь если она, наша чудесная, талантливая молодежь, и дальше будет так мало бороться, то в этой борьбе у нее останется мало шансов стать настоящей борющейся молодежью, всегда занятой борьбой за то, чтобы стать настоящим борцом, который борется за то, чтобы борьба...

Плезиозавра мы увидели еще издали — нечто похожее на ручку от зонтика торчало из воды в двух километрах от берега. Я подвел машину к пляжу и остановился. Фарфуркис все еще боролся с грамматикой во имя борьбы за борющуюся молодежь, а Хлебовводов уже стремительно выбросился из машины и распахнул дверцу рядом с Лавром Федотовичем. Однако Лавр Федотович выходить не пожелал. Он благосклонно посмотрел на Хлебовводова и сообщил, что в озере вода, что заседание выездной сессии Тройки он объявляет открытым и что слово представляется товарищу Зубо.

Комиссия расположилась на травке рядом с автомобилем, настроение у всех было какое-то нерабочее, Фарфуркис расстегнулся, а я и вовсе снял рубашку, чтобы не терять случая подзагореть. Комендант, по-минутно нарушая инструкцию, принялся отбрасывать анкету плазиозавра по кличке Лизавета, никто его не слушал. Лавр Федотович задумчиво разглядывал озеро перед собой, словно бы прикидывая, нужно ли оно народу, а Хлебовводов вполголоса рассказывал Фарфуркису, как он работал председателем колхоза имени Театра Музкомедии и получал по пятнадцать поросят от свиноматки. В двадцати шагах от нас шелестели овцы, на дальних лугах бродили коровы,

и уклон в сельскохозяйственную тематику представлялся вполне извинительным.

Когда комендант зачитал краткую сущность плазиозавра, Хлебовводов сделал ценное замечание, что ящур — опасная болезнь скота и можно только удивляться, что здесь он плавает на свободе. Некоторое время мы с Фарфуркисом лениво втолковывали ему, что ящур — это одно, а ящер — это совсем другое. Хлебовводов, однако, стоял на своем, ссылаясь на журнал «Огонек», где совершенно точно и неоднократно упоминался какой-то ископаемый ящур. «Вы меня не слышите, — говорил он. — Я человек начитанный, хотя и без высшего образования». Фарфуркис, не чувствуя себя достаточно компетентным, отступил. Я же продолжал спорить, пока Хлебовводов не предложил позвать сюда плазиозавра и спросить его самого. «Он говорить не умеет», — сообщил комендант, присевший рядом с нами на корточки. «Ничего, разберемся, — возразил Хлебовводов. — Все равно же полагается его вызвать, так хоть польза какая-то будет».

— Гррр, — сказал Лавр Федотович. — Вопросы к докладчику имеются? Нет вопросов? Вызовите дело, товарищ Зубо.

Комендант вскочил и заметался по берегу. Сначала он сорванным голосом кричал: «Лизка! Лизка!». Но, поскольку плазиозавр, по-видимому, ничего не слышал, комендант сорвал с себя пиджак и принялся им размахивать, как потерпевший кораблекрушение при виде паруса на горизонте. Лизка не подавала никаких признаков жизни. «Спит, — с отчаянием сказал комендант. — Окуней наглоталась и спит...». Он еще немного побегал и помахал, а потом попросил меня погудеть. Я принял гудеть. Лавр Федотович, высунувший через борт, глядел на плазиозавра в бинокль. Я гудел минуты две, а потом сказал, что хватит, что нечего аккумуляторы подсаживать, — дело казалось мне безнадежным.

— Товарищ Зубо, — не опуская бинокля, произнес Лавр Федотович. — Почему вызванный не реагирует?

Комендант побледнел и не нашелся, что сказать.

— Хромает у вас в хозяйстве дисциплинка, — подал голос Хлебовводов. — Подраспустили подчиненных.

Комендант рванул на себе рубашку и разинул рот.

— Ситуация чревата подрывом авторитета, — со-крушило заметил Фарфуркис. — Спать нужно ночью, а днем нужно работать.

Комендант в отчаянии принялся раздеваться. Действительно, иного выхода у него не было. Хлебовводов и Фарфуркис висели над ним, сверкая осколенными клыками, а Лавр Федотович уже давно начал медленно поворачивать голову в его сторону. Я спросил коменданта, умеет ли он плавать. Выяснилось, что нет, не умеет, но это ему все равно. «Ничего, — кровожадно сказал Хлебовводов. — На дутом авторитеете выплынет».

Я осторожно высказал сомнение в целесообразности предпринимаемых действий. Комендант, несомненно, утонет, сказал я, и есть ли необходимость в том, чтобы Тройка брала на себя несвойственные ей функции, подменяя собой станцию спасения на водах. Кроме того, напомнил я, в случае утонутия коменданта задача все равно останется невыполненной, и логика событий подсказывает нам, что тогда плыть придется либо Фарфуркису, либо Хлебовводову. Фарфуркис возразил, что вызов дела является функцией и пророгативой представителя местной администрации, а за отсутствием такового — функцией научного консультанта, так что мои слова он рассматривает как выпад и как попытку валить с большой головы на здоровую. Я заявил, что в данном случае я являюсь не столько научным консультантом, сколько водителем казенного автомобиля, от которого не имею права удаляться далее чем на двадцать шагов.

— Господом нашим... — не выдержал комендант, стоя на коленях в одном белье. — Не боюсь я плыть и утонуть не боюсь... Но ей-то что, Лизке-то... У ей хайло, что твои ворота!.. Глотка у ей, что твое метро! Она не меня, она корову может слглотнуть, как семечку!.. Спросонья-то...

— В конце концов, — несколько нервничая, произнес Фарфуркис, — зачем ее звать? В конце концов и отсюда видно, что никакого интереса она не представляет. Я предлагаю ее рационализировать и за ненадобностью списать...

— Списать ее, заразу! — радостно подхватил Хлебовводов. — Корову она может слглотнуть, подумаешь! Тоже мне, сенсация! Корову и я могу слглотнуть, а ты вот от этой коровы добейся... пятнадцать поросят, понимаешь, добейся, вот это работа!

Лавр Федотович наконец развернул главный калибр.

— Народ... — донеслось из боевой рубки. — Народ смотрит вдаль. Эти плазиозавры народу...

— Не нужны! — выпалил Хлебовводов из малого калибра. И промазал.

— Выяснилось, что эти плазиозавры нужны народу позарез, что отдельные члены Тройки утратили чувство

перспективы, что отдельные коменданты, видимо, забыли, чей хлеб они едят, что отдельные представители нашей славной научной интеллигенции обнаруживают склонность смотреть на мир через черное стекло и что, наконец, дело номер восемь вперед до выяснения должно быть отложено и пересмотрено в один из зимних месяцев, когда до него можно будет добраться по льду. Других предложений не было, вопросов к докладчику — тем более. На том и порешили.

— Переходим к следующему вопросу, — произнес наконец Лавр Федотович, и действительные члены Тройки, толкаясь и вытирая друг у друга клочья шерсти, устремились к заднему сиденью. Комендант торопливо одевался, бормоча: «Я же тебе это припомню... Лучшие же куски давал... Как дочь родную... Скотина водоплавающая...»

Затем мы двинулись дальше по проселочной дороге, бегущей вдоль берега озера. Дорога была страшненькая, и я возносил хвалу небесам, что лето стоит сухое, иначе тут бы нам и конец. Однако хвалил я небеса преждевременно, потому что по мере приближения к болоту дорога все чаще обнаруживала тенденцию к исчезновению и к превращению в две поросшие осокой сырье рыхвины. Я врубил демультипликатор и прикидывал физические возможности своих спутников. Было совершенно ясно, что от толстого, дряблого Фарфуркаса проку будет мало. Хлебовводов выглядел мужиком жилистым, но мне неизвестно было, оправился ли он в достаточной степени после желудочного удара. Лавр Федотович вряд ли даже вылезет из машины. Так что действовать в случае чего придется мне с комендантом, потому что Эдик не станет себя, наверное, обнаруживать ради того только, чтобы вытолкнуть из грязи девяностокилограммовую машину.

Пессимистические размышления мои были прерваны появлением впереди гигантской черной лужи. Я резко затормозил и сказал:

— Все, приехали.

— Грррм, — произнес Лавр Федотович. — Товарищ Зубо, дождите дело.

В наступивший тишину было слышно, как колеблеться комендант. До болота было еще довольно далеко, но комендант тоже видел лужу и тоже не видел выхода. Он покорно вздохнул и зашелестел бумагами.

— Дело номер тридцать восемь, — прочитал он. — Фамилия: прочерк. Имя: прочерк. Отчество: прочерк. Название: Коровье Вязло...

— Минуточку! — прервал его Фарфуркис встревоженно. — Слушайте!

Он поднял палец и застыл. Мы прислушались и услышали. Где-то далеко-далеко победно запели серебряные трубы. Множественный звук этот пульсировал, нарастал и словно бы приближался. Кровь застыла у нас в жилах. Это трубили комары.

— Лавр Федотович! — пролепетал Хлебовводов. — Комары!

— Есть предложение! — нервно закричал Фарфуркис. — Отложить рассмотрение данного дела до октября... нет, до декабря месяца!

— Грррм, — произнес Лавр Федотович с удивлением. — Народ не понимает.

Воздух вокруг нас вдруг наполнился движением. Хлебовводов вззвизгнул и из всех сил ударил себя по физиономии. Фарфуркис ответил ему тем же. Лавр Федотович начал медленно и с изумлением поворачиваться, и тут свершилось невозможное: огромный рыжий пират четко, как на смотру, пал Лавру Федотовичу на чело и с ходу, не примериваясь, вонзил в него свою шлагу по самые глаза. Лавр Федотович отшатнулся. Он был потрясен, он не понимал, он не верил. И началось.

Мотая головой, как лошадь, отмахиваясь локтями, я принял разворачивать автомобиль на узком пространстве между зарослями осинника. Справа от меня возмущенно рычал и ворочался Лавр Федотович, а с заднего сиденья доносились такая буря аплодисментов, словно разгоряченная компания уланов и лейб-гусаров предавалась взаимоискорблению действием. К тому моменту, когда я закончил разворот, я уже распух. У меня было такое ощущение, что уши мои превратились в горящие оладьи, щеки — в кара-ваи, а на лбу взошли многочисленные рога. «Вперед! — кричали на меня со всех сторон. — Назад! Газу! Да подтолкните же его! Я вас под суд отдам, товарищ Привалов!» Двигатель ревел, клочья грязи летели во все стороны, машина прыгала, как кенгуру, но скорость была мала, отвратительно мала, а на встречу нам с бесчисленных аэродромов снимались все новые и новые эскадрильи, эскадры, армады. Преимущество противника в воздухе было абсолютным. Все, кроме меня, остервенело занимались самокритикой, переходящей в самоистязание. Я же не мог оторвать рук от барабанки, я не мог даже отбиваться ногами, у меня оставалась свободной только одна нога, и ею я бешено чесал все, до чего мог дотянуться. Потом наконец

мы вырвались из зарослей осинника обратно на берег озера. Дорога сделала получше и шла в гору. В лицо мне ударил тугой ветер. Я остановил машину. Я перевел дух и стал чесаться. Я чесался с упоением, я никак не мог перестать, а когда все-таки перестал, то обнаружил, что Тройка доедает коменданта. Комендант был обвинен в подготовке и осуществлении террористического акта, ему предъявили счет за каждую выпитую из членов Тройки каплю крови, и он оплатил этот счет сполна. То, что оставалось от коменданта к моменту, когда я вновь обрел способность видеть, слышать и думать, не могло уже, собственно, называться комендантом. Так каковым: две-три обглоданные кости, опустошенный взгляд и слабое бормотание: «Господом богом... нашим...»

— Товарищ Зубо, — произнес наконец Лавр Федотович, — почему вы прекратили зачитывать дело? Продолжайте докладывать.

Комендант принялся трясущимися руками собирать разбросанные по машине листки.

— Зачитайте непосредственно краткую сущность необъяснимости, — приказал Лавр Федотович.

Комендант, всхлипнув в последний раз, прерывающимся голосом прочел:

— Обширное болото, из недр которого время от времени доносятся ухающие и ахающие звуки.

— Ну? — сказал Хлебовводов. — Дальше что?

— Дальше ничего. Все.

— Как так все? — плачуще взвыл Хлебовводов. — Убили меня! Зарезали! И для ради чего? Звуки ахающие... Ты зачем нас сюда привезли, террорист? Ты это нас ухающие звуки слушать привезли? За что же мы кровь проливали? Ты посмотрите на меня — как я теперь в гостинице появлюсь? Ты же мой авторитет на всю жизнь подорвали! Я же тебя сгибаю так, что от тебя ни аханья, ни уханья не останется!

— Грррм, — сказал Лавр Федотович, и Хлебовводов замолчал. Глаза его выкатились, он с видом тихого идиота медленно обводил пальцем огромную красную припухлость у себя на лбу.

— Есть предложение, — продолжал Лавр Федотович. — Ввиду представления собой делом номер тридцать восемь под названием «Коровье Вязло» исключительной опасности для народа подвергнуть назначенное дело высшей мере рационализации, а именно признать названное необъяснимое явление иррациональным, трансцендентным, а следовательно, реально не существующим и как таковое исключить навсегда из памяти народа, то есть из географических и топографических карт.

Хлебовводов и Фарфуркис бешено захлопали в ладони. Лавр Федотович извлек из-под сиденья свой портфель и положил его плашмя к себе на колени.

— Акт! — воззвал он.

На портфель лег акт о высшей мере.

— Подпись!!

На акт пали подписи.

— ПЕЧАТЬ!!!

Лязнула дверца сейфа, волной накатила канцелярская затхлость, и перед Лавром Федотовичем возникла Большая Круглая Печать. Лавр Федотович взял ее обеими руками, занес над актом и с силой опустил. Мрачная тень прошла по небу, автомобиль слегка присел на рессорах. Лавр Федотович убрал портфель под сиденье и продолжал:

— Коменданту Колонии товарищу Зубо за безответственное содержание в Колонии иррационального, трансцендентного, а следовательно, реально не существующего болота Коровье Вязло, а также за необеспечение безопасности работы Тройки объявить строгий выговор, но без занесения. Есть еще предложения?

Слегка повредившийся от треволнений Хлебовводов внес предложение приговорить коменданта Зубо к расстрелу с конфискацией имущества и с поражением родственников в правах на двенадцать лет. Однако Фарфуркис слабым голосом возразил, что такой меры социальной защиты Тройка применить не вправе, что у него, Фарфуркиса, есть сильное желание подать на коменданта в суд, но что в конечном счете он, Фарфуркис, полностью поддерживает Лавра Федотовича.

— Следующий, — произнес Лавр Федотович. — Что у нас сегодня еще, товарищ Зубо?

— Заколдованное место, — убито сказал комендант. — Недалеко отсюда, километров пять.

— Комары? — осведомился Лавр Федотович.

— Христом богом... — сказал комендант. — Спасите-лем наши... Нету их там. Муравьи разве что...

— Хорошо, — констатировал Лавр Федотович. — Осы? Пчелы? — продолжал он, обнаруживая высокую прозорливость и неусыпную заботу о народе.

— Ни боже мой, — сказал комендант искренне.

Лавр Федотович долго молчал.

— Бешеные быки? — спросил он наконец.

Комендант заверил его, что ни о каких быках в этих окрестностях не может быть и речи.

— А волки? — спросил Хлебовводов подозрительно.

Но в окрестностях не было и волков, а также медведей, о которых вовремя вспомнил Фарфуркис. Пока они упражнялись в зоологии, я рассматривал карту, выискивая кратчайшую дорогу к заколдованному месту. Высшая мера уже оказала свое действие. На

карте был Китежград, была река Китежа, было озеро Звериное, были какие-то Лопухи, болота же Коровье Вязло, которое распространялось раньше между озером Звериным и Лопухами, больше не было. Вместо него на карте имело место анонимное белое пятно, какое можно видеть на старых картах на месте Антарктики. Мне было дано указание продолжать движение, и мы воехали. Мы миновали овсы, пробрались сквозь стадо коров, обогнули рощу Круглую, форсировали ручей Студеный и через полчаса оказались перед местом заколдованным.

Это был холм. С одной стороны он порос лесом. Вероятно, раньше здесь кругом стоял сплошной лес, тянувшийся до самого Китежграда, но его свели, и осталось только то, что было на холме. На самой вершине виднелася почерневшая избушка; по склону перед нами бродили две коровы с теленком под охраной большой понурой собаки. Возле крыльца копались в земле куры, а на крыше стояла коза.

— Что же вы остановились? — спросил меня Фарфуркис. — Надо же подъехать, не пешком же нам...

— И молоко у них, по всему видать, есть... — добавил Хлебовводов. — Я бы молочка сейчас выпил. Когда, понимаешь, грибами отравишься, очень полезно молока выпить. Ехай, ехай, чего стали!

Я попытался объяснить им, что подъехать к холму ближе невозможно, но объяснения мои были встречены таким педяным изумлением Лавра Федотовича, заразившимся мыслью о целебных свойствах парного молока, такими стенаниями Фарфуркаса: «Сметана! С погреба!», что я не стал спорить. Мне и самому было любопытно еще раз проехаться по этой дороге.

Я включил двигатель, и машина весело покатилась к холму. Спидометр принялся отсчитывать километры, шины шуршали по колючей травке, Лавр Федотович неукоснительно глядел вперед, а заднее сиденье в предвкушении молока и сметаны затяяло спор, чем на болотах пытаются комары. Хлебовводов вынес из личного опыта суждение, что комары пытаются исключительно ответственными работниками, совершающими инспекционные поездки. Фарфуркис, выдавая желяемое за действительное, уверял, что комары живут самоедством. Комендант же кротко, но настойчиво лепетал о божественном, о какой-то божьей росе и жареных акридах. Так мы ехали минут двадцать. Когда спидометр показал, что пройдено пятнадцать километров, Хлебовводов спохватился.

— Что же это получается? — сказал он. — Едем-едем, а холм где стоял, там и стоит... Поднажмите, товарищ водитель, что это вы, браток?

— Не доехать нам до холма, — кротко сказал комендант. — Он же заколдованный, не доехать до него и не дойти... Только бензин весь даром сожжем.

После этого все замолчали, и на спидометре намоталось еще семь километров. Холм по-прежнему не приблизился ни на метр. Коровы, привлеченные шумом мотора, сначала некоторое время глядели в нашу сторону, затем потеряли к нам интерес и снова уткнулись в траву. На заднем сиденье нарастило возмущение. Хлебовводов и Фарфуркис обменивались негромкими замечаниями, деловитыми и зловещими. «Вредительство», — говорил Хлебовводов. «Саботаж», — возражал Фарфуркис. — Но злостный! Потом они перешли на шепот, и до меня доносилось только: «...на колодках... ну да, колеса крутятся, а машина стоит... Комендант?... Может быть, и ВРИО консультанта... бензин... подрывы экономики... потом машину спишут с большим пробегом, а она новенькая...» Я не обращал внимания на этих зловещих попугаев, но потом вдруг хлопнула дверца, и ужасным, стремительным удаляющимся голосом заорал Хлебовводов. Я изо всех сил нажал на тормоз. Лавр Федотович, продолжая движение, с деревянным стуком, не меняя осанки, всплыл в ветровое стекло. У меня в глазах потемнело от удара. Машину занесло. Когда пыль рассеялась, я увидел далеко позади товарища Хлебовводова, который все еще катился вслед за нами, размахивая конечностями.

— Затруднение? — осведомился Лавр Федотович обыкновенным голосом. Кажется, он даже не заметил удара. — Товарищ Хлебовводов, устраните.

Мы устраивали затруднение довольно долго. Пришло сходить за Хлебовводовым, который лежал метрах в тридцати позади, ободранный, с лопнувшими брюками и очень удивленный. Выяснилось, что он заподозрил нас с комендантом в заговоре: будто мы незаметно поставили машину на колодки и гоним с колысными целями километраж. Движимый чувством долга, он решил выйти на дорогу и вывести нас на чистую воду, заглянув под машину. Теперь он был буквально поражен тем, что это ему не удалось. Мы с комендантом приволокли его к машине, положили его так, чтобы он самолично убедился в своем заблуждении, а сами отправились на помощь Фарфуркису, кото-

рый искал и никак не мог найти свои очки и верхнюю челюсть. Фарфуркис искал их в машине, но комендант нашел их далеко впереди.

Недоразумение было полностью устранено, повреждения Хлебовводова оказались довольно поверхностными, и Лавр Федотович, только теперь осознав, что парного молока нет, не будет и быть не может, внес предложение не тратить бензин, принадлежащий народу, а приступить к своим прямым обязанностям.

— Товарищ Зубо,— произнес он.— Доложите дело.

У дела двадцать девятого фамилии, имени и отчества, как и следовало ожидать, не оказалось. Оказалось только условное наименование «Заколдун». Год рождения его терялся в глубине веков, место рождения определялось координатами с точностью до минуты дуги. По национальности Заколдун был русский, образования не имел, иностранных языков не ведал, профессия у него была — холм, а место работы в настоящее время опять же определялось упомянутыми выше координатами. За границей Заколдун сроду не бывал, ближайшим родственником его являлась мать сыра земля, адрес же постоянного местожительства определялся все теми же координатами и с той же точностью. Анкета произвела на Хлебовводова благоприятнейшее впечатление. Хлебовводов сказал, что будь он сейчас, как некогда, председателем правления Всероссийского хорового общества, он бы такого товарища утвердил бы в любой должности с закрытыми глазами. Что же касается краткой сущности необыянности, то Выбегалло, не мудрствуя лукаво, выразил ее предельно кратко: «Во-первых, не проехать, во-вторых, не пройти».

Комендант сиял. Дело уверенно шло на рационализацию. Хлебовводов был доволен анкетой, Фарфуркис восхищался очевидной необыянностью, ничем не угрожающей народу, и Лавр Федотович, по-видимому, тоже не возражал. Во всяком случае, он доверительно сообщил нам, что народу нужны холмы, а также равнины, овраги, буераки, эльбрусы и казбеки.

Но тут дверь избушки растворилась, и на крыльце выглядела, опираясь на палочку, старый человек в валенках и длинной подпоясанной рубахе до колен. Он потоптался на пороге, посмотрел из-под руки на солнце, махнул рукой на козу, чтобы слезла с крыши, и уселился на ступеньку.

— Свидетель! — сказал Фарфуркис.— А не вызвать ли нам свидетеля?

— Так что ж свидетель... — упавшим голосом сказал комендант.— Разве чего неясно? Ежели вопросы есть, то я могу...

— Нет! — сказал Фарфуркис, с подозрением глядя на него.— Нет, зачем же вы? Вы вон где живете, а он здешний.

— Вызвать, вызвать! — сказал Хлебовводов.— Пусть молока принесет.

— Гррр... — сказал Лавр Федотович.— Товарищ Зубо, вызовите свидетеля по делу номер двадцать девять.

— Эх! — восхлипнул комендант, удариивши соломенной шляпой о землю. Дело рушилось на глазах.— Да если бы он мог сюда прийти, он бы разве там сидел? Он там, можно сказать, в заключении! Не выйти ему оттуда! Как он там застрял, так он там и остался...

И в полном отчаянии, под пристальными подозрительными взглядами Тройки, предчувствуя новые не приятности и ставши от этого необычайно словоохотливым, комендант поведал нам китежградское предание о заколдунском леснике Феофиле. Как жил он себе и не тужил в своей сторожке с женой, молодой тогда еще совсем был, здоровенный; как ударила однажды в холм зеленая молния, и начались страшные происшествия. Жена Феофилова как раз в город уходила; вернулась — не может взойти на холм, до дому добраться. Она опять в город, побежала в слезах к попу. Поп набрал святой воды в ведро и пошел холм кропить. Идет он, идет, не дойти до холма, да и только. Брызгал он этой святой водой направо, налево, молитвы возносил — не помогает. А поп оказался в вере слаб, взял и разуверился. Расстроился, ренегат, и пошел в атеисты. Это уже бунт. Приехал урядник, видит — на холме Феофил. Спервоначалу грозил Феофилу, звал, ругался по-черному, потом принял Феофила шкаликом приманивать. Мол, увидит шкалику Феофил и обязательно к нему прорвется, а тут уж его можно будет хватать и вязать. И верно, рвался Феофил. Двое суток к шкалику с холма без передышки бежал — нет, не добежать. Так он там и остался. Он — там, жена — здесь. Сначала к нему приходила, кричали они друг другу, потом надоели ей, перестала ходить. Феофил сначала тоже очень оттуда рвался. Говорят, видели, как он свинью зарезал, солониной запасся, чистое белье увязал и пошел с холма путешествовать. Хлеба, говорят, взял на дорогу два караца, сухарей. Долго шел с холма, полгорода сбежалось глядеть, как он идет. И все по низу холма, все по низу.

Смех и грех. Ну, потом, конечно, успокоился, жить-то надо. Так с тех пор и живет. Ничего, привык.

Выслушав эту страшную историю, Хлебовводов вдруг сделал открытие: советских документов у Феофила нет, переписи он избежал, в выборах участия не принимал, воспитательной работе не подвергался и вполне возможно, что остался кулаком-мироедом.

— Две коровы у него, — говорил Хлебовводов, — и теленок вот. Коза. А налоги не платит... — Глаза его вдруг расширились.— Раз теленок есть, значит, и бык у него где-то там спрятан!

— Есть бык, это точно, — уныло признался комендант.— Он у него, верно, на той стороне пасется...

— Ну, браток, и порядочки у тебя, — зловеще сказал Хлебовводов.— Знал я, чувствовал, что халуга ты и очковтиратель, но такого даже от тебя не ожидал. Чтобы ты подкулачник, чтобы ты кулака покрывали, мироеда...

Комендант набрал в грудь воздуха и заныл:

— Святой девой Марией... Двенадцать первоапостолами... клянусь...

Лесник Феофил вдруг поднял голову и, прикрываясь от солнца ладонью, посмотрел в нашу сторону.

— Люди как люди, — сказал Феофил.— Удивительное...

Коза отбросила за спину тяжелую золотую косу, обвела нас взглядом и выбрали Хлебовводова.

— Это вот Хлебовводов, — сказала она.— Рудольф Архипович. Родился в девяносто сороке в Хохломе, имя родители почерпнули из великосветского романа, по образованию — школьник седьмого класса, происхождения родителей стыдится, иностранных языков изучал много, но не знает ни одного...

— Иес! — подтвердил Хлебовводов, стыдливо хихикая.— Натюрлих-яволи!

— ...профессии как таковой не имеет — руководитель. В настоящее время — руководитель-общественник. За границей был: в Италии, во Франции, в обеих Германиях, в Венгрии, в Англии... и так далее, всего в сорока двух странах. Везде хвастался и хапал. Отличительная черта характера — высокая социальная живучесть и приспособляемость, основанные на принципиальной глупости и на неизменном стремлении быть ортодоксальнее ортодоксов.

— Так, — сказал Феофил.— Может что-нибудь к этому добавить, Рудольф Архипович?

— Никак нет! — сказал Хлебовводов.— Разве что вот... орто... доро... орто-кальный... не совсем ясно!

— Быть ортодоксальнее ортодоксов означает примерно следующее, — сказала коза.— Если начальство недовольно каким-нибудь ученым, вы объявляете себя врагом науки вообще. Если начальство недовольно каким-нибудь иностранцем, вы готовы объявить войну всему, что за кордоном. Понятно?

— Так точно, — сказал Хлебовводов.— Иначе невозможно. Образование у нас было маленькое. Иначе того и гляди промахнешься.

— Крал? — небрежно спросил Феофил.

— Нет, — сказала коза.— Подбирал, что с возу упало.

— Убивал?

— Ну что вы! — засмеялась коза.— Лично — никогда.

— Расскажите что-нибудь, — попросил Хлебовводов Феофил.

— Ошибки были, — быстро сказал Хлебовводов.— Люди не ангелы. И на старуху бывает проруха. Конь о четырех ногах, и то спотыкается. Кто не ошибается, тот не есть... то есть не работает...

— Понял, понял, — сказал Феофил.— Будете еще ошибаться?

— Ни-ког-да! — твердо сказал Хлебовводов.

Феофил покивал.

— Что от него останется на земле? — спросил он козу.

— Дети, — сказала коза.— Двое законных, трое незаконных... Фамилия в телефонной книге... — Прекрасное лицо ее напряглось, словно она всматривалась вдаль.— Нет, больше ничего...

— Нам много не надо, — хихикнул Хлебовводов.— А что касается незаконных детей, то ведь это как получается? Едешь, бывало, в командировку...

— Благодарю вас, — сказал Феофил. Он посмотрел на Фарфуркиса.— А этот приятный мужчина?

— Это Фарфуркис, — сказала коза.— По имени и отчеству никогда и никем не был называем. Родился в девяносто шестнадцатом в Таганроге, образование высшее, юридическое, читает по-английски со словарем. По профессии — лектор. Имеет степень кандидата исторических наук, тема диссертации: «Профсоюзная организация мыловаренного завода имени товарища Семёнова в период 1934—1941 годы». За границей не был и не рвался. Отличительная черта характера — осторожность и предупредительность, иногда сопряженные с риском навлечь на себя недовольство начальства, но всегда рассчитанные на благодарность начальства впоследствии...

— Это не совсем так, — мягко возразил Фарфуркис.— Вы несколько подменяете термины. Осторожность и предупредительность являются чертой моего характера безотносительно к начальству, я таков от природы, это у меня в хромосомах. Что же касается начальства, то такова уж моя обязанность — указы-

вать вышестоящим юридические рамки их компетенции.

— А если они выходят за эти рамки? — спросил Феофил.

— Видите ли, — сказал Фарфуркис, — чувствуется, что вы не юрист. Нет ничего более гибкого и уступчивого, нежели юридические рамки. Их можно указать, но их нельзя перейти.

— Как вы насчет лжесвидетельствования? — спросил Феофил.

— Боясь, что этот термин несколько устарел, — сказал Фарфуркис.— Мы им не пользуемся.

— Как у него насчет лжесвидетельствования? — спросил Феофил козу.

— Никогда, — сказала коза.— Он всегда свято верит в то, о чем свидетельствует.

— Действительно, что такое ложь? — сказал Фарфуркис.— Ложь — это отрицание или искажение факта. Но что есть факт? Можно ли вообще в условиях нашей невероятно усложнившейся действительности говорить о факте? Факт есть явление или действие, засвидетельствованное очевидцами. Однако очевидцы могут быть пристрастны, корыстны или просто невежественны. Факт есть действие или явление, засвидетельствованное в документах. Но документы могут быть подделаны или сфабрикованы. Наконец, факт есть действие или явление, фиксируемое лично мною. Однако мои чувства могут быть притуплены или даже вовсе обмануты приводящими обстоятельствами. Таким образом оказывается, что факт как таковой есть нечто весьма эфемерное, расплывчатое, недостоверное, и возникает естественная потребность вообще отказаться от такого понятия. Но в этом случае ложь и правда автоматически становятся первопонятиями, неопределимыми через какие бы то ни было более общие категории... Существуют Большая Правда и антипод ее, Большая Ложь. Большая Правда так велика и истинность ее так очевидна всякому нормальному человеку, каким являюсь и я, что опровергать или искачать ее, то есть лгать, становится совершенно бессмыслицей. Вот почему я никогда не лгу и, естественно, никогда не лжесвидетельствую.

— Тонко, — сказал Феофил.— Очень тонко. Конечно, после Фарфуркиса останется эта его философия факта?

— Нет, — сказала коза, усмехаясь.— То есть философия останется, но Фарфуркис тут ни при чем. Это не он ее придумал. Он вообще ничего не придумал, кроме своей диссертации, так что останется от него только эта диссертация как образец такого рода работ.

Феофил задумался. Коза сидела у его ног на скамейке и расчесывала волосы, как Лорелей. Мы встретились с нею глазами, и она мне улынулась не без кокетства. Очень, очень милая была козочка. Было в ней что-то от моей Стелочки, и мне ужасно захотелось домой.

— Правильно ли я понял, — сказал Фарфуркис, обращаясь к Феофилу, — что все кончено и мы можем продолжать свои занятия?

— Еще нет, — ответил Феофил, очнувшись от задумчивости.— Я хотел бы еще задать несколько вопросов вот этому гражданину...

— Как?! — вскричал пораженный Фарфуркис.— Лавру Федотовичу?

— Народ... — проговорил Лавр Федотович, глядя куда-то в бинокль.

— Да, — подтвердила коза.— Вунюкову Лавру Федотовичу, год рождения...

— Да что же это такое?! — возопил в отчаянии Фарфуркис.— Товарищи! Да куда это опять заехали? Ну что это такое? Неприлично же...

— Правильно, — сказал Хлебовводов.— Не наше это дело. Пускай милиция разбирается.

— Гррр, — произнес Лавр Федотович.— Другие предложения есть? Вопросы к докладчику есть? Выражая общее мнение, предлагаю дело номер двадцать девять rationalisировать в качестве необыяненного явления, представляющего интерес для Министерства пищевой промышленности, Министерства финансов и Министерства охраны общественного порядка. В целях первичной утилизации предлагаю дело номер двадцать девять под наименованием «Заколдун» передать в прокуратуру Китежградского района.

Я посмотрел на вершину холма. Лесник Феофил, тяжело опираясь на клюку, стоял на своем крылечке и из-под ладони озирал окрестности. Коза бродила по огороду. Я, прощаюсь, помахал им беретом. Горестный вздох невидимого Эдика прозвучал над моим ухом одновременно с тяжелым стуком Большой Круглой Печати.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Возвращаясь из исполномовского гаража в гостиницу, я потерял бдительность и вновь был пойман старикашкой Эдельвейсом. Делать было нечего, и я холодно осведомился, выполнил ли он мое задание. К моему громкому изумлению, оказалось, что да. Оказалось, что все рекомендованные книжки в количестве пяти он прочел от доски до доски и вырубил наизусть: бывают такие дотошные старички, усердные не по разуму.

Я не поверил, однако он шарил по памяти целые страницы с любого места слева направо, справа налево и даже сзаду наперед. При этом сразу было видно, что он абсолютно ничего в прочитанном не понял и никогда не поймет. Воспользовавшись моим естественным замешательством, он объявил, что теорией он теперь овладел, возвращаться к ней больше не намерен, а намерен он возвратиться к практике.

В отчаянии и меланхолии я понес какую-то оконечицу насчет самообучающихся машин. Он слушал, раскрыв рот, и впитывал каждый звук — по-моему, он запомнил эту оконечицу дословно. Затем меня осенило. Я спросил, достаточно ли сложной машиной является его агрегат. Он немедленно и страстно заверил, что агрегат невообразимо сложен, что иногда он, Эдельвейс, сам не понимает, что там где и к чему. Прекрасно, сказал я. Хорошо известно, что всякая достаточно сложная электронная машина обладает способностью к самообучению и самовоспроизведению. Самовоспроизведение нам сейчас пока не нужно, а вот обучить эвристический агрегат Бабкина... тьфу... Машинка печатать тексты самостоятельно, без человека-посредника, мы обязаны в самые короткие сроки. Как это сделать? Мы применим хорошо известный и много-кратно испытанный метод длительной тренировки.

Преимущество этого метода в простоте. Берется достаточно обширный текст, скажем, «Жизнь животных» Брема в пяти томах. Машин садится за свой агрегат и начинает печатать слово за словом, строчку за строчкой, страницу за страницей. При этом анализатор агрегата будет анализировать, думатель... — у ей внутре ведь есть, кажется, думатель? — думатель будет думать, и таким образом агрегат станет у вас обучаться. Вы и ахнете не успеете, как он у вас начнет сам печатать. Вот вам рубль подъемных, и ступайте в библиотеку за Бремом...

Расставшись с Эдельвейсом, я поднялся в наш номер. Здесь было невесело. На моей кровати сидел, подперев подбородок кулаками, взлохмаченный и небритый Витька. Лицо его выражало высшую степень недовольства миром вообще и своим положением в этом мире в особенности. Эдик, обняв колено, сидел на подоконнике и грустно смотрел на улицу. Роман в кремовых брюках, кремовых же выходных штиблетах и в майке расхаживал по комнате и со стыдливой горечью говорил о том, что быть моральным и нравственным хорошо, а быть аморальным и безнравственным, наоборот, плохо, что в нашем обществе, оказывается, узаконена строгая моногамия и любые попытки пойти против течения беспощадно караются общественным презрением, а то и в уголовном порядке; что любовь — это ни в какой мере не вздохи на скамейке и уж, во всяком случае, не прогулки при луне...

Я сел за стол, откупорил бутылку нарезана и спросил, о чём идет речь. Выяснилось, что товарищ Голый, администратор опытный, искушенный в принципе «доверяй, но проверяй», навел справки о гражданине Ойре-Ойре Р. П., и сведения о семейном положении этого гражданина оказались столь неблагоприятными, что товарищ Голый мнением положил: гражданина Ойре-Ойре Р. П. вперед на порог не пускать и от ухаживания иных матrimоний в отношении товарища Ирины отстранить, а товарищу Ирине объявить выговор и предложить ей в дисциплинарном порядке забыть и думать об указанном гражданине Ойре-Ойре Р. П. Выяснилось далее, что к отстранению от матrimоний старший из магистров отнесся легко, если не сказать легкомысленно, но мучается теперь вполне обоснованным страхом, что оргвыводы отстранением не закончились и весьма возможен неофициальный закулисныйговор между местной администрацией в лице товарища Голого и Тройкой в лице товарища Вунюкова о невидании товарищем Ойре-Ойре Р. П. спрута Спиридона как своих ушей без зеркала. Короче говоря, старший из магистров потерпел сокрушительное поражение и был отброшен на исходные рубежи.

Не менее решительное поражение, как оказалось, потерпел и грубый, темный, уголовный Виктор Корнеев. Ничего, кроме серых и черных слов, вытянуть из него не удавалось, но сами за себя говорили, во-первых, знакомый бидон с жидким пришельцем, стоящий в углу и готовый к возврату в комендантово лено, а во-вторых, крайне угнетенное состояние духа темного и уголовного Корнеева, свидетельствующее о переживаемой им ужасной нравственной трагедии. Можно

было только догадываться, что именно произошло, и как наяву виделись великие: грустный Жиан Жиакомо, укоризненный Федор Симеонович и беспощадно-брехливый Кристобаль Хунта, произносящие перед понищим Корнеевым какие-то волшебной силы слова, которые нам не дано было услышать, и слава богу!

В отличие от двух своих собратьев-магистров Эдик Амперян не признавал себя потерпевшим окончательное поражение. Однако то, чему он оказался сегодня свидетелем — зверское избиение Клопа Говоруна, бездарное рассмотрение дела заразы Лизки и решительная расправа со злосчастным Коровым Вязлом, — изрядно потрепало его оптимизм. Решение же по заколдованныму мести, принятое немедленно после одного из лучших Эдиковых психологических этюдов, повергло его в панику. Следовало серьезно подумать о состоятельности методов позитивной реморализации в применении к неуязвимой Тройке.

Я закурил сигарету и, перестав сопротивляться, с головой погрузился в волны меланхолии, затопившей номер. Мне было совершенно ясно, что фортуна повернула к нам свою спину.

— Увы мне! — воскликнул вдруг Панург, грустно зябнув бубенцами. — Здесь печально, как в скорбном доме; здесь уныло, как на кладбище; а ведь вам еще неизвестна история блаженного Акакия! Вы еще не знаете, что Акакий был послушником у одного весьма сурового инока. Этот чернорябчик всячески терзал Акакия словом и жезлом, дабы смирить его дух и умертвить его плоть. Однако, поскольку Акакий, существование крайне незлобивое, сносил ругань и побои без единого стона и жалобы, инок этот, как часто бывает с садистическими натурами, постепенно распался и незаметно для себя переменил цель своих жестоких упражнений. Теперь он притекал Акакию, стремясь изо всех сил спровоцировать беднягу на бунт или хотя бы на просьбу о пощаде. И не преуспел ведь! Плечь сломались раньше духа, и Акакий в бозе почил. И вот, стоя над раскрытым гробом и глядя в мертвое лицо, разочарованный инок в злобе и раздражении думал: «Ушел-таки... Не повезло... Надо же, какая скотина попалась упрямая!» Как вдруг Акакий открыл один глаз и торжествующе показал иноку длинный язык...

— Чего надо? — хмуро спросил Панурга грубый Корнеев. — Чего вы здесь шляетесь?

— Витька, — сказал я, — это же Панург...

— Ну и что? Шляются тут всякие шуты гороховые, уши развесывают по чужим домам... — Он схватил оставленный Панургом колпак с бубенцами и высыпал в окно.

— У товарища Колуна тоже есть взрослая дочка, — задумчиво проговорил Роман, но Корнеев посмотрел на него с таким презрением, что старший из магистров только рукой махнул, сел и принял стаскивать матримониальные кремовые брюки.

Тогда Эдик решительно объявил, что нам остается одно: обратиться в высшие инстанции. Он, Эдик, не считает, правда, Тройку совершенно уж безнадежной и будет продолжать свои попытки реморализации, но толково составленная и разумно обоснованная до-кладная записка, по-деловому критикующая деятельность Тройки, будучи направлена по верному адресу, может вызвать желательные последствия. Эдику возразил Роман, прекрасно изучивший все такого рода входы и выходы. Он сказал, что никакая «телега» не способна вызвать желательные последствия, ибо попадет она либо к товарищу Голому, духовная близость которого к товарищу Вунюкову очевидна, либо к товарищу Колуну, для которого авторитет профессора Выбегаллы не менее весом, нежели авторитет магистра Амперяна, и который, как добросовестный человек, не согласится выступать арбитром в научном споре. Так что в лучшем случае «телега» ничего не изменит, а в худшем — настроит Тройку на мстительный образ мысли.

Это было похоже на правду, и Корнеев предложил нейтрализовать Выбегаллу в надежде, что новый научный консультант окажется порядочным человеком. Витькино предложение показалось нам неясным. Непонятно было, что Корнеев имеет в виду под словом «нейтрализовать» и почему эта нейтрализация приведет к появлению нового консультанта. Впрочем, Корнеев с возмущением и достаточно грубо отверг наши подозрения и сказал, что имеется в виду лишь кампания по систематическому спасанию профессора, которую кто-нибудь из нас развернет. Разница два приползет заседать на бровях, сказал Витька, его и погнут. Мы были разочарованы. В высшей степени сомнительным представлялось, чтобы кто-нибудь из нас в отдельности или даже все мы вместе способны были бы за пиршественным столом поставить Выбегаллу на брови. Кишка у нас была тонка, слабы мы были в коленках, и не хватало для такой кампании пороха.

Я предложил изготовить дубли всех экспонатов, в которых мы были заинтересованы, и подсунуть их Тройке вместо оригиналов. Мне казалось, что это позволит нам выиграть время, а там, глядишь, мы что-нибудь и придумаем. Мое предложение было отвергнуто — как паллиативное, оппортунистическое, дурно пахнущее и к тому же не водящее дело с мертирой точки. Тогда с горя я предложил создать дубликаты членов Тройки. Магистры удивились. Были заданы вопросы. Я не знал, зачем я это предложил.

У меня не было никаких оснований предполагать, будто Шестерка будет лучше Тройки. Я сказал это просто так, от отчаяния, и Корнеев заставил меня признать, что хотя я и демонстрирую иногда случайные озарения, но в сущности своей я как был дураком, так и остался.

Тут в разговор снова вмешался Панург и внес свое предложение, сформулированное в виде притчи о том, как некий Таврий Юбеллий остановил на улице убийцу двухсот двадцати пяти сенаторов консула Фульвия, сделал ему выговор и в знак протеста против позорной бойни заколол себя кинжалом. Некоторым кажется, что Таврий Юбеллий — герой, заключил Панург, но на самом деле он тоже дурак: зачем убивать себя, честного человека, если имеешь реальную возможность заколоть убийцу двух сотен своих друзей и знакомых? Мы обдумали идею, заложенную в этой притче, и отказались от нее, причем Корнеев заявил, что довольно с нас уголовщины.

Источник идей иссякал на глазах. Последнюю попытку сделал Эдик, предложивший в знак протеста облити бензином и сжечь на глазах у Тройки своего дубля. Роман усомнился в эффективности такого жеста, и они быстренько проиграли идею на моделях. Естественно. Роман оказался прав. Когда модель дубля вспыхнула, модель Лавра Федотовича отреагировала на происшествие стандартным высказыванием: «Затруднение? Товарищ Хлебовводов, устраните». И модель Хлебовводова, повалив на пол горящую модель дубля, затоптала ее ногами вместе с огнем. Больше идей не было, но зато позвонил телефон.

— Профессора Привалова Александра Ивановича можно позвать? — осведомился до тошноты знакомый дребезжащий голос.

— Да, — сказал я. — Слушаю вас, товарищ Машкин.

— Так что разрешите доложить, — сказал Эдельвейс, — что указания ваши я выполнил в точности. Две страницы уже перепечатал. Но вот беда какая... Не по-русски там идет... У меня в агрегате таких букв и нету. Иностранные, видать... Их печатать или как?

— А! — сказал я, догадавшись, что речь идет о латинских наименованиях. — Обязательно печатать!

— А ежели в ем этих букв нету?

— Тогда срисовывайте рукой... Очень хорошо! Агрегат заодно и срисовывать научится... Действуйте.

Я повесил трубку, и у меня даже на сердце потеплело, когда я представил себе, как настырный Эдельвейс, вместо того чтобы путаться под ногами, клянчить приказы, мучить меня своей глупостью, мирно сидит себе за «ремингтоном», колотит по клавишам и, высунув язык, срисовывает латинские буквы. И еще долго будет колотить и срисовывать, а когда мы покончим с Бремом, то возьмем сначала тридцать томов Чарльза Диккенса, а затем, даст бог, примемся за девяностотомное собрание сочинений Льва Николаевича со всеми письмами, статьями, заметками и комментариями... Нет-ет, Витька не совсем прав, не такой уж я дурак, мне только взяться, а там уж я...

Я торжествующе оглядел кислые физиономии друзей моих и только было собрано для поднятия духа рассказать им, как умные люди обходят вставшие у них на пути препятствия, возвещенные тупостью и невежеством, вдруг неожиданное решение нашей проблемы выскоцило у меня откуда-то из мозжечка и мгновенно завладело серым веществом. Несколько секунд я лихорадочно искал практическое решение осенившей меня светлой идеи, не нашел его и, не желая далее искать в одиночку, быстро и несвязно стал рассказывать, как я обуздал Эдельвейса.

Меня поняли, едва я упомянул о Бреме. Мне сказали, чтобы я замолчал. Мне сказали, чтобы я заткнулся и не мешал. Мне сказали, что я молодец, ясная голова, и мне тут же сказали, что будет лучше, если я уйду и перестану путаться под ногами.

— Вечный двигатель! — провозгласил Роман. — Десь заявок. Лучше двадцать.

— Двадцать на двигатель первого рода, — подхватил Эдик, — столько же на двигатель второго рода...

— Разумный селенит, — сказал Витька. — Оборудование для спиритического кабинета...

— Дух Наполеона! — вскричал Эдик. — Я знаю, в Колонии есть две штуки!

— По пять заявок на каждую...

— Духи — это блеск. Дух Македонского, дух Бисмарка, дух Чингисхана...

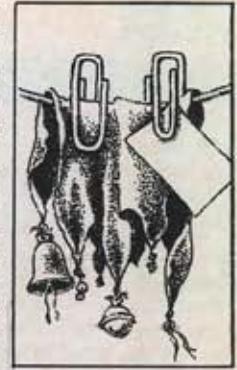
— Дух Амперяна!

— Откуда ты его возьмешь?

— Сделаем!

— Правильно, сделаем! А что еще можно сделать?

— Подождите, — сказал Роман. — Сделать можно все, не пропадем. Но нужно десять тысяч заявок, а это значит — десять тысяч авторитетных подписей, десять тысяч бланков, десять тысяч конвертов... Далее наша почта не справится, надо ей помочь...

Включая радио или телевизор, вы имеете шанс услышать о том, «как прекрасен этот мир», где есть «соло-вийные рощи» и который надо беречь, ибо «второй такой Земли не будет». Но нередко звучат и такие легкие, ничего не знающие слова: «Ах, мама, где моя панама?...», «Квакала лягушка ква-ква-ква...». Подобные шлягеры заставляют задуматься о механизме рождения и распространения песен-пустышек, потоком льющихся отовсюду.

Сегодня в большинстве своем песни более не «поются», как было раньше. Теперь под них в основном танцуют. И какой, согласитесь, смысл поэту «биться» над словом, когда в шуме дискотеки текста все равно не слышишь. Куда быстрее и проще подобрать рефрен типа «мама-панама». Тут достаточно профессиональных навыков и небольшого опыта, чтобы наложить текст на музыку. А поскольку эфир, как и зрители, постоянно требует песен, то авторы совершенно уверены, что их труд даром не пропадет. Пропасть может лишь главное достоинство советских песен — содержательность. Конечно, нельзя требовать, чтобы развлекательная музыка поднимала лишь темы высокого философского звучания. Но и низводить песню до проблем «квакающих лягушек», а тем более поддерживать такую музыку средствами массовой информации, думаю, не следует.

Интересно, что ответственности за широкую пропаганду дурновкусия, за засорение эфира песнями из репертуара подворотни практически никто не яснет, так как орган, решающий судьбу каждой новой песни в Государственном комитете по телевидению и радиовещанию, коллегиальный. Это художественные советы, функционирующие раздельно. На радио — при главной редакции музыкального радиовещания, на телевидении — при главной редакции музыкальных программ. Необходимость существования в одной организации двух музыкальных советов, осуществляющих общую политику в области музыки, для многих до сих пор загадка. Ибо произведения, принятые, к примеру, на радио, автоматически «проходят» на телевидении. И наоборот. Случаются парадоксальные ситуации, когда для песен, повседневно «крутящихся» по радио, вдруг «закрывают» экран телевизора.

Техника принятия песни на первый взгляд кажется простой и бесхитростной. Весь поток легкой музы-

А ЗВУЧИТЬ

ки, вливающийся в музыкальные радиоканалы Гостелерадио, устремляется сначала к редакторам отдела, а затем выносится на совет. В состав совета входят известные композиторы и поэты. Они призваны строго следить, чтобы в эфир попадали песни, которые бы воспитывали у молодежи высокие эстетические идеалы, музыкальный вкус.

Однако процедура прохождения песни в худсовете столь сложна, запутанна, а критерии оценки столь расплывчаты, что судьба произведения решается, что называется, «как бог на душу положит». Суть деятельности совета заключается в следующем. Приглашенный автор песни должен пропеть ее «под рояль». О том, что объективно оценить таким допотопным способом качество современной музыки, требующей аранжировок, невероятно сложно, знает каждый мало-мальски грамотный музыкант. В «сыром полуфабрикате» — такое выражение бытует среди композиторов — песни можно не разглядеть. Так, в свое время не приняты были на радио песни Д. Тухманова «День Победы» и В. Шанинского «Дрозды», ставшие впоследствии классикой советской эстрады. Ситуации подобного рода встречаются в деятельности советов и по сей день. Однако, несмотря на обилие казусов и нервотрепки, ни у кого до сих пор не возникло сомнения, целесообразна ли существующая форма приема песен.

Вообще желательно, чтобы композитор сразу являлся на прослушивание с готовой фонограммой. На телевидении, к слову сказать, без фонограмм не принято являться на совет. Там также не принято обсуждать, где автор, не имеющий собственной стационарной студии, может сделать качественную профессиональную фонограмму и во сколько это ему обойдется. Эти вопросы из области личных проблем композиторов и исполнителей.

Но вот песня одобрена советом, и если она счастливой судьбы, то состоится ее «истинное рождение» — она появится в эфире. Счастливая судьба — немаловажное условие, ибо среди 18 000 музыкальных произведений, хранящихся в фонотеке Гостелерадио, есть немало незаслужен-

но «забытых». Кстати, в этом огромном музыкальном арсенале нет ни одной записи песен Б. Окуджавы. А часто ли услышишь и увидишь, например, А. Асадуллина с песней Т. Сашко «Наш дом» или песню А. Мажкова на слова Л. Виноградовой «Час тишины»? Не случайно ссылаясь на песни гражданского звучания. По идеи в эфире им должен быть создан «режим наибольшего благоприятствования». Однако отношение к социальной песне органов вещания порой не просто удивляет — настороживает. В прошлом году Т. Сашко и Л. Виноградовой была написана песня «Звездный сюжет», посвященная одной из актуальных проблем современности — борьбе за мирный космос. Песня стала одной из лучших на пластинке «Мир, планета, Земля», выпущенной в Год мира. Но она не нашла «приюта» ни в одной телепередаче для молодежи. Наконец, песня была отснята для передачи «Здравствуй, мир, здравствуй, друг!», подготовленной во время Игр добрых вол. Но по непонятной причине «вылетела» из передачи перед самым эфиром. Телезрители смогли услышать ее только благодаря трансляции из Ленинграда «Музикального ринга» В. Леонтьева.

Практически песни гражданского звучания выполняют на телевидении роль парадного мундира, которым пользуются лишь в праздничные дни. Они отыскиваются в нужную минуту и, промелькнув в торжественном концерте, куда-то исчезают... Когда же песни определенной тематики «не звучат» во весь голос, композиторы перестают их писать. Немало талантливых эстрадных коллективов, исполнителей, вокально-инструментальных ансамблей пребывают вне поля зрения вещательных организаций. О существовании самобытнейшего коллектива «Эллада», более десяти лет работающего в жанре лирической песни, широкая аудитория узнала лишь благодаря фирме «Мелодия», выпустившей диски гигантского ансамбля. Однако, как утверждают руководящие работники музыкальных редакций Гостелерадио, фирма «Мелодия» — организация коммерческая, и потому ее задачи в популяризации эстрадной музыки несколько отличаются от задач

совета Гостелерадио. Именно поэтому на «Мелодии» существует свой собственный художественный совет.

Добрые слова приходится слышать в адрес музыкальных радиопрограмм «Ты, я и песня», «Мастро», «Снимается кино», «Встречи в пятой студии», «Спорт, музыка, спорт». Но каких титанических трудов стоит авторам этих передач подобрать добротный музыкальный материал. А сколько времени и сил приходится тратить на «пробивание» песен неизвестного композитора. Хотя, как считают многие, «возиться» с композиторами — дело Союза композиторов. В этом бытующем на радио и телевидении мнении и кроется, на мой взгляд, корень зла.

Дело в том, что все без исключения авторы-песенники несут свои новые произведения по традиции на радио и телевидение. Традиция эта сложилась в начале 60-х годов. На радио в те благоприятные времена не боялись помочь начинающим авторам, «подсказать» песню. Ответственность за выпуск песни в эфир полностью лежала на редакторах отдела. И, что поразительно, именно тогда, когда никто не боялся в эфир одна за другой летели чудесные песни, такие, как «Подмосковные вечера», «Морянка», «ЛЭП-500...». И сегодня по традиции вполне оправданной, ведь вещание — кратчайший путь к слушателю, молодые композиторы несут свои работы в музыкальные редакции Гостелерадио. Только теперь совет, который лишь «пропускает» через себя все вновь созданное, совершенно не соответствует своему названию, так как совета и помощи от него не дождешься. Да и о какой помощи может идти речь, если формулировки решений художественного совета на телевидении крайне расплывчаты. Песни советом только «рекомендуются».

Не в этой ли расплывчатости формулировок, решений, организационных принципов всего музыкального вещания, а главное — в «расплывчатой» ответственности за содержательность музыкального эфира кроется причина бедственного положения современной советской песни.

Нынче стало модным упрекать нашу молодежь за приверженность к западной музыке, за музыкальное дурновкусие. Но если кто-нибудь из усердно сетующих задастся целью и прослушает в течение месяца все музыкальные передачи радио и телевидения подряд, то, я уверена, очень скоро чувство раздражения по отношению к нашей молодежи заменит чувство жалости. Стоит только прислушаться к звучащей вокруг музыке...

Читайте в ближайших номерах:

Трудные из спецшколы.

Рассказ Леонида Бежина.

Надо быть смелым! Беседа с писателем Владимиром Дудинцевым.

Ясная Поляна.
Наша радость и боль.

Борис Беккер:
теннис нашего времени.

Литературный силуэт Джорджа Гордона Байрона.

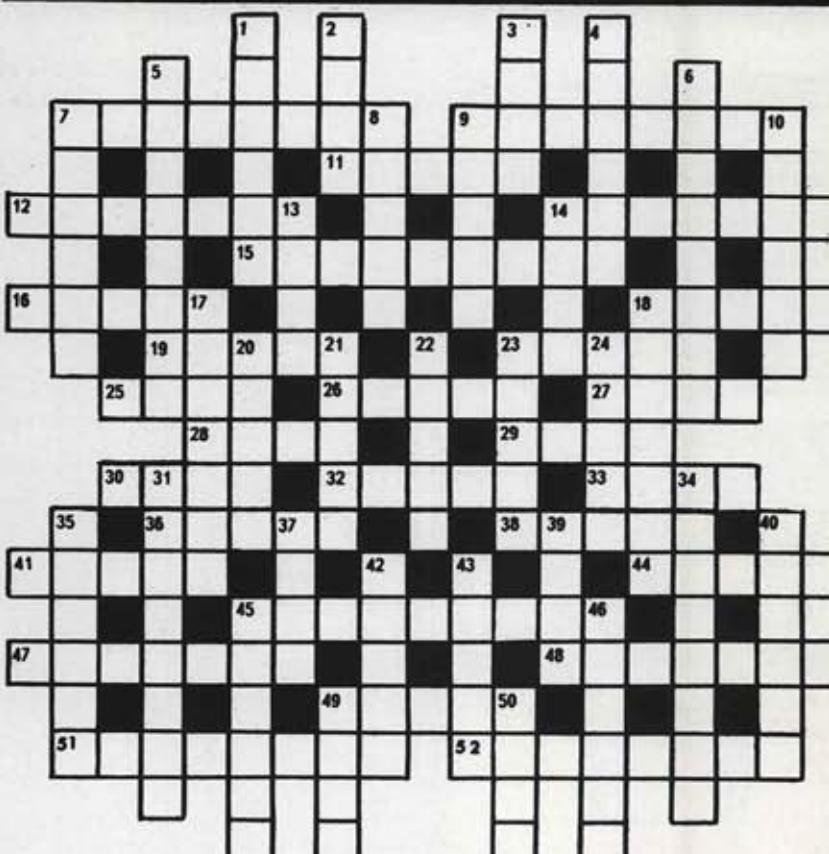

В гостях у «Музыкального клуба» композитор Игорь Николаев.

Подпись на «Смену» не закончилась, она продолжается. Вы можете выписать журнал в любом почтовом отделении, в агентстве «Союзпечати» до 1-го числа предподписного месяца. В розницу журнал поступает в ограниченном количестве.

КРОССВОРД

Составил А. Сорока. Полтава

По горизонтали:

7. Наука о взаимоотношениях в живом мире, название которой предложил в 1866 году Э. Геккель. 9. Спортивное сооружение, где родилось мастерство М. Старостина, В. Серебрякова, С. Часовских. 11. Мексиканский огурец, известный еще ацтекам. 12. Человек, отличающийся сильными чувствами, быстрой действий, энергичной мимикой. 14. Газета французских коммунистов. 15. Предмет — место действия в известной сказке В. Одоевского. 16. Домашнее животное, которое К. Тимирязев любил за независимость характера. 18. Вид древнекитайского спектакля. 19. Плато в Китае, наполовину засыпанное песками. 23. Название речного порога в Сибири. 25. Среднеазиатское переносное жилье. 26. Зимой скрываюсь, весной появляюсь, летом веселюсь, зимой спать ложусь (загадка). 27. Кичка, цилиндр, чалма (общее название).

28. Герой греческих мифов, в честь которого назван остров в Эгейском море. 29. «Новогоднее» дерево в Ливане. 30. Обычная пища в русских сказках. 32. Индийский олень, известный еще римлянам. 33. Французский писатель-утопист. 36. Бобовая культура, чей цветок похож на бабочку. 38. Пристань на Воткинском водохранилище. 41. Первейший, по словам В. Соловьева, предмет в деревенской избе. 44. Книга, которой постоянно пользовался в работе М. Фрунзе. 45. Театр В. Гюго. 47. Звание, в которое римский император Калигула пытался возвести своего коня. 48. Самоцвет, в котором, если отшлифовать его кабошоном, возникает эффект подвижной световой волны. 49. Рассказ в «Записках охотника» И. Тургенева. 51. Надежда, предположение, расчет. 52. Способ обработки металлов.

По вертикали:

1. Новый сторонник идеи, учения. 2. Житель города, где родился композитор В. Шебалин. 3. Полосун, ракоед (общее название). 4. «Одежда» для патронов. 5. Ткань, купленная на шинель героям повести Н. Гоголя. 6. Немецкий писатель-романтик. 7. Морской измерительный прибор. 8. Город на севере Иордании. 9. Жанр вокальной музыки, возникший в средневековой Франции. 10. Английский футболист, возведенный в звание лорда. 13. Самый знаменитый из революционеров-подпольщиков (настоящая фамилия — Тер-Петросян). 14. Американская растение с мясистыми, колючими на вершине листьями. 17. Любимый овощ Петра Первого. 18. Место засады полка, решившего исход Куликовской битвы. 20. Конечный пункт популярного международного ралли, стартующего в Париже. 21. Чувство, неведомое Зигфриду, герою опер Р. Вагнера. 22. Единственный герой мировой литературы, к которому молодость пришла после старости. 23. Город в Лаосе на реке Мун. 24. Советский врач, главный хирург украинских партизан. 31. Деятельность Д. Бедного на фронте. 34. Обувь А. Пушкина во время учебы в лицее. 35. Металл, окислы которого придают Марсу ржавый оттенок. 37. Композитор, чью оперу слушал Печорин в романе М. Лермонтова «Княгиня Лиговская». 39. Русский физик, открывший обратимость электрических машин. 40. Самая популярная в Финляндии морская рыба. 42. Средство, которым Грязной хотел приворожить Марфу в опере Н. Римского-Корсакова «Царская невеста». 43. Южный лекарственный полукустарник с голубыми цветами. 45. Пальма, самое длинное в мире растение; растянутое, оно оказалось бы выше Эйфелевой башни. 46. Высокогорный штат Индии. 49. Эмблема музыкального искусства. 50. Противник.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 12

По горизонтали:

9. Бирюза. 10. Реверс. 11. ...лакомка... 12. «Жизель». 13. Гидрак. 14. Касатка. 17. Парадокс. 20. Ронгалит. 23. ...волан... 25. Осанка. 26. Древко. 27. Морзе. 28. Ятница. 29. Носарь. 30. Рокас. 33. ...золотник... 37. Затмение. 41. Антант. 42. Флобер. 43. Власов. 44. Выговор. 45. ...хватка. 46. Италия.

По вертикали:

1. Чилига. 2. Кювета. 3. Валько. 4. Инкассо. 5. Деметра. 6. Ураган. 7. Шведка. 8. «Эрнани». 15. Аквамарин. 16. Конденсат. 18. Расстил. 19. Дантин. 21. Герасим. 22. Лаверан. 24. Лирик. 31. Октагон. 32. Азанавур. 34. Облава. 35. Орбита. 36. Нарвал. 38. Таврия. 39. Ералаш. 40. Ирония.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года.
Выходит два раза в месяц.

№ 13 (1443)

июль 1987

Москва, издательство «Правда»

Главный редактор
Альберт ЛИХАНОВ

Редколлегия:
Валерий ВИНОКУРОВ
Борис ДАНЮШЕВСКИЙ (ответственный секретарь)
Владимир ДЕСЯТЕРИК
Михаил КИЗИЛОВ (заместитель главного редактора)
Александр КУЛЕШОВ
Иосиф ОРДЖОНИКИДЗЕ
Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ
Евгений РЯБЧИКОВ
Вадим САЮШЕВ
Виталий СЕВАСТЬЯНОВ
Владислав СЕРИКОВ
Игорь СЕРКОВ (заместитель главного редактора)
Олег ШЕСТИНСКИЙ

Главный художник
Виталий ФЕДОРОВ

Художник
Геннадий КОРНЫШЕВ
Технический редактор
Диана МАЗУР

101457, ГСП, Москва,
Бумажный проезд, 14

212-15-07 — для справок. Отделы:
212-21-59 — рабочей молодежи и науки,
250-29-39 — коммунистического воспитания,
251-32-84 — фотоочерка,
212-21-38 — военно-спортивный,
212-13-19 — международной жизни,
251-04-10 — литературы и искусства,
212-11-27 — писем и массовой работы.

Рукописи, фото и рисунки
не возвращаются.

Рукописи объемом
более одного авторского листа
(24 машинописные страницы)
редакцией не рассматриваются.

Издательство «Правда»
«Смена», 1987 г.

Сдано в набор 20.05.87.
Подписано к печати 02.06.87.
А 03435. Формат 70 × 108 1/2.
Глубокая печать. Усл. печ. л. 5.60
Уч.-изд. л. 11.55. Усл. кр.-отт. 21.7
Тираж 1 300 000 экз.
Изд. № 1781. Заказ № 715.
Ордена Ленина
и ордена Октябрьской Революции
типолиграфия имени В. И. Ленина
издательства ЦК КПСС «Правда».
125865, ГСП, Москва, А-137,
улица «Правды», 24.

Напоминаем вам, уважаемые читатели, что публикации рубрики «Спортивный автограф» готовятся по вашим письмам. Сегодня наш гость — лучший футболист Европы по итогам прошлого сезона Игорь Беланов, о встрече с которым просили В. Митрохин (Горький), С. Бабаева (Ашхабад), И. Луконенко (д. Юрасовка, Ворошиловградской обл.) и еще 247 читателей.

Освободившись, спокойно играя, о двух мастерах бельгийских элитного квалификации от штрафных, он вдруг машино «выстрелил» в дальнюю от оппонента вратаря Пифира в верхний угол. Стадион в своем истинством походит на проснувшийся вулкан, вот он, покерк мастера, и каждого мастера!

А мастера этого, между прочим, упорно не принимали в свое время в детские команды, квалифицированные тренеры открыто сетовали на отсутствие у него спортивного характера, и уж совсем не смотрели в его сторону руководители союзной страны. Неудивлен, обидчив, зажмурит — типичный «игрок настроения».

Но сам он в любом настроении добрым словом вспоминал люди, с которыми смелько тернистая и счастливая спортивная судьба. Кумиры одесских болельщиков Эдуарда Масловского, первым разгневавшего в щупальцем 12-летнем парнишке задатки «грозы вратарей» Никонту Симонину, который в пору работы

в одесском «Черноморце» начало времена потратил на индивидуальные занятия и беседы с Игорем не только пять, но футбольные темы. Валерий Лозиновского, предложившего попробовать свои силы в киевском «Динамо» игроку с репутацией неуживчивого строптивца.

Футбол для Беланова — это неустанные стремления добиваться уважения соперников, доверия тренеров, признания зрителей. Затинувшиеся пресмыкания на вторых ролях было по самолюбию Игоря.

На просто давалось и продемонстрировать собственные недостатки — играл в том же «Черноморце», где он, не полунка точного своеобразного наса, остановился обидеться, начать выражать своим видом недовольство партнерами, высмеивать, и свою очередь, негодующие реалии и сист трофеи. Да и столкнувшись на поле с защитником-«костопромом», лорон терялся, опускал руки.

И лишь с позапрошлого сезона увидите вы на поле другого Беланова.

К прежней легкости и стремительности добавились элит, неуступчивость, жажда боевы. Добавился характер.

Соперники же с таким Белановым до мексиканского чемпионата мира знакомы, по существу, не были — в составе сборной СССР на конуне первенства Игорь прошел лишь один единственный матч. Тем изожданным был тот фурор, который произошел на юношеских полях 26-летний студент Китайского государственного института физкультуры. Выдающийся в прошлом португальский форвард Жозеу сказал тогда, оценивая игру советского нападающего:

— Если бы представилась возможность, я с удовольствием составил бы ему компанию на поле.

Тем в Мексике, Энебио еще не знал, что окажется один в одной с Белановым: по окончании сезона-86 ежунедельник «Франс футбол» называет нашего футболиста лучшим в Европе — он станет обладателем «Золотого мяча» — приза, которым владели Мэттьюз, Ди Стефано, Яшин, Эмбоди.

И надо же такому случиться — как раз в день торжественного награждения лучшими из континента игрок не забил пенальти! И вновь гудел огромный стадион — на сей раз в недоумении. А раздосадованный и смущенный Беланов лишь переживал неудачу. Но что поделаешь — раз и навсегда успеха добиться невозможно. Доказывать свои претензии на лидерство надо всякий раз заново. Судя все же же соперника, тренеры, зрители. И убедить их можно только игрок.

Александр ЛЬВОВ

ИГОРЬ БЕЛНОВ

В дружбе
«Динамо» — «Белое»
Беланов

фото Юрия Соколова

